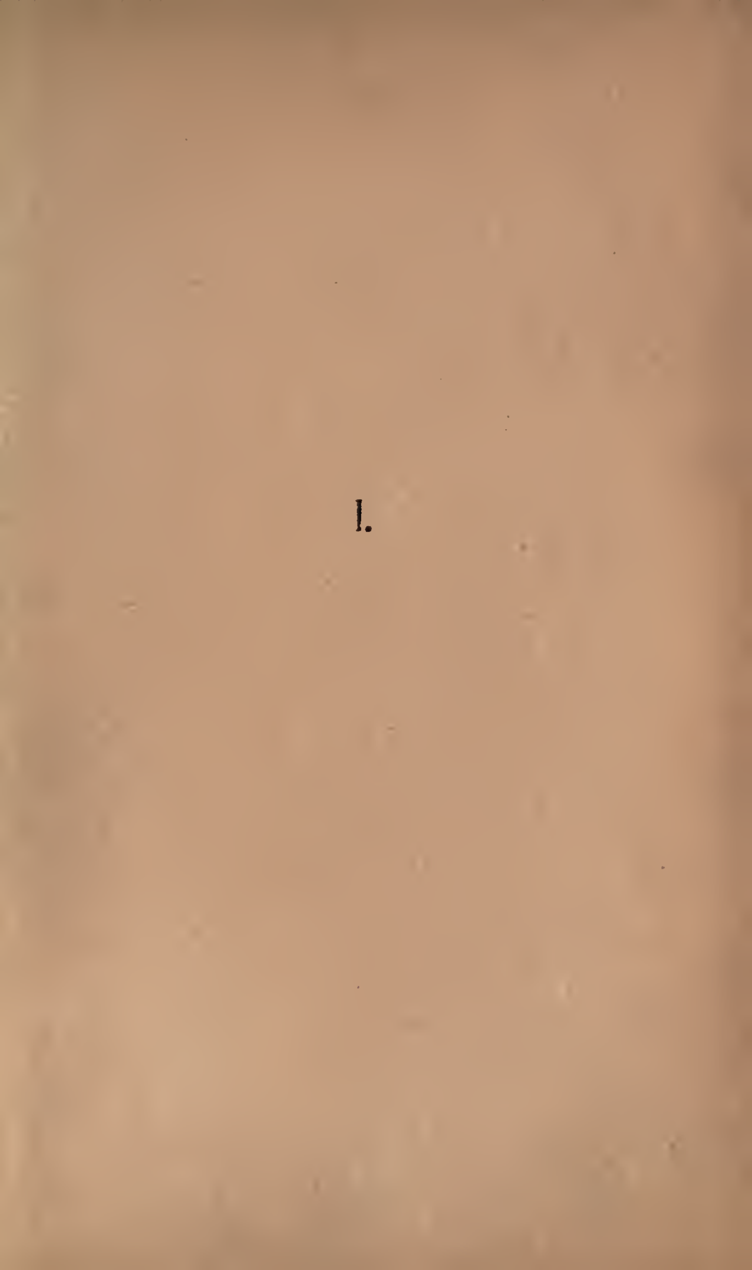
ИВ. БУНИНЪ

ГОСПОДИНЪ
изъ
САНЪ-ФРАНЦИСКО

Paris
Imprimerie „Union", 46, Boulevard Saint-Jacques
1920

Ив. Бунинъ

ПРОИЗВЕДЕНІЯ 1915—16 г.

I.

Господинъ
изъ Санъ-Франциско.

Горе тебѣ, Вавилонъ, городъ крѣпкій!

Апокалипсисъ.

Господинъ изъ Санъ-Франциско — имени его ни въ Неаполѣ, ни на Капри никто не запомнилъ — ѣхалъ въ Старый Свѣтъ на цѣлыхъ два года, съ женой и дочерью, единственно ради развлеченія.

Онъ былъ твердо увѣренъ, что имѣетъ полное право на отдыхъ, на удовольствіе, на путешествіе долгое и комфортабельное и мало ли еще на что. Для такой увѣренности у него былъ тотъ резонъ, что, во-первыхъ, онъ былъ богатъ, а во-вторыхъ, только что приступалъ къ жизни, несмотря на свои пятьдесятъ восемь лѣтъ. До этой поры онъ не жилъ, а лишь существовалъ, правда, очень недурно, но все же возлагая всѣ надежды на будущее. Онъ работалъ не покладая рукъ, — китайцы, которыхъ онъ выписывалъ къ себѣ на работы цѣлыми тысячами, хорошо знали, что это значитъ! — и наконецъ увидѣлъ, что сдѣлано уже много, что онъ почти сравнялся съ тѣми, кого нѣкогда взялъ себѣ за образецъ, и рѣшилъ передохнуть. Люди, къ которымъ принадлежалъ онъ, имѣли обы-

чай начинать наслажденія жизнью съ поѣздки въ Европу, въ Индію, въ Египетъ. Положилъ и онъ поступить такъ же. Конечно, онъ хотѣлъ вознаградить за годы труда прежде всего себя; однако радъ былъ и за жену съ дочерью. Жена его никогда не отличалась особой впечатлительностью, но вѣдь всѣ пожилыя американки — страстныя путешественницы. А что до дочери, дѣвушки на возрастѣ и слегка болѣзненной, то для нея путешествіе было прямо необходимо: не говоря уже о пользѣ для здоровья, развѣ не бываетъ въ путешествіяхъ счастливыхъ встрѣчъ? Тутъ иной разъ сидишь за столомъ или разсматриваешь фрески рядомъ съ милліардеромъ.

Маршрутъ былъ выработанъ господиномъ изъ Санъ-Франциско обширный. Въ декабрѣ и январѣ онъ надѣялся наслаждаться солнцемъ Южной Италіи, памятниками древности, тарантеллой, серенадами бродячихъ пѣвцовъ и тѣмъ, что люди въ его годы чувствуютъ особенно тонко, — любовью молоденькихъ неаполитанокъ, пусть даже и не совсѣмъ безкорыстной; карнавалъ онъ думалъ провести въ Ниццѣ, въ Монте-Карло, куда въ эту пору стекается самое отборное общество, — то самое, отъ котораго зависятъ всѣ блага цивилизаціи: и фасонъ смокинговъ, и прочность троновъ, и объявленіе войнъ, и благосостояніе отелей, — гдѣ одни съ азартомъ предаются автомобильнымъ и парусным гонкамъ, другіе рулеткѣ, третьи тому, что принято называть флиртомъ, а четвертые — стрѣльбѣ въ голубей, которые очень красиво взвиваются изъ садковъ надъ изумруднымъ газономъ, на фонѣ моря цвѣта

незабудокъ, и точасъ же стукаются бѣлыми комочками о землю; начало марта онъ хотѣлъ посвятить Флоренціи, къ Страстямъ Господнимъ пріѣхать въ Римъ, чтобы слушать тамъ Miserere; входили въ его планы и Венеція, и Парижъ, и бой быковъ въ Севильѣ, и купанье на англійскихъ островахъ, и Аѳины, и Константинополь, и Палестина, и Египетъ, и даже Японія,—разумѣется, уже на обратномъ пути... И все пошло сперва отлично.

Былъ конецъ ноября, почти до самаго Гибралтара пришлось плыть то въ ледяной мглѣ, то среди бури съ мокрымъ снѣгомъ; но плыли вполнѣ благополучно и даже безъ качки, пассажировъ на пароходѣ оказалось много, и все люди крупные, пароходъ — знаменитая «Атлантида» — былъ похожъ на самый дорогой европейскій отель со всѣми удобствами,—съ ночнымъ баромъ, съ восточными банями, съ собственной газетой,— и жизнь на немъ протекала по самому высшему регламенту: вставали рано, при трубныхъ звукахъ, рѣзко раздававшихся по коридорамъ еще въ тотъ сумрачный часъ, когда такъ медленно и непривѣтливо свѣтало надъ сѣро-зеленой водяной пустыней, тяжело волновавшейся въ туманѣ; накинувъ фланелевыя пиджамы, пили кофе, шоколадъ, какао; затѣмъ садились въ мраморныя ванны, дѣлали гимнастику, возбуждая аппетитъ и хорошее самочувствіе, совершали дневные туалеты и шли къ первому завтраку; до одиннадцати часовъ полагалось бодро гулять по палубамъ, дыша холодной свѣжестью океана, или играть въ шеффль-бордъ

и другія игры для новаго возбужденія аппетита, а въ одиннадцать — подкрѣпляться бутербродами съ бульономъ; подкрѣпившись, съ удовольствіемъ читали газету и спокойно ждали второго завтрака, еще болѣе питательнаго и разнообразнаго, чѣмъ первый; слѣдующія два часа посвящались отдыху; всѣ палубы были заставлены тогда лонгшезами, на которыхъ путешественники лежали, укрывшись пледами, глядя на облачное небо и на пѣнистые бугры, мелькавшіе за бортомъ, или сладко задремывая; въ пятомъ часу ихъ, освѣженныхъ и повеселѣвшихъ, поили крѣпкимъ душистымъ чаемъ съ печеньями; въ семь повѣщали трубными сигналами объ обѣдѣ изъ девяти блюдъ... И тутъ господинъ изъ Санъ-Франциско, потирая отъ прилива жизненныхъ силъ руки, спѣшилъ въ свою богатую люксъ-кабину — одѣваться.

По вечерамъ этажи «Атлантиды» зіяли во мракѣ какъ бы огненными несмѣтными глазами, и великое множество слугъ работало въ поварскихъ, судомойняхъ и винныхъ складахъ съ особенной лихорадочностью. Океанъ, ходившій за стѣнами, былъ страшенъ, но о немъ не думали, твердо вѣря во власть надъ нимъ командира, рыжаго человѣка чудовищной величины и грузности, всегда какъ бы соннаго, похожаго въ своемъ мундирѣ съ широкими золотыми нашивками на огромнаго идола и очень рѣдко появлявшагося на-люди изъ своихъ таинственныхъ покоевъ; на бакѣ поминутно взвывала съ адской мрачностью и взвизгивала съ неистовой злобой сирена, но немногіе изъ обѣдающихъ слышали сирену—ее заглушали звуки прекрас-

наго струннаго оркестра, изысканно и неустанно игравшаго въ громадной двухсвѣтной залѣ, отдѣланной мраморомъ и устланной бархатными коврами, празднично залитой огнями хрустальныхъ люстръ и золоченныхъ жирандолей, переполненной декольтированными дамами въ брилліантахъ и мужчинами въ смокингахъ, стройными лакеями и почтительными метрдотелями, среди которыхъ одинъ, тотъ, что принималъ заказы только на вина, ходилъ даже съ цѣпью на шеѣ, какъ какой-нибудь лордъ-мэръ. Смокингъ и идеальное бѣлье очень молодили господина изъ Санъ-Франциско. Сухой, невысокій, неладно скроенный, но крѣпко сшитый, расчищенный до глянца и въ мѣру оживленный, онъ сидѣлъ въ золотисто-жемчужномъ сіяніи этого чертога за бутылкой янтарнаго іоганисберга, за безчисленными бокалами и бокальчиками тончайшаго стекла, за кудрявымъ букетомъ кудрявыхъ гіацинтовъ. Нѣчто монгольское было въ его желтоватомъ лицѣ съ подстриженными серебряными усами, золотыми пломбами блестѣли его крупные зубы, старой слоновой костью — крѣпкая лысая голова. Богато, но по годамъ была одѣта его жена, женщина крупная, широкая и спокойная; сложно, но легко и прозрачно, съ невинной откровенностью — дочь, высокая, тонкая, съ великолѣпными волосами, прелестно убранными, съ ароматическимъ отъ фіалковыхъ лепешечекъ дыханіемъ и съ нѣжнѣйшими розовыми прыщиками возлѣ губъ и между лопатокъ, чуть припудренныхъ... Обѣдъ длился цѣлыхъ два часа, а послѣ обѣда открывались въ

бальной залѣ танцы, во время которыхъ мужчины, — въ томъ числѣ, конечно, и господинъ изъ Санъ-Франциско, — задравъ ноги, рѣшали на основаніи послѣднихъ политическихъ и биржевыхъ новостей судьбы народовъ и до малиновой красноты лица накуривались гаванскими сигарами и напивались ликерами въ барѣ, гдѣ служили негры въ красныхъ камзолахъ, съ бѣлками, похожими на облупленныя крутыя яйца. Океанъ съ гуломъ ходилъ за стѣной черными горами, вьюга крѣпко свистала въ отяжелѣвшихъ снастяхъ, пароходъ весь дрожалъ, одолѣвая и ее, и эти горы, — точно плугомъ разваливая на стороны ихъ зыбкія, то и дѣло вскипавшія и высоко взвивавшіяся пѣнистыми хвостами громады, — въ смертной тоскѣ стенала удушаемая туманомъ сирена, мерзли отъ стужи и шалѣли отъ непосильнаго напряженія вниманія вахтенные на своей вышкѣ, мрачнымъ и знойнымъ нѣдрамъ преисподней, ея послѣднему, девятому кругу была подобна подводная утроба парохода, —та, гдѣ глухо гоготали исполинскія топки, пожиравшія своими раскаленными зѣвами груды каменнаго угля, съ грохотомъ ввергаемаго въ нихъ облитыми ѣдкимъ, грязнымъ потомъ и по поясъ голыми людьми, багровыми отъ пламени; а тутъ, въ барѣ, беззаботно закидывали ноги на ручки креселъ, цѣдили коньякъ и ликеры, плавали въ волнахъ пряного дыма и тонко бесѣдовали, въ танцовальной залѣ все сіяло и изливало свѣтъ, тепло и радость, пары то крутились въ вальсахъ, то изгибались въ танго — и музыка настойчиво, въ какой то сладостно-безстыдной пе-

чали молила все объ одномъ, все о томъ же... Былъ среди этой блистающей толпы посланникъ, сухой, скромный старичекъ, былъ великій богачъ, бритый, длинный, неопредѣленныхъ лѣтъ, похожій на прелата, въ старомодномъ фракѣ, былъ извѣстный испанскій писатель, была всесвѣтная красавица, уже чуть-чуть поблекшая и незавидной нравственности, была изящная влюбленная пара, за которой всѣ съ любопытствомъ слѣдили и которая не скрывала своего счастья: *онъ* танцовалъ только съ ней, пѣлъ — и съ большимъ умѣньемъ —только подъ ея аккомпанементъ, и все выходило у нихъ такъ очаровательно, что только одинъ командиръ зналъ, что эта пара нанята ллойдомъ играть въ любовь за хорошія деньги и уже давно плаваетъ то на одномъ, то на другомъ кораблѣ.

Въ Гибралтарѣ всѣхъ обрадовало солнце, было похоже на раннюю весну; на борту «Атлантиды» появился новый пассажиръ, возбудившій къ себѣ общій интересъ, — наслѣдный принцъ одного азіатскаго государства, путешествовавшій инкогнито, человѣкъ маленькій и точно весь деревянный, хотя и ловкій въ движеніяхъ, широколицый, узкоглазый, въ золотыхъ очкахъ, слегка непріятный тѣмъ, что крупные черные усы сквозили у него какъ у мертваго, въ общемъ же милый, простой и скромный. Въ Средиземномъ морѣ снова пахнуло зимой, шла крупная и цвѣтистая, какъ хвостъ павлина, волна, съ бѣлоснѣжными гребнями, которую, при яркомъ блескѣ и совершенно чистомъ небѣ, развела весело и бѣшенно летѣвшая навстрѣчу трамонтана... Потомъ, на вторыя сутки,

небо стало блѣднѣть, горизонтъ затуманился: близилась земля, показались Искія, Капри, въ бинокль уже виденъ былъ кусками сахара насыпанный у подножія чего то сизаго Неаполя, а надъ нимъ и надъ этимъ сизымъ — смутно и мертво бѣлѣющая снѣгами гряда далекихъ горъ. Много народу стояло на палубахъ, многіе леди и джентльмены уже надѣли легкія, мѣхомъ вверхъ, шубки; безотвѣтные, всегда шопотомъ говорящіе бои-китайцы, кривоногіе подростки со смоляными косами до пятъ и съ дѣвичьими густыми рѣсницами, исподволь вытаскивали къ лѣсницамъ пледы, трости, чемоданы и несессеры изъ крокодиловой кожи... Дочь господина изъ Санъ-Франциско стояла рядомъ съ принцемъ, вчера вечеромъ, по счастливой случайности, представленнымъ ей, и дѣлала видъ, что пристально смотритъ въ даль, куда онъ указывалъ ей, что-то объясняя, что-то торопливо и негромко разсказывая; онъ по росту казался среди другихъ мальчикомъ, онъ былъ совсѣмъ не хорошъ собой и страненъ, —очки, котелокъ, англійское пальто, а волосы рѣдкихъ усовъ точно конскіе, смуглая, тонкая кожа на плоскомъ лицѣ точно натянута и какъ будто слегка лакирована, — но дѣвушка слушала его и отъ волненія не понимала, что онъ ей говоритъ; сердце ея билось отъ непонятнаго восторга передъ нимъ и отъ гордости, что онъ стоитъ и разговариваетъ именно съ ней: все, все въ немъ было не такое, какъ у другихъ,— его сухія руки, его чистая кожа, подъ которой текла древняя царская кровь, даже его европейская, совсѣмъ простая, но какъ будто особенно опрятная одежда таили въ себѣ не-

изъяснимое очарованіе, вызывали чувство влюбленности. А самъ господинъ изъ Санъ-Франциско, въ цилиндрѣ, въ сѣрыхъ гетрахъ на лакированныхъ ботинкахъ, все поглядывалъ на стоявшую возлѣ него знаменитую красавицу, высокую, удивительнаго сложенія блондинку съ разрисованными по послѣдней парижской модѣ глазами, державшую на серебряной цѣпочкѣ крохотную, гнутую, облѣзлую собачку и все разговаривавшую съ нею. И дочь, въ какой-то смутной неловкости, старалась не замѣчать отца.

Какъ всѣ состоятельные американцы, онъ былъ очень щедръ въ путешествіяхъ и, какъ всѣ они, вѣрилъ въ полную искренность и расположеніе тѣхъ, которые съ такой заботливостью кормили и поили его, съ утра до вечера служили ему, предупреждая его малѣйшее желаніе, охраняли его чистоту и покой, таскали его вещи, звали для него носильщиковъ, доставляли его сундуки въ гостиницы. Такъ было всюду, такъ было въ плаваніи, такъ должно было быть и въ Неаполѣ. Неаполь росъ и приближался; музыканты, блестя мѣдью духовыхъ инструментовъ, уже столпились на палубѣ и вдругъ оглушили всѣхъ торжествующими звуками марша, гигантъ-командиръ, въ парадной формѣ, появился на своихъ мосткахъ и, какъ милостивый языческій богъ, привѣтственно помоталъ рукой пассажирамъ — и господину изъ Санъ-Франциско, такъ же, какъ и всѣмъ прочимъ, казалось, что это для него одного гремитъ маршъ, столь любимый гордой Америкой, что это его привѣтствуетъ командиръ съ благополучнымъ прибытіемъ. А когда «Ат-

лантида» вошла наконецъ въ гавань, привалила къ набережной своей многоэтажной громадой, усѣянной людьми, и загрохотали сходни, — сколько портье и ихъ помощниковъ въ картузахъ съ золотыми галунами, сколько всякихъ комиссіонеровъ, свистуновъ мальчишекъ и здоровенныхъ оборванцевъ съ пачками цвѣтныхъ открытокъ въ рукахъ кинулось къ нему навстрѣчу съ предложеніемъ услугъ! И онъ съ ласковой презрительностью ухмылялся этимъ оборванцамъ, идя къ автомобилю того самаго отеля, гдѣ могъ остановиться и принцъ, и спокойно говорилъ сквозь зубы то по-англійски, то по-итальянски:

— Go away! Via!

Жизнь въ Неаполѣ тотчасъ же потекла по заведенному порядку: рано утромъ — завтракъ въ сумрачной столовой со сквознымъ влажнымъ вѣтромъ изъ открытыхъ въ какой-то каменистый садикъ оконъ, облачное, мало обѣщающее небо и толпа гидовъ у дверей вестибюля; потомъ первыя улыбки теплаго розоватаго солнца, видъ съ высоко висящаго балкона на Везувій, до подножія окутанный сіяющими утренними парами, на серебристо-жемчужную рябь залива и тонкій абрисъ Капри на горизонтѣ, на бѣгущихъ внизу, по липкой набережной, крохотныхъ осликовъ въ двуколкахъ и на отряды мелкихъ солдатиковъ, шагающихъ куда то съ бодрой и вызывающей музыкой; потомъ — выходъ къ автомобилю и медленное движеніе по люднымъ узкимъ и сырымъ корридорамъ улицъ, среди высокихъ, многооконныхъ домовъ, осмотръ мертвенно-чистыхъ и ровно, пріятно,

но скучно, точно снѣгомъ освѣщенныхъ музеевъ или холодныхъ, пахнущихъ воскомъ церквей, въ которыхъ повсюду одно и то же: величавый входъ, закрытый тяжкой кожаной завѣсой, а внутри — огромная пустота, молчаніе, тихіе огоньки семисвѣчника, краснѣющіе въ глубинѣ на престолѣ, убранномъ кружевами, одинокая старуха среди темныхъ деревянныхъ партъ, скользкія гробовыя плиты подъ ногами и чье-нибудь «Снятіе со Креста», непремѣнно знаменитое; въ часъ — второй завтракъ на горѣ Санъ-Мартино, куда съѣзжается къ полудню не мало людей самаго перваго сорта и гдѣ однажды дочери господина изъ Санъ-Франциско чуть не сдѣлалось дурно отъ радости, потому что ей показалось, что въ залѣ сидитъ принцъ, хотя она уже знала изъ газетъ, что онъ на время уѣхалъ въ Римъ; въ пять — чай въ отелѣ, въ нарядномъ салонѣ, гдѣ такъ тепло отъ ковровъ и пылающихъ каминовъ; а тамъ уже и приготовленія къ обѣду — и снова мощный, властный гулъ гонга по всѣмъ этажамъ, снова вереницы шуршащихъ по лѣстницамъ шелками и отражающихся въ зеркалахъ декольтированныхъ дамъ, снова широко и гостепріимно открытый чертогъ столовой, и красныя куртки музыкантовъ на эстрадѣ, и черная толпа лакеевъ возлѣ метрдотеля, съ необыкновеннымъ мастерствомъ разливающаго по тарелкамъ какой-то густой розовый супъ... Обѣды, какъ всюду, были вѣнцомъ каждаго дня, къ нимъ наряжались какъ на свадьбу, и они были такъ обильны и кушаньями, и винами, и минеральными водами, и сластями, и фруктами, что

къ одиннадцати часамъ вечера по всѣмъ номерамъ разносили горничныя каучуковые пузыри съ горячей водой для согрѣванія желудковъ.

Однако декабрь выдался въ тотъ годъ не совсѣмъ удачный для Неаполя; портье конфузились, когда съ ними говорили о погодѣ, и только виновато поднимали плечи, бормоча, что такого года они и не запомнятъ, хотя уже не первый годъ приходилось имъ бормотать это и ссылаться на то, что «всюду происходитъ что-то ужасное»: на Ривьерѣ небывалые ливни и бури, въ Аѳинахъ снѣгъ, Этна тоже вся занесена и по ночамъ свѣтитъ, изъ Палермо туристы, спасаясь отъ стужи, разбѣгаются. Утреннее солнце каждый день обманывало въ эту зиму неаполитанцевъ: съ полудня неизмѣнно сѣрѣло и начиналъ сѣять мелкій дождь, да все гуще и холоднѣе; тогда пальмы у подъѣзда отеля блестѣли жестью, городъ казался особенно грязнымъ и тѣснымъ, музеи черезчуръ однообразными, сигарные окурки толстяковъ-извозчиковъ въ резиновыхъ, крыльями развѣвающихся по вѣтру накидкахъ — нестерпимо вонючими, энергичное хлопанье ихъ бичей надъ тонкошеими клячами явно фальшивымъ, обувь синьоровъ, разметающихъ трамвайныя рельсы, ужасною, а женщины, шлепающія по грязи, подъ дождемъ, съ черными раскрытыми головами,— безобразно коротконогими; про сырость же и вонь гнилой рыбой отъ пѣнящагося у набережной моря и говорить нечего. Господинъ и госпожа изъ Санъ-Франциско стали по утрамъ ссориться; дочь ихъ то ходила блѣдная, съ головной болью, то оживала, всѣмъ

восхищалась и была тогда и мила, и прекрасна: прекрасны были тѣ нѣжныя, сложныя чувства, что пробудила въ ней встрѣча съ некрасивымъ человѣкомъ, въ которомъ текла необычная кровь, ибо вѣдь, въ концѣ-то концовъ, можетъ быть, и не важно, что именно пробуждаетъ дѣвичью душу, — деньги ли, слава ли, знатность ли рода... Всѣ увѣряли, что совсѣмъ не то въ Сорренто, на Капри — тамъ и теплѣй, и солнечнѣй, и лимоны цвѣтутъ и нравы честнѣе, и вино натуральнѣй. И вотъ семья изъ Санъ-Франциско рѣшила отправиться со всѣми своими сундуками на Капри, съ тѣмъ, чтобы, осмотрѣвъ его, походивъ по камнямъ на мѣстѣ дворцовъ Тиверія, побывавъ въ сказочныхъ пещерахъ Лазурнаго Грота и послушавъ абруццскихъ волынщиковъ, цѣлый мѣсяцъ бродящихъ передъ Рождествомъ по острову и поющихъ хвалы Дѣвѣ Маріи, поселиться въ Сорренто.

Въ день отъѣзда, — очень памятный для семьи изъ Санъ-Франциско! — даже и съ утра солнца не было. Тяжелый туманъ до самаго основанія скрывалъ Везувій, низко сѣрѣлъ надъ свинцовой зыбью моря, терявшагося изъ глазъ на разстояніи полумили. Капри совсѣмъ не было видно — точно его никогда и несуществовало на свѣтѣ. И маленькій пароходикъ, направившійся къ нему, такъ валяло со стороны на сторону, что семья изъ Санъ-Франциско пластомъ лежала на диванахъ въ жалкой каютъ-компаніи этого пароходика, закутавъ ноги пледами и закрывъ отъ дурноты глаза. Миссисъ страдала, какъ она думала, больше всѣхъ; ее нѣсколь-

ко разъ одолѣвала морская болѣзнь, ей казалось, что она умираетъ, а горничная, прибѣгавшая къ ней съ тазикомъ, — уже многіе годы изо дня въ день качавшаяся на этихъ волнахъ и въ зной и въ стужу и все-таки неутомимая и всегда со всѣми ласковая, — только смѣялась. Миссъ была ужасно блѣдна и держала въ зубахъ ломтикъ лимона; теперь ее не радовала даже надежда на нечаянную встрѣчу съ принцемъ въ Сорренто, гдѣ онъ намѣревался быть къ Рождеству. Мистеръ, лежавшій на спинѣ, въ широкомъ пальто и большомъ картузѣ, не разжималъ челюстей всю дорогу; лицо его стало темнымъ, усы бѣлыми, голова тяжко болѣла: послѣдніе дни, благодаря дурной погодѣ, онъ пилъ по вечерамъ слишкомъ много и слишкомъ много любовался «живыми картинами» въ притонахъ тонкаго разврата. А дождь сѣкъ въ дребезжащія стекла, на диваны съ нихъ текло, вѣтеръ съ воемъ ломилъ въ мачты и порою, вмѣстѣ съ налетавшей волной, клалъ пароходикъ совсѣмъ на бокъ, и тогда съ грохотомъ катилось что-то внизу. На остановкахъ, въ Кастелламаре, въ Сорренто, было немного легче; но и тутъ размахивало страшно, берегъ со всѣми своими обрывами, садами, пиніями, розовыми и бѣлыми отелями и дымными, курчаво-зелеными горами леталъ за окномъ внизъ и вверхъ какъ на качеляхъ; въ стѣны стукались лодки, матросы и третьеклассники азартно орали, гдѣ-то, точно раздавленный, давился крикомъ ребенокъ, сырой вѣтеръ дулъ въ двери и ни на минуту не смолкая, пронзительно вопилъ съ качавшейся барки подъ флагомъ гостин-

ницы «Royal» картавый мальчишка, заманивавшій путешественниковъ: «Kgoya-al! Hôtel Kgoya-a!..» И господинъ изъ Санъ-Франциско, чувствуя себя такъ, какъ и подобало ему, — совсѣмъ старикомъ, —уже съ тоской и злобой думалъ обо всѣхъ этихъ «Royal», «Splendid», «Excelsior» и объ этихъ жадныхъ, воняющихъ чеснокомъ людишкахъ, называемыхъ итальянцами; разъ во время остановки, открывъ глаза и приподнявшись съ дивана, онъ увидѣлъ подъ скалистымъ отвѣсомъ берега кучу такихъ жалкихъ, насквозь проплѣсневѣвшихъ каменныхъ домишекъ, налѣпленныхъ другъ на друга у самой воды, возлѣ лодокъ, возлѣ какихъ-то тряпокъ, жестянокъ, и коричневыхъ сѣтей, что, вспомнивъ, что это и есть подлинная Италія, которой онъ пріѣхалъ наслаждаться, почувствовалъ отчаяніе... Наконецъ, въ сумеркахъ, стала надвигаться черная масса острова, точно насквозь просверленная у подножія красными огоньками, вѣтеръ сталъ мягче, теплѣй, благовоннѣй, по смиряющимся волнамъ, переливавшимся какъ черное масло, потекли золотые удавы отъ фонарей пристани... Потомъ вдругъ загремѣлъ и съ плескомъ шлепнулся въ воду якорь, наперебой понеслись отовсюду яростные крики лодочниковъ — и сразу стало на душѣ легче, ярче засіяла каютъ-компанія, захотѣлось ѣсть, пить, курить, двигаться... Черезъ десять минутъ семья изъ Санъ-Франциско сошла въ большую барку, черезъ пятнадцать ступила на камни набережной, а затѣмъ сѣла въ свѣтлый вагончикъ и съ жужжаніемъ потянулась

вверхъ по откосу, среди кольевъ на виноградникахъ, полуразвалившихся каменныхъ оградъ и мокрыхъ, корявыхъ, прикрытыхъ кое-гдѣ соломенными навѣсами апельсинныхъ деревьевъ, съ блескомъ оранжевыхъ плодовъ и толстой глянцевитой листвы скользившихъ внизъ, подъ гору, мимо открытыхъ оконъ вагончика... Сладко пахнетъ въ Италіи земля послѣ дождя, и свой, особый ароматъ есть у каждаго ея острова!

Островъ Капри былъ сыръ и теменъ въ этотъ вечеръ. Но тутъ онъ на минуту ожилъ, кое-гдѣ освѣтился, какъ всегда въ часъ прибытія парохода. На верху горы, на площадкѣ, гдѣ находилась станція фюникюлера, уже опять стояла толпа тѣхъ, на обязанности которыхъ лежало достойно принять господина изъ Санъ-Франциско. Были и другіе пріѣзжіе, но не заслуживающіе вниманія, — нѣсколько русскихъ, поселившихся на Капри, неряшливыхъ и разсѣянныхъ отъ своихъ книжныхъ думъ, въ очкахъ съ бородами, съ поднятыми воротниками старыхъ драповыхъ пальто, и компанія длинноногихъ, длинношеихъ, круглоголовыхъ нѣмецкихъ юношей въ тирольскихъ костюмахъ и съ холщевыми сумками за плечами, не нуждающихся ни въ чьихъ услугахъ, всюду чувствующихъ себя какъ дома и совсѣмъ не щедрыхъ на траты. Господинъ же изъ Санъ-Франциско, спокойно сторонившійся и отъ тѣхъ и отъ другихъ, былъ сразу замѣченъ. Ему и его дамамъ торопливо помогли выйти, передъ нимъ побѣжали впередъ, указывая дорогу, его снова окружили мальчишки и тѣ дюжія капрійскія бабы, что носятъ на

головахъ чемоданы и сундуки порядочныхъ путешественниковъ. Застучали по маленькой, точно оперной площади, надъ которой качался отъ влажнаго вѣтра электрическій шаръ, ихъ деревянныя ножныя скамеечки, по птичьему засвистала и закувыркалась черезъ голову орава мальчишекъ — и какъ по сценѣ пошелъ среди нихъ господинъ изъ Санъ-Франциско къ какой-то средневѣковой аркѣ подъ слитыми въ одно домами, за которой покато вела къ сіяющему впереди подъѣзду отеля звонкая уличка съ вихромъ пальмы надъ плоскими крышами налѣво и синими звѣздами на черномъ небѣ вверху... И опять было похоже, что это въ честь гостей изъ Санъ-Франциско ожилъ каменный сырой городокъ на скалистомъ островкѣ въ Средиземномъ морѣ, что это они сдѣлали такимъ счастливымъ и радушнымъ хозяина отеля, что только ихъ ждалъ китайскій гонгъ, завывшій по всѣмъ этажамъ сборъ къ обѣду, едва вступили они въ вестибюль.

Вѣжливо и изыскано поклонившійся хозяинъ, отмѣнно элегантный молодой человѣкъ, встрѣтившій ихъ, на мгновеніе поразилъ господина изъ Санъ-Франциско: взглянувъ на него, господинъ изъ Санъ-Франциско вдругъ вспомнилъ, что нынче ночью, среди прочей путаницы образовъ, осаждавшихъ его во снѣ, онъ видѣлъ именно этого джентльмена, точь въ точь такого же, какъ этотъ, въ той же визиткѣ съ круглыми полами и съ той же напомаженной и тщательно причесанной головой. Удивленный, онъ даже чуть было не пріостановился.

Но какъ въ душѣ его уже давнымъ-давно не осталось ни даже горчичнаго сѣмени какихъ-либо, такъ называемыхъ, мистическихъ чувствъ, то тотчасъ же и померкло его удивленіе: шутя сказалъ онъ объ этомъ странномъ совпаденіи сна и дѣйствительности женѣ и дочери, проходя по корридору отеля. И только одна дочь съ тревогой взглянула на него въ этотъ моментъ: сердце ея внезапно сжала тоска, такое сильное чувство одиночества на этомъ чужомъ, темномъ островѣ, что она чуть не заплакала. Но все-таки она ничего не сказала отцу о своихъ чувствахъ—какъ всегда.

Только что отбыла гостившая на Капри высокая особа—Рейсъ XVII. И гостямъ изъ Санъ-Франциско отвели тѣ самые апартаменты, которые онъ занималъ. Къ нимъ приставили самую красивую и умѣлую горничную, бельгійку, съ тонкой и твердой отъ корсета таліей и въ крахмальномъ чепчикѣ въ видѣ маленькой зубчатой короны, самаго виднаго и характернаго изъ лакеевъ, угольно-чернаго, огнеглазаго сицилійца, и самаго расторопнаго корридорнаго, маленькаго и полнаго Луиджи, большого шутника, много перемѣнившаго мѣстъ на своемъ вѣку. А черезъ минуту въ дверь комнаты господина изъ Санъ-Франциско легонько стукнулъ французъ метрдотель, явившійся, чтобы узнать, будутъ ли господа пріѣзжіе обѣдать, и въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, въ которомъ, впрочемъ, не было сомнѣнія, доложить, что сегодня лангустъ, ростбифъ, спаржа, фазаны и такъ далѣе. Полъ еще ходилъ подъ господиномъ изъ Санъ-Франци-

ско, — такъ закачалъ его этотъ дрянной итальянскій пароходишко, — но онъ не спѣша, собственноручно, хотя съ непривычки и не совсѣмъ ловко, закрылъ хлопнувшее при входѣ метрдотеля окно, изъ котораго пахнуло запахомъ дальней кухни и мокрыхъ цвѣтовъ въ саду, и съ неторопливой отчетливостью отвѣтилъ, что обѣдать они будутъ, что столикъ для нихъ долженъ быть поставленъ подальше отъ дверей, въ самой глубинѣ залы, что пить они будутъ мѣстное вино и шампанское, — въ мѣру сухое, которое слѣдуетъ похододить только слегка, — и каждому его слову метрдотель поддакивалъ въ самыхъ разнообразныхъ интонаціяхъ, имѣвшихъ однако только тотъ смыслъ, что нѣтъ и не можетъ быть сомнѣнія въ правотѣ желаній господина изъ Санъ-Франциско и что все будетъ исполнено въ точности. Напослѣдокъ онъ склонилъ голову и деликатно спросилъ:

— Все, сэръ?

И, получивъ въ отвѣтъ медлительное «yes», прибавилъ, что сегодня у нихъ въ вестибюлѣ тарантелла — танцуютъ Кармелла и Джузеппе, извѣстные всей Италіи и «всему міру туристовъ».

— Я видѣлъ ее на открыткахъ, — сказалъ господинъ изъ Санъ-Франциско ничего не выражающимъ голосомъ. — А этотъ Джузеппе — ея мужъ?

— Двоюродный братъ, сэръ, — отвѣтилъ метрдотель.

И помедливъ, что-то подумавъ, но ничего не сказавъ, господинъ изъ Санъ Франциско отпустилъ его кивкомъ головы.

А затѣмъ онъ снова сталъ точно къ вѣнцу готовиться: повсюду зажегъ электричество, наполнилъ всѣ зеркала отраженіемъ свѣта и блеска, мебели и раскрытыхъ сундуковъ, сталъ бриться, мыться и поминутно звонить, въ то время какъ по всему корридору неслись и перебивали его другіе нетерпѣливые звонки, изъ комнатъ его жены и дочери. И Луиджи, въ своемъ красномъ передникѣ, съ легкостью, свойственной многимъ толстякамъ, дѣлая гримассы ужаса, до слезъ смѣшившія горничныхъ, пробѣгавшихъ мимо съ кафельными ведрами въ рукахъ, кубаремъ катился на звонокъ и, стукнувъ въ дверь костяшками, съ притворной робостью, съ доведенной до идіотизма почтительностью, спрашивалъ:

— Ha sonato, signore? (Вы звонили, синьоръ?)

И изъ-за двери слышался неспѣшный и скрипучій, обидно вѣжливый голосъ:

— Yes, come in...

Что чувствовалъ, что думалъ господинъ изъ Санъ-Франциско въ этотъ столь знаменательный для него вечеръ? Ничего особеннаго не чувствовалъ онъ, ибо и бѣда-то вся въ томъ, что на этомъ свѣтѣ по виду все слишкомъ просто! Если бы и ощутилъ онъ въ душѣ, что что-то должно случиться, то все равно подумалъ бы, что случится это еще не скоро, во всякомъ случаѣ не сейчасъ. Кромѣ того, какъ всякій испытавшій качку, онъ очень хотѣлъ ѣсть, съ наслажденіемъ мечталъ о первой ложкѣ супа, о первомъ глоткѣ вина и совершалъ привычное дѣло туалета даже въ нѣкоторомъ возбужденіи,

не оставлявшемъ времени для размышленій.

Выбрившись, вымывшись, ладно вставивъ нѣсколько зубовъ, онъ, стоя передъ зеркалами, смочилъ и придралъ щетками въ серебряной оправѣ остатки густыхъ жемчужныхъ волосъ вокругъ смугло-желтаго черепа, натянулъ на крѣпкое старческое тѣло съ полнѣющей отъ усиленнаго питанія таліей кремовое шелковое трико, а на сухія ноги съ плоскими ступнями — черные шелковые чулки и бальные туфли, присѣдая, привелъ въ порядокъ высоко подтянутыя шелковыми помочами черныя брюки и бѣлоснѣжную, съ выпятившейся грудью рубашку, вправилъ въ блестящія манжеты запонки и сталъ мучиться съ ловлей подъ твердымъ воротничкомъ запонки шейной. Полъ еще качался подъ нимъ, кончикамъ пальцевъ было очень больно, запонка порой крѣпко кусала дряблую кожицу въ углубленіи подъ кадыкомъ, но онъ былъ настойчивъ и наконецъ, съ сіяющими отъ напряженія глазами, весь сизый отъ сдавившаго ему горло, не въ мѣру тугого воротничка, таки додѣлалъ свое дѣло — и въ изнеможеніи присѣлъ передъ трюмо, весь отражаясь въ немъ и повторяясь въ другихъ зеркалахъ.

— О, это ужасно! — пробормоталъ онъ, опуская крѣпкую лысую голову и не стараясь понять, не думая, что именно ужасно; потомъ привычно и внимательно оглядѣлъ свои короткіе, съ подагрическими затвердѣніями на суставахъ пальцы, ихъ крупные и выпуклые ногти миндальнаго цвѣта и повторилъ съ убѣжденіемъ: — Это ужасно...

Но тутъ зычно, точно въ языческомъ хра-

мѣ, загудѣлъ по всему дому второй гонгъ. И поспѣшно вставъ съ мѣста, господинъ изъ Санъ-Франциско еще больше стянулъ воротничокъ галстукомъ, а животъ открытымъ жилетомъ, надѣлъ смокингъ, выправилъ манжеты, еще разъ оглядѣлъ себя въ зеркалѣ.. Эта Кармелла, смуглая, съ наигранными глазами, похожая на мулатку, въ цвѣтистомъ нарядѣ, гдѣ преобладаетъ оранжевый цвѣтъ, пляшетъ, должно быть, необыкновенно, подумалъ онъ. И, бодро выйдя изъ своей комнаты и подойдя по ковру къ сосѣдней, жениной, громко спросилъ, скоро ли онѣ?

— Черезъ пять минутъ, папà! — звонко и уже весело отозвался изъ-за двери дѣвичій голосъ.

— Отлично, — сказалъ господинъ изъ Санъ-Франциско.

И не спѣша пошелъ по корридорамъ и по лѣстницамъ, устланнымъ красными коврами, внизъ, отыскивая читальню. Встрѣчные слуги жались отъ него къ стѣнѣ, а онъ шелъ, какъ бы не замѣчая ихъ. Запоздавшая къ обѣду старуха, уже сутулая, съ молочными волосами, но декольтированная, въ свѣтло-сѣромъ шелковомъ платьѣ, поспѣшала изо всѣхъ силъ, но смѣшно, по-куриному, и онъ легко обогналъ ее. Возлѣ стеклянныхъ дверей столовой, гдѣ уже всѣ были въ сборѣ и начали ѣсть, онъ остановился передъ столикомъ, загроможденнымъ коробками сигаръ и египетскихъ папиросъ, взялъ большую маниллу и кинулъ на столикъ три лиры; на зимней верандѣ мимоходомъ глянулъ въ открытое окно: изъ темноты повѣяло на него нѣж-

нымъ воздухомъ, померещилась верхушка старой пальмы, раскинувшая по звѣздамъ свои вайи, казавшіяся гигантскими, донесся отдаленный ровный шумъ моря... Въ читальнѣ, уютной, тихой и свѣтлой только надъ столами, стоя шуршалъ газетами какой-то сѣдой нѣмецъ, неопрятный, похожій на Ибсена, въ серебряныхъ круглыхъ очкахъ и съ сумашедшими, изумленными глазами. Холодно осмотрѣвъ его, господинъ изъ Санъ-Франциско сѣлъ въ глубокое кожанное кресло въ углу, возлѣ лампы подъ зеленымъ колпакомъ, надѣлъ пенснэ и, дернувъ головой отъ душившаго его воротничка, весь закрылся газетнымъ листомъ. Онъ быстро пробѣжалъ заглавіе нѣкоторыхъ статей, прочелъ нѣсколько строкъ о никогда не прекращающейся балканской войнѣ, привычнымъ жестомъ перевернулъ газету,—какъ вдругъ строчки вспыхнули передъ нимъ стекляннымъ блескомъ, шея его напружилась, глаза выпучились, пенснэ слетѣло съ носа... Онъ рванулся впередъ, хотѣлъ глотнуть воздуха — и дико захрипѣлъ; нижняя челюсть его отпала, освѣтивъ весь ротъ золотомъ пломбъ, голова завалилась на плечо и замоталась, грудь рубашки выпятилась коробомъ — и все тѣло, извиваясь, задирая коверъ каблуками, поползло на полъ, отчаянно борясь съ кѣмъ-то.

Не будь въ читальнѣ нѣмца, быстро и ловко сумѣли бы въ гостиницѣ замять это ужасное происшествіе, мгновенно, задними ходами, умчали бы за ноги и за голову господина изъ Санъ-Франциско куда подальше — и ни единая душа изъ гостей не узна-

ла бы, что натворилъ онъ. Но нѣмецъ вырвался изъ читальни съ крикомъ, онъ всполошилъ весь домъ, всю столовую. И многіе вскакивали изъ-за ѣды, опрокидывая стулья, многіе, блѣднѣя, бѣжали къ читальнѣ, на всѣхъ языкахъ раздавалось: «что, что случилось?» — и никто не отвѣчалъ толкомъ, никто не понималъ ничего, такъ какъ люди и до сихъ поръ еще больше всего дивятся и ни за что не хотятъ вѣрить смерти. Хозяинъ метался отъ одного гостя къ другому, пытаясь задержать бѣгущихъ и успокоить ихъ поспѣшными завѣреніями, что это такъ, пустякъ, маленькій обморокъ съ однимъ господиномъ изъ Санъ Франциско... Но никто его не слушалъ, многіе видѣли, какъ лакеи и коррридорные срывали съ этого господина галстукъ, жилетъ, измятый смокингъ и даже зачѣмъ-то бальные башмаки съ черныхъ шелковыхъ ногъ съ плоскими ступнями. А онъ еще бился. Онъ настойчиво боролся со смертью, ни за что не хотѣлъ поддаться ей, такъ неожиданно и грубо навалившейся на него. Онъ моталъ головой, хрипѣлъ, какъ зарѣзанный, закатилъ глаза, какъ пьяный... Когда его торопливо внесли и положили на кровать въ сорокъ третій номеръ, — самый маленькій, самый плохой, самый сырой и холодный, въ концѣ нижняго корридора, — прибѣжала его дочь, съ распущенными волосами, въ распахнувшемся капотикѣ, съ обнаженной грудью, поднятой корсетомъ, потомъ большая, тяжелая и уже совсѣмъ наряженная къ обѣду жена, у которой ротъ былъ круглый отъ ужаса... Но тутъ онъ уже и головой пересталъ мотать.

Черезъ четверть часа въ отелѣ все кое-какъ пришло въ порядокъ. Но вечеръ былъ непоправимо испорченъ. Нѣкоторые, возвратясь въ столовую, дообѣдали, но молча, съ обиженными лицами, межъ тѣмъ какъ хозяинъ подходилъ то къ тому, то къ другому, въ безсильномъ и приличномъ раздраженіи пожимая плечами, чувствуя себя безъ вины виноватымъ, всѣхъ увѣряя, что онъ отлично понимаетъ, «какъ это непріятно», и давая слово, что онъ приметъ «всѣ зависящія отъ него мѣры» къ устраненію непріятности; тарантеллу пришлось отмѣнить, лишнее электричество потушили, большинство гостей ушло въ пивную, и стало такъ тихо, что четко слышался стукъ часовъ въ вестибюлѣ, гдѣ только одинъ попугай деревянно бормоталъ что-то, возясь передъ сномъ въ своей клѣткѣ, ухитряясь заснуть съ нелѣпо задранной на верхній шестокъ лапой... Господинъ изъ Санъ-Франциско лежалъ на дешевой желѣзной кровати, подъ грубыми шерстяными одѣялами, на которыя съ потолка тускло свѣтилъ одинъ рожокъ. Пузырь со льдомъ свисалъ на его мокрый и холодный лобъ. Сизое, уже мертвое лицо постепенно стыло, хриплое клокотанье, вырывавшееся изъ открытаго рта, освѣщеннаго отблескомъ золота, слабѣло. Это хрипѣлъ уже не господинъ изъ Санъ-Франциско, — его больше не было, — а кто-то другой. Жена, дочь, докторъ, прислуга стояли и тупо глядѣли на него. Вдругъ то, чего они ждали и боялись, совершилось — хрипъ оборвался. И медленно, медленно, на глазахъ у всѣхъ, потекла блѣдность по лицу умершаго, и черты его стали

утончаться, свѣтлѣть — красотой, уже давно подобавшей ему...

Вошелъ хозяинъ. — «Già è morto» — сказалъ ему шопотомъ докторъ. Хозяинъ съ безстрастнымъ лицомъ пожалъ плечами. Миссисъ, у которой тихо катились по щекамъ слезы, подошла къ нему и робко сказала, что теперь надо перенести покойнаго въ его комнату.

— О, нѣтъ, мадамъ,—поспѣшно, корректно, но уже безъ всякой любезности и не по-англійски, а по французски возразилъ хозяинъ, которому совсѣмъ не интересны были тѣ пустяки, что могли оставить теперь въ его кассѣ пріѣзжіе изъ Санъ-Франциско. — Это совершенно невозможно, мадамъ, — сказалъ онъ и прибавилъ въ поясненіе, что онъ очень цѣнитъ эти апартаменты, что если бы онъ исполнилъ ея желаніе, то всему Капри стало бы извѣстно объ этомъ и туристы начали бы избѣгать ихъ.

Миссъ, все время странно смотрѣвшая на него, сѣла на стулъ и, зажавъ ротъ платкомъ, зарыдала. У миссисъ слезы сразу высохли, лицо вспыхнуло. Она подняла тонъ, стала требовать, говоря на своемъ языкѣ и все еще не вѣря, что уваженіе къ нимъ окончательно потеряно. Хозяинъ съ вѣжливымъ достоинствомъ осадилъ ее: если мадамъ не нравятся порядки отеля, онъ не смѣетъ ее задерживать; и твердо заявилъ, что тѣло должно быть вывезено сегодня же на разсвѣтѣ, что полиціи уже дано знать, что представитель ея сейчасъ явится и исполнитъ необходимыя формальности... Можно ли достать на Капри хотя бы простой гробъ, спраши-

ваетъ мадамъ? Къ сожалѣнію, нѣтъ, ни въ какомъ случаѣ, а сдѣлать никто не успѣетъ. Придется поступить какъ-нибудь иначе... Содовую англійскую воду, напримѣръ, онъ получаетъ въ большихъ и длинныхъ ящикахъ... перегородки изъ такого ящика можно вынуть...

Ночью весь отель спалъ. Открыли окно въ сорокъ третьемъ номерѣ, — оно выходило въ уголъ сада, гдѣ подъ высокой каменной стѣной, утыканной по гребню битымъ стекломъ, росъ чахлый бананъ, — потушили электричество, заперли дверь на ключъ и ушли. Мертвый остался въ темнотѣ, синія звѣзды глядѣли на него съ неба, сверчокъ съ грустной беззаботностью запѣлъ въ стѣнѣ... Въ тускло освѣщенномъ корридорѣ сидѣли на подоконникѣ двѣ горничныя, что-то штопая. Вошелъ Луиджи съ кучей платья на рукѣ, въ туфляхъ.

— Pronto? (Готово?) — озабоченно спросилъ онъ звонкимъ шопотомъ, указывая глазами на страшную дверь въ концѣ корридора. И легонько помоталъ свободной рукой въ ту сторону: — Partenza! — шопотомъ крикнулъ онъ, какъ бы провожая поѣздъ, то, что обычно кричатъ въ Италіи на станціяхъ при отправленіи поѣздовъ, — и горничныя, давясь беззвучнымъ смѣхомъ, упали головами на плечи другъ другу.

Потомъ онъ, мягко подпрыгивая, подбѣжалъ къ самой двери, чуть стукнулъ въ нее и, склонивъ голову на-бокъ, вполголоса, почтительнѣйше спросилъ:

— Ha sonato, signore?

И, сдавивъ горло, выдвинувъ нижнюю

челюсть, скрипуче, медлительно и печально отвѣтилъ самъ себѣ, какъ бы изъ-за двери:

— Yes, come in...

А на разсвѣтѣ, когда побѣлѣло за окномъ сорокъ третьяго номера и влажный вѣтеръ зашуршалъ рваной листвой банана, когда поднялось и раскинулось надъ островомъ Капри голубое утреннее небо и озолотилась противъ солнца, восходящаго за далекими синими горами Италіи, чистая и четкая вершина Монте-Соляро, когда пошли на работу каменщики, поправлявшіе на островѣ тропинки для туристовъ, — принесли къ сорокъ третьему номеру длинный ящикъ изъ подъ содовой воды. Вскорѣ онъ сталъ очень тяжелъ—и крѣпко давилъ колѣни младшаго портье, который шибко повезъ его на одноконномъ извозчикѣ по бѣлому шоссе, взадъ и впередъ извивавшемуся по склонамъ Капри, среди каменныхъ оградъ и виноградниковъ, все внизъ и внизъ, до самаго моря. Извозчикъ, кволый человѣчекъ съ красными глазами, въ старомъ пиджачкѣ съ короткими рукавами и въ сбитыхъ башмакахъ, былъ съ похмелья, — цѣлую ночь игралъ въ кости въ тратторіи, и все хлесталъ свою крѣпкую лошадку, по-сициліански разряженную, спѣшно громыхающую всяческими бубенчиками на уздечкѣ въ цвѣтныхъ шерстянныхъ помпонахъ и на остріяхъ высокой мѣдной сѣделки, съ аршиннымъ, трясущимся на бѣгу птичьимъ перомъ, торчащимъ изъ подстриженной чолки. Извозчикъ молчалъ, былъ подавленъ своей безпутностью, своими пороками, — тѣмъ, что онъ до послѣдней полушки проигралъ ночью всѣ тѣ мѣдяки,

которыми были полны его карманы. Но утро было свѣжее, на такомъ воздухѣ, среди моря, подъ утреннимъ небомъ, хмель скоро улетучивается, и скоро возвращается беззаботность къ человѣку, да утѣшалъ извозчика и тотъ неожиданный заработокъ, что далъ ему какой-то господинъ изъ Санъ-Франциско, мотавшій своей мертвой головой въ ящикѣ за его спиною... Пароходикъ, жукомъ лежавшій далеко внизу, на нѣжной и яркой синевѣ, которой такъ густо и полно налитъ неаполитанскій заливъ, уже давалъ послѣдніе гудки — и они бодро отзывались по всему острову, каждый изгибъ котораго, каждый гребень, каждый камень былъ такъ ястввенно виденъ отовсюду, точно воздуха совсѣмъ не было. Возлѣ пристани младшаго портье догналъ старшій, мчавшій въ автомобилѣ миссъ и миссисъ, блѣдныхъ, съ провалившимися отъ слезъ и безсонной ночи глазами. И черезъ десять минутъ пароходикъ снова зашумѣлъ водой и снова побѣжалъ къ Сорренто, къ Касмелламаре, навсегда увозя отъ Капри семью изъ Санъ-Франциско... И на островѣ снова водворились миръ и покой.

На этомъ островѣ, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, жилъ человѣкъ, совершенно запутавшійся въ своихъ жестокихъ и грязныхъ поступкахъ, который почему-то забралъ власть надъ милліонами людей и который, самъ растерявшись отъ безсмысленности этой власти и отъ страха, что кто-нибудь убьетъ его изъ-за угла, надѣлалъ жестокостей сверхъ всякой мѣры, — и человѣчество навѣки зазапомнило его, и тѣ, что, въ совокупности

своей, столь же непонятно и, по существу, столь же жестоко, какъ и онъ, властвуютъ теперь въ мірѣ, со всего свѣта съѣзжаются смотрѣть на остатки того каменнаго дома, гдѣ жилъ онъ на одномъ изъ самыхъ крутыхъ подъемовъ острова. Въ это чудесное утро всѣ пріѣхавшіе на Капри именно съ этой цѣлью еще спали по гостинницамъ, хотя къ подъѣздамъ гостинницъ уже вели маленькихъ мышастыхъ осликовъ подъ красными сѣдлами, на которыя опять должны были нынче, проснувшись и наѣвшись, взгромоздиться молодые и старые американцы и американки, нѣмцы и нѣмки и за которыми опять должны были бѣжать по каменистымъ тропинкамъ, и все въ гору, вплоть до самой вершины Монте-Тиберіо, нищія капрійскія старухи съ палками въ жилистыхъ рукахъ, Успокоенные тѣмъ, что мертваго старика изъ Санъ-Франциско, тоже собиравшагося ѣхать съ ними, но вмѣсто того только напугавшаго ихъ напоминаніемъ о смерти, уже отправили въ Неаполь, путешественники спали крѣпкимъ сномъ, и на островѣ было еще тихо, магазины въ городѣ были еще закрыты. Торговалъ только рынокъ на маленькой площади—рыбой и зеленью, и были на немъ одни простые люди, среди которыхъ, какъ всегда, безъ всякаго дѣла, стоялъ Лоренцо, высокій старикъ лодочникъ, беззаботный гуляка и красавецъ, знаменитый по всей Италіи, не разъ служившій моделью многимъ живописцамъ: онъ принесъ и уже продалъ за безцѣнокъ двухъ пойманныхъ имъ ночью омаровъ, шуршавшихъ въ передникѣ повара того самаго отеля,

гдѣ ночевала семья изъ Санъ-Франциско, и теперь могъ спокойно стоять хоть до вечера, съ царственной повадкой поглядывая вокругъ, рисуясь своими лохмотьями, глиняной трубкой и краснымъ шерстяннымъ беретомъ, спущеннымъ на одно ухо. А по обрывамъ Монте-Соляро, по древней финикійской дорогѣ, вырубленной въ скалахъ, по ея каменнымъ ступенькамъ, спускались отъ Анакапри два абруццскихъ горца. У одного подъ кожаннымъ плащемъ была волынка, — большой козій мѣхъ съ двумя дудками, у другого — нѣчто въ родѣ деревянной цѣвницы. Шли они — и цѣлая страна, радостная, прекрасная, солнечная, простиралась подъ ними: и каменистые горбы острова, который почти весь лежалъ у ихъ ногъ, и та сказачная синева, въ которой плавалъ онъ, и сіяющіе утренніе пары надъ моремъ къ востоку, подъ ослѣпительнымъ солнцемъ, которое уже жарко грѣло, поднимаясь все выше и выше, и туманно-лазурные, еще по утреннему зыбкіе массивы Италіи, ея близкихъ и далекихъ горъ, красоту которыхъ безсильно выразить человѣческое слово... На полпути они замедлили шагъ: надъ дорогой, въ гротѣ скалистой стѣны Монте-Соляро, вся озаренная солнцемъ, вся въ теплѣ и блескѣ его, стояла въ бѣлоснѣжныхъ гипсовыхъ одеждахъ и въ царскомъ вѣнцѣ, золотисто-ржавомъ отъ непогодъ, Матерь Божія, кроткая и милостивая, съ очами, поднятыми къ небу, къ вѣчнымъ и блаженнымъ обителямъ трижды благославеннаго Сына Ея. Они обнажили головы, приложили къ губамъ свои цѣвницы — и полились наивныя и смиренно-ра-

достныя хвалы ихъ солнцу, утру, Ей, Непорочной заступницѣ всѣхъ страждущихъ въ этомъ зломъ и прекрасномъ мірѣ, и Рожденному отъ чрева Ея въ пещерѣ Виѳлеемской, въ бѣдномъ пастушскомъ пріютѣ, въ далекой землѣ Іудиной...

Тѣло же мертваго старика изъ Санъ-Франциско возвращалось домой, въ могилу, на берега Новаго Свѣта. Испытавъ много униженій, много человѣческаго невниманія, съ недѣлю пространствовавъ изъ одного портоваго пакгауза въ другой, оно снова попало наконецъ на тотъ же самый знаменитый корабль, на которомъ такъ еще недавно, съ такимъ почетомъ везли его въ Старый Свѣтъ. Но теперь уже скрывали его отъ живыхъ — глубоко спустили въ просмоленномъ гробѣ въ черный трюмъ. И опять, опять пошелъ корабль въ свой далекій морской путь. Ночью плылъ онъ мимо острова Капри, и печальны были его огни, медленно скрывавшіеся въ темномъ морѣ, для того, кто смотрѣлъ на нихъ съ острова. Но тамъ, на кораблѣ, въ свѣтлыхъ, сіяющихъ люстрами и мраморомъ залахъ, былъ, какъ обычно, людный балъ въ эту ночь.

Былъ онъ и на другую, и на третью ночь— опять среди бѣшеной вьюги, проносившейся надъ гудѣвшимъ, какъ погребальная месса, и ходившимъ траурными отъ серебрянной пѣны горами океаномъ. Безчисленные огненные глаза корабля были за снѣгомъ едва видны Дьяволу, слѣдившему со скалъ Гибралтара, съ каменистыхъ воротъ двухъ міровъ, за уходившимъ въ ночь и вьюгу кораблемъ. Дьяволъ былъ громаденъ, какъ

утесъ, но еще громаднѣе его былъ корабль, многоярусный, многотрубный, созданный гордыней Новаго Человѣка со старымъ сердцемъ. Вьюга билась въ его снасти и широкогорлыя трубы, побѣлѣвшія отъ снѣга, но онъ былъ стоекъ, твердъ, величавъ — и страшенъ. На самой верхней крышѣ его одиноко высились среди снѣжныхъ вихрей тѣ уютные, слабо освѣщенные покои, гдѣ, погруженный въ чуткую и тревожную дремоту, надо всѣмъ кораблемъ возсѣдалъ его грузный водитель, похожій на языческаго идола. Онъ слышалъ тяжкія завыванія и яростныя взвизгиванія сирены, удушаемой бурей, но успокаивалъ себя близостью того, въ конечномъ итогѣ для него самого непонятнаго, что̀ было за его стѣною: той большой, какъ бы бронированной каюты, что то и дѣло наполнялась таинственнымъ гуломъ, трепетомъ и сухимъ трескомъ синихъ огней, вспыхивавшихъ и разрывавшихся вокругъ блѣднолицаго телеграфиста съ металлическимъ полуобручемъ на головѣ. Въ самомъ низу, въ подводной утробѣ «Атлантиды», тускло блистали сталью, сипѣли паромъ и сочились кипяткомъ и масломъ тысячепудовыя громады котловъ и всяческихъ другихъ машинъ, той кухни, раскаляемой исподу адскими топками, въ которой варилось движеніе корабля, — клокотали страшныя въ своей сосредоточенности силы, передававшіяся въ самый киль его, въ безконечно длинное подземелье, въ туннель, озаренный электричествомъ, гдѣ медленно, съ подавляющей человѣческую душу неукоснительностью вращался въ своемъ маслянистомъ ложѣ исполинскій

валъ, точно живое чудовище, протянувшееся въ этомъ туннелѣ. А средина «Атлантиды», теплыя и роскошныя каюты ея, столовыя и бальная залы изливали свѣтъ и радость, гудѣли говоромъ нарядной толпы, благоухали свѣжими цвѣтами, пѣли струннымъ оркестромъ. И опять мучительно извивалась и порою судорожно сталкивалась среди этой толпы, среди блеска огней, шелковъ, бриллiантовъ и обнаженныхъ женскихъ плечъ тонкая и гибкая пара нанятыхъ влюбленныхъ: грѣшно-скромная, хорошенькая дѣвушка, съ опущенными рѣсницами, съ невинной прической, и рослый молодой человѣкъ, съ черными, какъ бы приклеенными волосами, блѣдный отъ пудры, въ изящнѣйшей лакированной обуви, въ узкомъ, съ длинными фалдами, фракѣ, — красавецъ, похожiй на огромную пiявку. И никто не зналъ ни того, что уже давно наскучило этой парѣ притворно мучиться своей блаженной мукой подъ безстыдно-грустную музыку, ни того, что стоитъ просмоленный гробъ глубоко, глубоко подъ ними, на днѣ темнаго трюма, въ сосѣдствѣ съ мрачными и знойными нѣдрами корабля, тяжко одолѣвающаго мракъ, океанъ, вьюгу...

1915.

Казимиръ Станиславовичъ.

На пожелтѣвшей визитной карточкѣ съ дворянской короной молодой швейцаръ гостиницы «Версаль» кое-какъ прочелъ только имя-отчество: Казимиръ Станиславовичъ; дальше слѣдовало нѣчто еще болѣе многосложное и еще болѣе трудное для произношенія. Повертѣвъ карточку въ рукахъ, онъ заглянулъ въ паспортъ, поданный пріѣзжимъ вмѣстѣ съ нею, пожалъ плечомъ, — никто изъ пріѣзжающихъ въ «Версаль» не предъявлялъ визитныхъ карточекъ, — бросилъ то и другое въ столикъ и опять сталъ глядѣться въ серебристо-молочное зеркальце надъ этимъ столикомъ, взбивая гребешкомъ свои густые волосы. Былъ онъ въ поддевкѣ и расчищенныхъ сапогахъ, золотой позументъ на его картузѣ былъ засаленъ, — гостиница была скверная.

Казимиръ Станиславовичъ выѣхалъ изъ Кіева въ Москву восьмого апрѣля, въ пятницу на Пасхѣ, по чьей-то телеграммѣ, заключавшей въ себѣ только одно слово: «десятаго». Деньги у него откуда-то взялись, сѣлъ онъ въ купэ второго класса, сѣрое, тусклое, но, вѣрно, дававшее ему ощущеніе роскоши и комфорта. Въ дорогѣ топили, и это вагонное тепло, запахъ калорифера и

тугое постукиваніе молоточковъ въ немъ могли напомнить Казимиру Станиславовичу другія времена. Порой казалось, что вернулась зима, бѣлая, очень бѣлая метель заносила въ поляхъ щетину рыжихъ жнивій и большія свинцовыя лужи, гдѣ плавали дикія утки; но метель эта часто и неожиданно прекращалась, таяла, поля прояснялись, за облаками чувствовалось много свѣта, а на станціяхъ чернѣли мокрыя платформы и кричали въ голыхъ тополяхъ грачи. Казимиръ Станиславовичъ на каждой большой станціи выходилъ къ буфету, возвращался въ вагонъ съ газетами въ рукахъ, но не читалъ ихъ, а сидѣлъ и тонулъ въ дыму своихъ толстыхъ папиросъ, горѣвшихъ жарко, съ искрами, и ни съ кѣмъ изъ сосѣдей, — одесскихъ евреевъ, всю дорогу игравшихъ въ карты, — не говорилъ ни слова. На немъ было осеннее пальто съ обитыми карманами, очень старый креповый цилиндръ и новая, но грубая, базарная обувь. Руки его, характерныя руки привычнаго пьяницы и давняго жильца подваловъ, зажигая спички, тряслись. О бѣдности и пьянствѣ свидѣтельствовало и все прочее: отсутствіе манжетъ, заношенный бумажный воротничокъ, ветхій галстукъ, воспаленное и до нельзя измятое лицо, ярко-голубые слезящіеся глаза. Баки его были крашены плохой коричневой краской, видъ имѣли неестественный. Глядѣлъ онъ устало и презрительно.

Въ Москву поѣздъ пришелъ на другой день совсѣмъ не во время, опоздалъ на цѣлыхъ семь часовъ. Погода была неопредѣленная, но лучше и суше кіевской, съ чѣмъ-

то волнующимъ въ воздухѣ. Казимиръ Станиславовичъ взялъ извозчика безъ торга и велѣлъ везти себя прямо въ «Версаль». «Я, братъ, — сказалъ онъ, неожиданно нарушая свое молчаніе, — эту гостиницу еще со студенческихъ временъ знаю». — Изъ «Версаля», какъ только внесли въ номеръ его корзинку, перевязанную толстой веревкой, онъ тотчасъ же вышелъ.

Вечерѣло, воздухъ былъ тепелъ, зеленѣли черныя деревья на бульварахъ, всюду было много народа, экипажей, ломовыхъ. Москва торговала и дѣлала дѣла, возвращалась къ обычной спѣшной работѣ, кончала праздникъ и несознанно радовалась веснѣ. Одиноко человѣку, прожившему и погубившему свою жизнь, въ весенній вечеръ въ чужомъ людномъ городѣ! — Казимиръ Станиславовичъ пѣшкомъ прошелъ весь Тверской бульваръ, снова увидѣлъ вдали чугунную фигуру задумавшагося Пушкина, золотыя и сиреневыя главы Страстного монастыря... Съ часъ онъ сидѣлъ въ кофейнѣ Филиппова, пилъ шоколадъ и разсматривалъ истрепанные юмористическіе журналы. Потомъ отправился въ кинематографъ, огненная сквозная вывѣска котораго далеко сіяла по Тверской въ синѣющихъ сумеркахъ. Изъ кинематографа поѣхалъ въ ресторанъ на бульварѣ, тоже знакомый со студенческихъ временъ. Везъ его старикъ, согнутый въ дугу, печальный, сумрачный, глубоко погруженный въ себя, въ свою старость, въ свои мутныя думы, мучительно и нудно помогавшій всю дорогу своей лѣнивой лошади всѣмъ существомъ своимъ, все время что-то бормотавшій съ

ней, порой ядовито укорявшій ее, и наконецъ довезъ, — свалилъ на время съ плечъ тяжесть и глубоко вздохнулъ, принимая деньги.

— А я не разобралъ, думалъ, тебѣ въ «Брагу», — медленно поворачивая лошадь, проговорилъ онъ даже какъ будто недовольно, хотя «Прага» была дальше.

— Помню, старикъ, и «Прагу», —отвѣтилъ Казимиръ Станиславовичъ. —А давно ты, вѣрно, ѣздишь по Москвѣ!

— Ѣзжу-то? — спросилъ старикъ.—Пятьдесятъ второй годъ ѣзжу...

— Значитъ, можетъ быть, и меня возилъ,— сказалъ Казимиръ Станиславовичъ.

— Можетъ, и возилъ, —отвѣтилъ старикъ сухо. — На свѣтѣ народу много, всѣхъ васъ не упомнишь...

Отъ прежняго ресторана, извѣстнаго Казимиру Станиславовичу, осталось только одно званіе. Теперь это былъ большой, перворазрядный, хотя и низкопробный ресторанъ. Надъ подъѣздомъ горѣлъ электрическій шаръ, какимъ-то геліотроповымъ, непріятнымъ свѣтомъ озарявшій лихачей второго сорта, наглыхъ и безпощадныхъ къ своимъ запаленнымъ, костлявымъ рысакамъ, тяжело ревущимъ на бѣгу. Въ сырыхъ сѣняхъ стояли горшки съ лаврами, съ тропическими растеніями, изъ тѣхъ, что переѣзжаютъ на платформахъ съ похоронъ на свадьбы и обратно. Въ лакейской къ Казимиру Станиславовичу кинулось сразу нѣсколько человѣкъ и все съ такими же густыми клубами волосъ, какъ у швейцара «Версаля». Въ большомъ зеленоватомъ залѣ, отдѣланномъ

въ стилѣ рококо, со множествомъ широкихъ зеркалъ и съ малиновой лампадкой, теплившейся въ углу, было еще пусто и зажжено всего нѣсколько рожковъ. Казимиръ Станиславовичъ долго сидѣлъ одинъ и безъ дѣла. Чувствовалось, что еще не совсѣмъ стемнѣлъ за окнами въ бѣлыхъ шторахъ долгій весенній вечеръ, слышалось съ улицы цоканье копытъ по мостовой; однообразно плескался среди зала фонтанчикъ въ акваріумѣ, гдѣ ходили облѣзлыя золотыя рыбки, откуда то снизу, сквозь воду, освѣщенныя. Бѣлый половой подалъ приборъ, хлѣбъ, графинчикъ холодной водки. Казимиръ Станиславовичъ сталъ пить водку безъ закуски, давилъ ее во рту, прежде чѣмъ проглотить, а проглотивъ, стискивалъ зубы и какъ будто съотвращеніемънюхалъчерныйхлѣбъ.Вдругъ, даже испугавъ его, загрохотала на весь залъ и запѣла машина — смѣсь изъ русскихъ пѣсенъ, то преувеличенно бурныхъ, безшабашныхъ, то не въ мѣру нѣжныхъ, протяжныхъ, задушевно-грустныхъ... И у Казимира Станиславовича покраснѣли и подернулись слезами глаза подъ этотъ сладкій и гнусавый стонъ.

Потомъ сѣдой, кудрявый, съ черными глазами грузинъ принесъ ему на цѣлой желѣзной пикѣ полусырой пахучій шашлыкъ, съ какимъ-то развратнымъ щегольствомъ срѣзалъ мясо на тарелку и, для пущей азіатской простоты, собственноручно посыпалъ лукомъ, солью и ржавымъ порошкомъ барбариса, межъ тѣмъ какъ машина гремѣла въ пустомъ залѣ подмывающимъ къ ѣдкимъ изгибамъ и подскакиваніямъ кэкъ-уокомъ...

Потомъ подавали Казимиру Станиславовичу рокфоръ, фрукты, красное вино, кофе, нарзанъ, ликеры... Машина давно смолкла. Вмѣсто нея уже давно игралъ на эстрадѣ оркестръ нѣмокъ въ бѣлыхъ платьяхъ, освѣщенный и все наполнявшійся народомъ залъ нагрѣлся, потускнѣлъ отъ табачнаго дыма, густо насытился запахомъ кушаній; половые носились вихремъ, пьяные требовали сигаръ, отъ которыхъ ихъ вскорѣ тошнило; метрдотели расточали крайнюю заботливость, соединенную съ напряженнымъ соблюденіемъ собственнаго достоинства; въ зеркалахъ, въ ихъ мутно-водянистыхъ безднахъ все безпорядочнѣе отражалось что-то огромное, шумное, сложное; Казимиръ Станиславовичъ нѣсколько разъ выходилъ изъ жаркаго зала въ прохладные корридоры, въ холодную уборную, гдѣ странно пахло моремъ, шелъ точно по воздуху и, возвратясь, снова требовалъ вина. Въ первомъ часу, закрывая глаза и сквозь ноздри втягивая въ свою одурманенную голову ночную свѣжесть, онъ летѣлъ на лихачѣ, на высокой пролеткѣ съ дутыми шинами, за городъ, въ публичный домъ, видѣлъ вдали безконечныя цѣпи позднихъ огней, убѣгавшихъ куда-то подъ гору и снова поднимавшихся въ гору, но видѣлъ такъ, точно это былъ не онъ, а кто-то другой; въ публичномъ домѣ онъ чуть не подрался съ какимъ-то полнымъ господиномъ, который, наступая на него, кричалъ, что его знаетъ вся мыслящая Россія; потомъ одѣтый лежалъ на широкой постели, покрытой стеганнымъ атласнымъ одѣяломъ, въ небольшой комнатѣ, полуосвѣщенной съ потолка голу-

бымъ фонаремъ, приторно пахнущей душистымъ мыломъ, съ платьями, навѣшенными на крюкъ на двери; возлѣ постели стояла ваза съ фруктами; дѣвушка, обязанная занимать Казимира Станиславовича, молча, жадно, со вкусомъ ѣла грушу, обрѣзая ее ножичкомъ, а ея подруга, съ голыми толстыми руками, въ одной рубашкѣ, дѣлавшей ее похожей на дѣвочку, быстро писала письмо на туалетномъ столикѣ, не обращая на нихъ никакого вниманія; она писала и плакала — о чемъ? На свѣтѣ народу много, всего не узнаешь...

Десятаго апрѣля Казимиръ Станиславовичъ проснулся поздно. Судя по тому, какъ испуганно открылъ онъ глаза, можно было понять, что его на мгновеніе ошеломила мысль о томъ, что онъ въ Москвѣ, и что было вчера. Онъ вернулся не ранѣе пятаго часа. Онъ шатался, поднимаясь по лѣстницѣ «Версаля», однако безъ ошибки пошелъ къ своему номеру по длинному вонючему туннелю коридора, гдѣ только въ самомъ началѣ сонно коптила лампочка. Возлѣ всѣхъ номеровъ стояли сапоги и башмаки, — все людей чужихъ, неизвѣстныхъ другъ другу и другъ другу враждебныхъ. Внезапно одна дверь, пахнувъ на Казимира Станиславовича почти ужасомъ, растворилась, на порогѣ ея появился старикъ въ халатѣ, похожій на плохого актера, играющаго «Записки сумасшедшаго», и Казимиръ Станиславовичъ увидалъ лампу подъ зеленымъ колпакомъ и тѣсно заставленную комнату, берлогу одинокаго, стараго жильца, съ образами въ углу и несмѣтными коробками изъ-подъ папиросныхъ

гильзъ, чуть не до потолка наложенными одна на другую возлѣ образовъ... Неужели это былъ тотъ самый полоумный составитель жизнеописаній угодниковъ, что жилъ въ «Версалѣ» двадцать три года тому назадъ? — Въ темномъ номерѣ Казимира Станиславовича было страшно душно отъ какой-то ѣдкой и пахучей суши. Свѣтъ слабо проникалъ въ темноту изъ окна надъ дверью. Казимиръ Станиславовичъ зашелъ за перегородку, снялъ цилиндръ со своихъ очень рѣдкихъ, нафиксатуаренныхъ волосъ, кинулъ пальто въ изголовье голой кровати... Все закружилось подъ нимъ, какъ только онъ легъ, понеслось въ пропасть, и онъ мгновенно заснулъ. Во снѣ все время чувствовалъ онъ смрадъ желѣзнаго умывальника, стоявшаго возлѣ самаго его лица, а видѣлъ весенній день, деревья въ цвѣту, залъ большого барскаго дома и множество народа, со страхомъ ожидавшаго, что вотъ-вотъ пріѣдетъ митрополитъ, и это ожиданіе мучило, томило его всю ночь... Теперь по корридорамъ «Версаля» звонили, бѣжали, перекрикивались. За перегородкой, сквозь двойныя пыльныя стекла, свѣтило солнце, было почти жарко... Казимиръ Станиславовичъ снялъ пиджакъ, позвонилъ и сталъ умываться. Прибѣжалъ коридорный, вострoглазый мальчишка лѣтъ шестнадцати, съ лисьимъ пухомъ на головѣ, въ сюртукѣ и розовой косовороткѣ.

— Калачъ, самоваръ и лимонъ, — сказалъ Казимиръ Станиславовичъ, не глядя на него.

— Чай, сахаръ нашъ прикажете? — съ

московской бойкостью спросилъ коридорный.

И черезъ минуту влетѣлъ съ кипящимъ самоваромъ на ладони возлѣ плеча, мгновенно раскинулъ по круглому столу передъ диваномъ скатерть, подносъ со стаканомъ и помятой мѣдной полоскательницей, стукнулъ по подносу ножками самовара... Казимиръ Станиславовичъ, пока настаивался чай, машинально развернулъ «Московскій Листокъ», подсунутый коридорнымъ вмѣстѣ съ самоваромъ; взглядъ его упалъ на замѣтку о томъ, что вчера гдѣ-то поднятъ въ безсознательномъ состояніи неизвѣстный человѣкъ... «Пострадавшій отправленъ въ больницу», прочелъ онъ и бросилъ газету. Онъ чувствовалъ себя очень зыбко и плохо. Поднявшись, онъ открылъ окно, — оно выходило во дворъ, — и на него запахло свѣжестью и городомъ, понеслись изысканно-пѣвучіе крики разносчиковъ, звонки гудящихъ за противоположнымъ домомъ конокъ, слитный трескъ экипажей, музыкальный гулъ колоколовъ... Городъ давно уже жилъ своей шумной, огромной жизнью въ этотъ яркій, весенній, почти лѣтній день. Выдавивъ въ стаканъ съ чаемъ цѣлый лимонъ, съ жадностью выпивъ эту мутную кислую жидкость, Казимиръ Станиславовичъ опять ушелъ за перегородку. «Версаль» затихъ. Было хорошо, покойно; взглядъ лѣниво скользилъ по конторскому объявленію на стѣнѣ: «Пробывши три часа, считается за сутки»; мышь гремѣла въ комодѣ, катая кусокъ сахару, оставленный какимъ-нибудь проѣзжимъ... Такъ, въ полудремотѣ Казимиръ Станиславовичъ

пролежалъ за перегородкой до тѣхъ поръ, пока солнце не скрылось изъ комнаты и не потянуло въ окно другой свѣжестью, уже предвечерней.

Тогда онъ тщательно привелъ себя въ порядокъ: развязалъ корзинку, перемѣнилъ бѣлье, досталъ дешевенькій, но чистый носовой платокъ, обмахнулъ щеткой лоснящійся сюртукъ, цилиндръ и пальто, вынулъ изъ его продраннаго кармана и кинулъ въ уголъ затертую кіевскую газету отъ пятнадцатаго января... Одѣвшись и расчесавъ красящимъ гребнемъ баки, онъ подсчиталъ свои средства, — въ кошелькѣ его осталось всего четыре рубля семь гривенъ, — и вышелъ. Ровно въ шесть онъ былъ возлѣ низенькой старинной церковки на Молчановкѣ. За церковной оградой мелкой зеленью зеленѣло развѣсистое дерево, играли дѣти, — у одной худенькой дѣвочки, прыгавшей черезъ веревочку, все спадалъ черный чулочекъ,—и сидѣли на скамьѣ, передъ колясочками со спящими младенцами, кормилицы въ русскихъ нарядахъ. Все дерево трещало воробьями, воздухъ былъ мягокъ, — совсѣмъ , совсѣмъ лѣтній, даже пылью пахло по лѣтнему, — и нѣжно золотилось вдали за домами небо надъ закатомъ, и чувствовалось, что въ мірѣ снова есть гдѣ-то радость, молодость, счастье. Въ церкви уже горѣла люстра и стоялъ налой, передъ налоемъ лежалъ коврикъ. Казимиръ Станиславовичъ осторожно, стараясь не испортить прически, снялъ цилиндръ, вступилъ въ церковь несмѣло, — онъ не бывалъ въ церквахъ уже лѣтъ тридцать, — и помѣстился

въ уголокѣ, но такъ, чтобы ему было видно вѣнчающихся. Онъ оглядывалъ расписные своды, поднималъ глаза въ куполъ, и каждое его движеніе, каждый вздохъ звучно отдавался въ тишинѣ. Церковь, блестя своимъ золотомъ, выжидательно потрескивала свѣчами. И вотъ, крестясь, но свободно, привычно стали входить священнослужители, пѣвчіе, потомъ старухи, дѣти, свадебные нарядные гости и озабоченные распорядители. Когда же послышался шумъ возлѣ паперти, захрустѣла колесами подъѣхавшая карета, и всѣ обратились ко входу и грянула встрѣча: — «Гряди, голубица моя»! — Казимиръ Станиславовичъ покрылся отъ сердцебіенія смертельной блѣдностью и невольно двинулся впередъ. И близко, близко прошла мимо него, даже фатой своей его коснулась и ландышемъ овѣяла та, которая даже не знала о его существованіи на свѣтѣ, прошла, склонивъ свою прелестную голову, вся въ цвѣтахъ и сквозномъ газѣ, вся бѣлоснѣжная и непорочная, счастливая и робкая, какъ принцесса, идущая къ первому причастію... Жениха, встрѣтившаго ее, низенькаго, широкоплечаго, съ желтымъ плоскимъ бобрикомъ на темени, Казимиръ Станиславовичъ едва видѣлъ. И за все время вѣнчанія только одно было передъ его глазами: склоненная, въ цвѣтахъ и фатѣ, голова и маленькая рука, съ дрожью державшая горящую свѣчу, перевитую бѣлой лентой съ бантомъ...

Въ десятомъ часу вечера онъ былъ уже дома. Все пальто его пропахло весеннимъ воздухомъ: послѣ того, какъ выйдя изъ церкви,

увидалъ онъ у паперти зеркальное, отражавшее закатъ стекло кареты, бѣлоатласной внутри, и въ послѣдній разъ мелькнуло за этимъ стекломъ лицо той, которую навсегда увозили отъ него куда-то, онъ долго скитался по какимъ-то переулкамъ, выходилъ на Новинскій бульваръ... Теперь онъ медленно снялъ съ себя пальто трясущимися руками, положилъ на столъ бумажный мѣшочекъ съ двумя зелеными огурцами, зачѣмъ-то купленными имъ съ лотка разносчика... Отъ нихъ пахло весной даже сквозь бумагу, и по-весеннему, жидко серебрился въ верхнее стекло окна апрѣльскій мѣсяцъ, высоко стоявшій на еще нестемнѣвшемъ небѣ. Казимиръ Станиславовичъ зажегъ свѣчу, печально освѣтилъ свой пустой, случайный пріютъ, сѣлъ на диванъ, ощущая на лицѣ своемъ вечернюю свѣжесть... Такъ просидѣлъ онъ очень долго. Онъ не звонилъ, ничего не требовалъ, заперся на ключъ, — все это показалось подозрительнымъ коридорному, видѣвшему, какъ онъ, шаркая ногами, входилъ въ номеръ, какъ вынималъ ключъ изъ двери, чтобы запереться изнутри. Коридорный нѣсколько разъ пробирался на цыпочкахъ къ его двери и смотрѣлъ въ замочную скважину: Казимиръ Станиславовичъ сидѣлъ на диванѣ и, трясясь и вытирая платкомъ лицо, плакалъ такъ горько, такъ обильно, что съ бакенбардъ его сходила и размазывалась по щекамъ коричневая краска.

Ночью онъ сорвалъ шнуръ съ оконной шторы и, ничего не видя отъ слезъ, сталъ привязывать его къ крюку вѣшалки. Но догорѣвшая свѣча жутко полыхала вмѣстѣ

съ бумагой, по запертому на ключъ номеру плыли и дрожали страшныя темныя волны, онъ былъ старъ, слабъ — и самъ хорошо сознавалъ это... Нѣтъ, умереть отъ своей руки онъ былъ не въ силахъ!

Утромъ онъ уѣхалъ на вокзалъ часа за три до поѣзда. На вокзалѣ онъ тихо ходилъ среди пассажировъ, съ опущенными заплаканными глазами, неожиданно пріостанавливался то передъ тѣмъ, то передъ другимъ и вполголоса, ровно, безъ выраженія, но довольно быстро говорилъ:

— Ради Бога... Нахожусь въ безвыходномъ положеніи... На билетъ до Брянска... Хотя нѣсколько копеекъ...

И нѣкоторые, стараясь не глядѣть на его цилиндръ, на вытертый бархатный воротникъ пальто и на ужасное лицо съ облинявшими фіолетовыми баками, торопясь и конфузясь, давали ему.

А потомъ онъ смѣшался съ толпой, кинувшейся къ выходу на дебаркадеръ, и исчезъ въ ней, межъ тѣмъ какъ въ «Версалѣ», въ номерѣ, двое сутокъ какъ бы принадлежавшемъ ему, выносили ведро изъ умывальника, распахивали на апрѣльское солнце окна и, грубо двигая стульями, выметали, вышвыривали соръ, а вмѣстѣ съ соромъ — его разорванную записку, забытую имъ вмѣстѣ съ огурцами, упавшую подъ столъ, подъ спустившуюся скатерть:

«Въ смерти моей прошу никого не винить. Былъ на свадьбѣ единственной своей дочери, которая...»

1916.

Аглая.

Въ міру, въ той лѣсной деревнѣ, гдѣ родилась и росла Аглая, ее звали Анной.

Отца съ матерью она лишилась рано. Зашла разъ зимой въ деревню оспа, и много покойниковъ свезли тогда на погостъ въ село за Святъ-Озеромъ. Сразу два гроба стояло и въ избѣ Скуратовыхъ. Дѣвочка не испытала ни страха, ни жалости, только навсегда запомнила тотъ ни на что не похожій, для живыхъ чужой и тяжкій духъ, что исходилъ отъ нихъ, и ту зимнюю свѣжесть, холодъ великопостной оттепели, что напустили въ избу мужики, выносившіе ихъ къ дровнямъ подъ окнами.

Въ той лѣсной сторонѣ деревни рѣдки и малы, грубые бревенчатые дворы ихъ стоятъ въ безпорядкѣ: какъ суглинистые бугры дозволяютъ и поближе къ рѣчкамъ, къ озерамъ. Народъ тамъ не слишкомъ бѣденъ и блюдетъ свой достатокъ, свой старый бытъ, даромъ что ходитъ споконъ вѣку на заработки, женщинамъ оставляя пахать неродимую землю, гдѣ она свободна отъ лѣса, косить въ лѣсу травы, а зимой гремѣть ткацкимъ станомъ. Къ тому быту и лежало сердце Анны въ дѣтствѣ: милы были ей и черная изба, и горючая лучина въ свѣтцѣ.

Катерина, сестра ея, давно была замужемъ. Она и правила домомъ, сперва вмѣстѣ съ мужемъ, взятымъ во дворъ, а потомъ, какъ сталъ онъ уходить на круглый годъ, одна. Подъ ея призоромъ дѣвочка росла ровно и споро, никогда не хворала, ни на что не жаловалась, только все задумывалась. Если Катерина окликала ее, спрашивала, что съ ней, она отзывалась просто, говоря, что у пей шея скрипитъ и что она слушаетъ это. — «Вотъ! — говорила она, повертывая голову, свое бѣленькое личико: — слышишь?» — «А думаешь ты о чемъ?» — «Такъ. Я не знаю». — Со сверстницами она въ дѣтствѣ не водилась и бывать не бывала нигдѣ, — только разъ сходила съ сестрой въ то старое село за Святъ-Озеромъ, гдѣ на погостѣ подъ соснами торчатъ сосновые кресты и стоитъ бревенчатая церковка, крытая почернѣвшими деревянными чешуйками. Впервые нарядили ее тогда въ лапти и сарафанъ изъ пестряди, купили ожерелье и желтый платокъ.

Катерина о мужѣ горевала, плакала; плакала и о своей бездѣтности. А выплакавъ слезы, дала обѣтъ не знать мужа. Когда мужъ приходилъ, она встрѣчала его радостно, ладно говорила съ нимъ, заботливо пересматривала его рубахи, чинила что надо, хлопотала возлѣ печки и бывала довольна, когда ему что нравилось; но спали они розно, какъ чужіе. А уходилъ онъ, — опять становилась она скучной и тихой. Все чаще отлучалась она изъ дома, гостила въ недальней женской обители, бывала у старца Родіона, спасавшагося за той обителью въ лѣсной хижинѣ. Она настойчиво училась читать,

приносила изъ обители священныя книги и читала ихъ вслухъ, необычнымъ голосомъ, пѣвуче повышая его. Она сидѣла за столомъ, опустивъ глаза, держа книгу въ обѣихъ рукахъ. А дѣвочка стояла возлѣ, слушала да столъ ковыряла, оглядывая избу, которая всегда была прибрана. Упиваясь звукомъ своего голоса, читала Катерина о святыхъ, о мученникахъ, наше темное, земное презрѣвшихъ ради небеснаго, восхотѣвшихъ распять плоть свою со страстьми и похотьми. Анна слушала чтеніе какъ пѣсню на чужомъ языкѣ, со вниманіемъ. Но закрывала Катерина книгу — и она никогда не просила почитать еще: всегда непонятная была она.

Въ отрочествѣ она росла не по днямъ, а по часамъ. Годамъ къ тринадцати она стала отмѣнно тонка, высока и сильна. Она была нѣжна, бѣла, синеглаза, а работу любила простую, грубую. Когда наступало лѣто и приходилъ мужъ Катерины, когда шла вся деревня на покосы, шла и Анна со своими и работала какъ взрослая. Да лѣтняя работа въ той сторонѣ скудная. И скоро опять оставались сестры однѣ, опять возвращались къ своей ровной жизни, и опять, убравшись со скотиной, съ печкой, сидѣла Анна за шитьемъ, за станомъ, а Катерина читала — о моряхъ, о пустыняхъ, о городѣ Римѣ, о Византіи, о чудесахъ и подвигахъ первохристіанъ. Въ черной лѣсной избѣ звучали тогда чарующія слухъ слова: «Въ странѣ Каппадокійской, въ царствованіе благочестиваго византійскаго императора Льва Великаго... Во дни патріаршества преподобнаго Іоакима Александрійскаго, въ далекой отъ насъ Эѳіо-

ніи...» Такъ и узнала Анна о дѣвахъ и юношахъ, растерзанныхъ дикими звѣрями на ристалищахъ, о небесной красотѣ Варвары, обезглавленной своимъ лютымъ родителемъ, о мощахъ, хранимыхъ ангелами на Синайской горѣ, о воинѣ Евстафіи, обращенномъ къ истинному Богу зовомъ самого Распятаго, солнцемъ просіявшаго среди роговъ оленя, имъ, Евстафіемъ, на звѣриномъ ловѣ гонимаго, о трудахъ Саввы Освященнаго, обитавшаго въ Долинѣ Огненной, и о многихъ, многихъ, горькіе дни и ночи свои проводившихъ у пустынныхъ потоковъ, въ криптахъ и горныхъ киновіяхъ... Въ отрочествѣ она видѣла себя во снѣ въ длинной льняной рубахѣ и въ желѣзномъ вѣнцѣ на головѣ. И Катерина сказала ей: — «Это тебѣ къ смерти, сестра, къ ранней кончинѣ».

А на пятнадцатомъ году стала она совсѣмъ какъ дѣвушка, и народъ дивился ея миловидности: золотисто-бѣлый цвѣтъ ея продолговатаго лица чуть игралъ тонкимъ румянцемъ; брови у нея были густыя, свѣтло-русыя, глаза синіе; легкая, ладная, — развѣ что не въ мѣру высокая, тонкая и долгорукая, — тихо и хорошо поднимала она длинныя свои рѣсницы. Зима въ тотъ годъ была суровая. Завалило снѣгомъ лѣса, озера, толсто оковало льдомъ проруби, жгло морознымъ вѣтромъ да играло по утреннимъ зарямъ двумя зеркальными, въ радужныхъ кольцахъ, солнцами. Передъ святками Катерина ѣла тюрю, толокно, Анна же питалась лишь хлѣбомъ: — «Другой вѣщій сонъ хочу себѣ выпостить», сказала она сестрѣ. И подъ новый годъ вновь приснилось ей: видѣла она раннее морозное

утро, только что будто бы выкатилось изъ-за снѣговъ слѣпящее ледяное солнце, острымъ вѣтромъ перехватывало духъ; и на вѣтеръ, на солнце, по бѣлому полю, летѣла она на лыжахъ, гналась за какимъ-то дивнымъ горностаемъ, да сорвалась вдругъ куда-то въ пропасть — и ослѣпла, задохнулась въ тучѣ снѣжной пыли, взвившейся изъ-подъ лыжъ на срывѣ. Ничего нельзя было понять въ этомъ снѣ, но Анна за весь день новаго года ни разу не взглянула въ глаза сестрѣ; ѣздили попы по деревнѣ, зашли и къ Скуратовымъ,— она спряталась за занавѣску подъ палатями. Въ ту зиму, еще не утвердившись въ своихъ помыслахъ, часто она бывала скучная, и Катерина говорила ей: — «Давно зову къ батюшкѣ Родіону, онъ бы все снялъ съ тебя!»

Она читала ей въ ту зиму объ Алексѣѣ Божьемъ человѣкѣ и объ Іоаннѣ Кущникѣ, въ нищетѣ умершихъ у воротъ своихъ знатныхъ родителей, прочла о Симеонѣ Столпникѣ, заживо сгнившемъ на стояніи въ каменномъ столпѣ. Анна спросила ее: — «А что жъ батюшка Родіонъ не стоитъ?» — И она ей отвѣтила, что подвиги святыхъ людей бываютъ разные, что наши страстотерпцы больше по кіевскимъ пещерамъ, а потомъ по дремучимъ лѣсамъ спасались или же достигали царствія небеснаго въ образѣ нагихъ, непотребныхъ юродовъ. Въ ту зиму узнала Анна и о русскихъ угодникахъ — о своихъ духовныхъ пращурахъ: о Матѳеѣ Прозорливомъ, коему было даровано видѣть въ мірѣ лишь одно темное и низкое, проникать въ сокровеннѣйшія скверны людскихъ сердецъ, прозрѣвать лики подземныхъ діаволовъ и

слышать нечестивые совѣты ихъ, о Маркѣ Гробокопателѣ, посвятившемъ себя погребенію мертвыхъ и въ непрестанной близости со Смертью обрѣтшемъ такую власть надъ ней, что она трепетала его голоса, объ Исаакіи Затворникѣ, одѣвшемъ свое тѣло въ сырую шкуру козла, навсегда къ нему приросшую, и предававшемся безумнымъ плясками съ бѣсами, по ночамъ увлекавшими его въ скаканіи и вихлянія подъ громкіе свои клики, дудки, тимпаны и гусли... «Отъ него, Исаакія, и пошли юродивые, — сказала ей Катерина, — а сколько ихъ было потомъ, того и счесть нельзя! Батюшка Родіонъ такъ баялъ: ни въ одной странѣ ихъ не было, только насъ посѣтилъ ими Господь по великимъ грѣхамъ нашимъ и по великой своей милости». — И прибавила, что слышала въ обители, — скорбную повѣсть о томъ, какъ ушла Русь изъ Кіева въ лѣса и болота непроходимые, въ лубяные городки свои, подъ жестокую державу московскихъ князей, какъ терпѣла она отъ смутъ, междуусобія, отъ свирѣпыхъ татарскихъ ордъ и отъ прочихъ Господнихъ карь — отъ мора и голода, отъ пожарищъ и небесныхъ знаменій. Было тогда, сказала она, столь многое множество Божьихъ людей, Христа ради страдавшихъ и юродствовавшихъ, что по церквамъ отъ писку и крику ихъ не слыхать было божественнаго пѣнія. И не малое число изъ нихъ, сказала она, сопричислилось къ лику небесному: есть Симонъ, изъ приволжскихъ лѣсовъ, что скитался и прятался взора человѣческаго по дикимъ урочищамъ въ одной рубахѣ изодранной, послѣ же того, обитая въ городѣ, каж-

ходневно былъ битъ гражданами за непотребство свое и скончался отъ ранъ, причиненныхъ побоями; есть Прокопій, принимавшій непрестанныя муки въ городѣ Вяткѣ, зане въ ночи взбѣгалъ онъ на колокольницы и билъ въ колокола часто и съ тревогою, какъ бы во время огненнаго запаленія; есть Прокопій, родившійся въ зырянскихъ краяхъ, среди дикарей, звѣроловцевъ, всю жизнь ходившій съ тремя кочергами въ рукахъ и обожавшій пустыя мѣста, грустные лѣсные берега надъ Сухоною, гдѣ, сидя на камушкѣ, со слезами молился о плывущихъ по ней; есть Яковъ Блаженный, что приплылъ въ гробной дубовой колодѣ на льдинѣ по рѣчкѣ Мстѣ къ темнымъ жителямъ той бѣдной мѣстности; есть Іоаннъ Власатый, изъ-подъ Ростова Великаго, волосы имѣвшій столь буйные, что въ страхъ повергались всѣ видѣвшіе его; есть Іоаннъ Вологодскій, нарицаемый Большой Колпакъ, ростомъ малый, лицомъ морщиноватый, весь крестами увѣшанный, до кончины не снимавшій съ себя колпака, чугуну подобнаго; есть Василій Нагоходецъ, вмѣсто одежды носившій и въ зимній хладъ, и въ лѣтній варъ лишь цѣпи желѣзныя да платочекъ въ рукѣ... «Нынѣ, сестра, — сказала Катерина, — всѣ они предстоятъ Господу, радуются въ сонмѣ святыхъ Его, мощи же ихъ нетлѣнныя почиваютъ въ ракахъ кипарисныхъ и серебряныхъ, въ святолѣпныхъ соборахъ, рядомъ съ царями и святителями!» — «А что жъ батюшка Родіонъ не юродствовалъ?» — опять спросила Анна. И Катерина отвѣтила, что онъ пошелъ по стопамъ подражавшихъ не Исаакію, а Сергію Радо-

нежскому, по стопамъ зиждителей монастырей лѣсныхъ. Батюшка Родіонъ, сказала она, спасался сперва въ одной древней и славной пустыни, основанной на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ, среди дремучаго лѣса, въ дуплѣ трехвѣковаго дуба, жилъ нѣкогда великій святой; тамъ несъ онъ строгое послушаніе и принялъ постриженіе, удостоился за покаянныя свои слезы и безсердечіе къ плоти лицезрѣнія самой Царицы Небесной, выдержалъ обѣтъ семилѣтняго затвора и семилѣтняго молчанія, но и этимъ не удовольствовался, оставилъ монастырь и пришелъ,—уже много, много лѣтъ тому назадъ,—въ наши лѣса, надѣлъ лапти лыковые, бѣлый балахонъ изъ вретища, эпитрахиль черную съ осьмиконечнымъ крестомъ на ней, съ изображеніемъ черепа и костей Адамовыхъ, вкушаетъ лишь воду и снытку невареную, окошечко своей хижины заградилъ иконою, спитъ въ гробу, подъ негасимою лампадою, и въ полночные часы непрестанно осаждаютъ его звѣри воющіе, толпы мертвецовъ яростныхъ и діаволовъ...

Пятнадцати лѣтъ отъ роду, въ ту самую пору, когда надлежитъ дѣвушкѣ стать невѣстою, Анна навсегда покинула міръ.

Весна въ тотъ годъ пришла ранняя и жаркая. Ягода поспѣла въ лѣсахъ несмѣтная, травы были по поясъ, и съ начала Петровокъ уже пошли косить ихъ. Анна съ охотой работала, загорѣла на солнцѣ, среди травъ и цвѣтовъ; румянецъ темнѣй пылалъ на ея лицѣ, сдвинутый на лобъ платокъ скрывалъ теплый взглядъ. Но вотъ однажды, на покосѣ, большая блестящая змѣя съ изумрудной го-

ловой обвилась кругъ ея босой ноги. Схвативъ змѣю своей длинной и узкой рукой, сорвавъ съ себя ея ледяной и скользкій жгутъ, далеко отбросила его Анна и даже лица не подняла, а испугалась крѣпко, бѣлѣй полотна сдѣлалась. И Катерина сказала ей:— «Это тебѣ, сестра, третье указаніе: бойся Змѣя-Искусителя, опасная пора идетъ къ тебѣ!»—И отъ испугу ли, отъ этихъ ли словъ, только съ недѣлю послѣ того не сходилъ съ лица Анны смертный цвѣтъ. А подъ Петровъ день нежданно-негаданно попросилась она пойти въ обитель ко всенощной — и пошла и ночевала тамъ, а на утро удостоилась стоять въ народной толпѣ у порога отшельника. И великую милость оказалъ онъ ей: изо всей толпы ее выглядѣлъ и поманилъ къ себѣ. И вышла она отъ него, низко склонивъ голову, полъ-лица закрывъ платкомъ, сдвинувъ его на огонь своихъ жаркихъ ланитъ и въ смятеніи чувствъ не видя земли подъ собой: избраннымъ сосудомъ, жертвой Господу назвалъ онъ ее, зажегъ двѣ восковыхъ свѣчечки и одну взялъ себѣ, другую далъ ей и долго стоялъ, молясь передъ образомъ, а потомъ велѣлъ ей приложиться къ тому образу—и благословилъ быть черезъ малый срокъ въ обители на послушаніи: — «Счастье мое, жертва немудрая! — сказалъ онъ ей. —Будь невѣстой не земной, а небесною! Знаю, знаю, сестра тебѣ пріуготовила. Потщусь и я, грѣшный, о томъ».

Въ обители, въ иночествѣ, отрѣшеная отъ міра и отъ своей воли ради духовнаго своего воспріемника, Анна, нареченная при постригѣ Аглаей, пробыла тридцать три мѣ-

сяца. На исходѣ же тридцать третьяго — преставилась.

Какъ жила она тамъ, какъ спасалась, о томъ, за давностью времени, въ полнотѣ никому невѣдомо. Но все же кое-что въ народной памяти осталось. Шли однажды бабы богомолки изъ разныхъ и дальнихъ краевъ въ тотъ лѣсной край, гдѣ родилась Анна. Встрѣтился имъ у рѣчки, черезъ которую имъ нужно было переправиться, привычный скиталецъ по святымъ мѣстамъ, видомъ невзрачный, отрепанный, даже, просто сказать, чудной, по причинѣ того, что глаза у него подъ старымъ господскимъ котелкомъ были платкомъ завязаны. Онѣ стали его расспрашивать о путяхъ, о дорогахъ къ обители, о самомъ Родіонѣ и объ Аннѣ. Онъ, въ отвѣтъ имъ, сперва о себѣ поговорилъ: я, молъ, сестрицы, и самъ знаю не Богъ вѣсть что, однако жъ побесѣдовать съ вами отчасти могу, ибо возвращаюсь именно изъ тѣхъ мѣстностей; вамъ, сказалъ, небось жутко со мной — и я не дивлюсь этому, многимъ со мной не медъ: пѣшій ли, конный ли встрѣтится, видитъ — идетъ по лѣсу страннические, ковыляетъ себѣ одинъ одинешенекъ съ бѣлымъ платкомъ на глазахъ, да еще псалмы распѣваетъ — понятно, оторопь беретъ; ужъ черезчуръ, по грѣхамъ моимъ, жадные да быстрые глаза у меня, зрѣніе столь рѣдкостное и пронзительное, что я даже ночью какъ кошка вижу, будучи и вообще не въ мѣру зрячъ, въ силу того, что не съ людьми я иду, а сторонкою; ну, вотъ и рѣшилъ я сократить немного свое тѣлесное зрѣніе... Потомъ онъ сталъ разсказывать, сколько, по его расчету, оста-

лось богомолкамъ итти, на какія мѣстности надо путь держать, гдѣ имѣть ночевки и отдыхи и какова обитель есть:

— Сперва,—сказалъ, — придетъ село на Святъ-Озерѣ, потомъ та самая деревня, гдѣ родилась Анна, а тамъ увидите вы другое озеро, монастырское, хоть и мелкое, а порядочное, и придется вамъ по этому озеру въ лодкѣ плыть. А какъ высадитесь, тутъ ужъ и самый монастырь рукой подать. Понятно, и на томъ берегу лѣса безъ конца, а сквозь лѣсъ глядятъ,какъ обыкновенно, стѣны монастырскія, главы церковныя, кельи, страннопріимницы...

Потомъ долго повѣствовалъ о житіи Родіона, о дѣтствѣ и отрочествѣ Анны и, наконецъ, разсказалъ о ея пребываніи въ обители:

— Пребываніе ея было, охъ, недолгое! — сказалъ онъ. — Жалко, говорите, такой красоты и младости? Намъ-то, глупымъ, понятно, жалко. Да видно, о. Родіонъ хорошо зналъ, что дѣлаетъ. Онъ вѣдь и со всѣми таковъ бывалъ — и ласковъ, и кротокъ, и радостенъ, а настойчивъ до безпощадности, съ Аглаей же особенно. Былъ я, бабочки, на мѣстѣ ее упокоенія... Длинная могилка, прекрасная, вся травой заросла, зеленая... И не скрою, не скрою: это тамъ, на могилѣ, выдумалъ я завязать себѣ глаза, это Аглаинъ примѣръ надоумилъ меня: вѣдь она, надобно вамъ знать, за все свое пребываніе въ обитали ни на единый часъ не подняла глазъ — какъ сдвинула покровъ на нихъ, такъ и осталась, и на рѣчь такъ скупа была, такъ уклончива, что даже самъ о. Родіонъ дивился ей.

А вѣдь, небось, не легко было ей такой подвигъ поднять — съ землей-то, съ лицомъ-то человѣческимъ навсегда разстаться! И работу она несла въ обители самую что ни на есть тяжкую, а ночи на молитвѣ простаивала. Да зато, говорятъ, и возлюбилъ ее отецъ! Изъ всѣхъ отличилъ, каждодневно допускалъ въ свою хижинку, велъ съ ней долгія бесѣды о будущей славѣ обители, открывалъ ей даже свои видѣнія — понятно, съ строгимъ заповѣданіемъ молчанія. Ну, вотъ и сгорѣла она, какъ свѣча, въ самый краткій срокъ... Опять вздыхаете, жалкуете? Соглашаюсь, горестно! Но я вамъ гораздо больше скажу: за великое ея смиреніе, за неглядѣніе на міръ земной, за молчаніе и непосильное трудничество онъ совершилъ неслыханное: на исходѣ третьяго года ея подвига онъ посхимилъ ее, а потомъ, по молитвѣ и святому размышленію, призвалъ ее къ себѣ въ единый страшный часъ — и повелѣлъ кончину принять. Да, такъ прямо и молвилъ ей: — «Счастье мое, приспѣла твоя пора! Останься въ моей памяти столь же прекрасною, какъ стоишь ты въ сей часъ предо мной: отойди ко Господу!» И что жъ вы думаете? Черезъ сутки она и преставилась. Слегла, запылала огнемъ — и кончилась. Онъ, правда, утѣшилъ ее — повѣдалъ ей передъ кончиною, что, поелику лишь малое изъ тайныхъ его бесѣдъ не сумѣла она скрыть въ первые дни послушанія, истлѣютъ у ней лишь одни уста. Онъ пожаловалъ серебра на ея похороны, мѣди для раздачи при ея погребеніи, колотокъ свѣчей на сорокоустъ по ней, желтую рублевую свѣчу ко гробу ея и самый гробъ —

круглый, дубовый выдолбленный. И по его благославенію, положили ее, тонкую и росточкомъ отмѣнно долгую, въ тотъ гробъ съ волосами распущенными, въ двухъ рубашкахъ-саванахъ, въ бѣломъ подрясникѣ, опоясанномъ черною покромкою, а поверхъ его — въ черной, съ бѣлыми крестами, мантіи; на головку надѣли зеленую, шитую золотомъ шапочку изъ бархата, на шапочку — камилавочку, послѣ же того повязали синей шалью съ кисточками, а въ ручки вложили кожаныя четочки... Убрали, словомъ, куда какъ хорошо! А все же, бабочки, есть каверзный, бѣсій слухъ, что умирать ей не хотѣлось, охъ, какъ еще не хотѣлось-то! Отходя въ такой младости и въ такой красотѣ, со всѣми, говорятъ, въ слезахъ она прощалася, всѣмъ говорила громко: — «Простите меня!» — Напослѣдокъ же закрыла глаза и раздѣльно молвила: — «И тебѣ, Мати-Земля, согрѣшила есмь душей и тѣломъ — простишь ли меня?» — А слова тѣ страшныя: припадая челомъ къ землѣ, ихъ читали въ покаянной молитвѣ по древней Руси за вечерней подъ Троицу, подъ языческій русальный день.

1916.

Пѣсня о гоцѣ.

Течетъ рѣка къ морю, идетъ годъ за годомъ. Каждый годъ зеленѣетъ къ веснѣ сѣрый лѣсъ надъ Днѣстромъ и Реутомъ.

Сто лѣтъ назадъ весна была не хуже, но правды на землѣ было еще меньше. Владѣли тогда Молдавіей стамбульскіе турки, на престолъ молдавскій сажали господарями грековъ. Господарь жилъ султаномъ, боеръ, помѣщикъ, господаремъ, а податной, сардарь, —какъ господарь и боеръ вмѣстѣ. За народъ и за Христову вѣру стояли одни гоцы.

Посмотри, говорятъ въ народѣ, посмотри въ темноту за рѣку, если доведется тебѣ ѣхать ночью берегомъ рѣки: ты увидишь скалы, черную пещеру въ ихъ обрывѣ, а въ пещерѣ—груду тлѣющаго жара. Но то не жаръ, не угли, а червонныя старыя деньги. Входъ въ пещеру узокъ, съ каменнымъ порогомъ. У стѣны налѣво—каменный дымникъ, у стѣны направо — каменное ложе. А надъ ложемъ ниши: въ нихъ когда-то стояли святыя иконы. И надъ каждой нишей вбито по черному костылю изъ желѣза: на тѣхъ костыляхъ теплились передъ иконами лампады. Заколдованное золото насыпано на полу посрединѣ: не все успѣлъ раздать гоцъ-воинникъ, что жилъ въ этой древней кельѣ, до него служившей пріютомъ отшельнику, Божьему че-

ловѣку. Вѣрный конь ходилъ на рѣчномъ прибрежьѣ, подъ скалами. А самого гоца, — пусть радуетъ Господь его грѣшную душу! — носили на отдыхъ въ пещеру орлы на широкихъ крыльяхъ.

Былъ тотъ гоцъ не талгаръ, не разбойникъ: конокрадамъ-фараонамъ ломалъ ноги, грабилъ однихъ богатыхъ, изъ добычи оставлялъ себѣ сотую долю, остальное раздавалъ неимущимъ, убивалъ, только защищаясь, въ середу и пятницу постился. Знаешь, какой нарядъ носилъ онъ? А такой, что любой пастухъ носитъ: ступни въ свиной кожѣ, шаровары и рубаха изъ холстины, за поясомъ ножъ, пистоли, плоска, — по господски, фляга,— на головѣ баранья шапка, на плечахъ просторная манта изъ овечьей шерсти, за плечами — карабинъ короткій. А самъ онъ былъ статенъ, какъ тополь, и, какъ дубъ, крѣпокъ, силенъ, какъ волкъ, смѣлъ, какъ пуля, хитеръ, какъ змѣя, скоръ, какъ мысли, горячъ, какъ любовь, вѣренъ, какъ судьба, съ бѣднымъ щедръ и нѣженъ, съ властнымъ — безпощаденъ; высоки и покаты были его плечи, широка волосатая грудь, тонка талія, усы русы и длинны, лицо—точно золото съ бронзой, глаза — огонь ясный.

На десятый годъ своихъ подвиговъ пошелъ гоцъ въ Святую ночь помолиться въ Божьей церкви.

Онъ убилъ пятнадцать грековъ,— ты вѣдь ихъ знаешь: положи въ давильню десять турокъ, десять жидовъ некрещенныхъ да десять собакъ паршивыхъ, — потечетъ кровь грека; онъ ограбилъ тридцать сардарей, — вѣдь они были богаче самого князя, снима-

ли на подать крестъ и рубаху; онъ поймалъ въ лѣсу и подковалъ конской подковой исправника-турка; онъ сложилъ сто двадцать пѣсенъ, выпилъ сорокъ бочекъ одобештскаго вина, танцовалъ и въ кормчахъ и на свадьбахъ; у него былъ конь рыжій, — быстрый, какъ вѣтеръ, умный, какъ лисица, никогда не хромавшій, никогда не потѣвшій, даромъ что малый и дробный: такъ когда же было гоцу ходить въ церковь? Девять лѣтъ не былъ онъ въ церкви, хоть и думалъ о Богѣ не меньше насъ съ тобою, на десятый годъ собрался — и далъ себѣ крѣпкую клятву: что бы ни случилось, никого въ эту ночь не обидѣть, будь то хоть самъ дьяволъ.

Вотъ оставилъ онъ коня въ полѣ, кинулъ на луку поводья, а самъ пошелъ по деревнѣ. Шелъ онъ и видѣлъ огни въ хатахъ, убранные столы и выбѣленныя печи. Но въ одной, самой старой и убогой хатѣ, окна были темны,— видно, тамъ даже и на огонь не хватило, не то что на святую пасху. И стало гоцу скучно,— вѣдь въ такой же бѣдной хатѣ и онъ выросъ,— и съ недобрымъ сердцемъ вошелъ онъ въ церковь. Почуяло его сердце, что не дастъ ему земля покоя даже и въ Христову полночь,. — такъ оно ,по Божьему хотѣнью, и случилось. Въ церкви было людно и тѣсно, у всѣхъ въ рукахъ горѣли свѣчи, на всѣхъ лицахъ была радость. Сталъ гоцъ гдѣ потемнѣе, — выше всѣхъ былъ онъ ростомъ, —сотворилъ усердную молитву, оглянулся и видитъ: стоитъ рядомъ съ нимъ ребенокъ, заморенный и въ лохмотьяхъ, держитъ руку матки, блѣдной и бѣдно одѣтой, а хорошей, съ большими глазами. Гоцъ наклонился и спросилъ

ее тихо: — «Женщина, кто ты такая, отчего ты блѣдна, равнодушна?» — Женщина робко взглянула на гоца и, склонивши глаза, промолчала. И въ другой разъ спросилъ ее гоцъ, еще тише: — «Не твоя ли это хата у балки, не въ твоей ли это хатѣ темно въ окнахъ?» — Но опять ничего не отвѣтила ему сосѣдка, только поспѣшно отвернулась и закрестилась на иконы. И пересталъ гоцъ слушать, что пѣли и читали на амвонѣ о Воскресеніи Христовомъ: — «Побей меня Крестъ и Божья Матерь! — подумалъ онъ съ тоскою. — Крѣпкій далъ я себѣ зарокъ никого въ эту ночь не обидѣть, да не терпитъ мое человѣчье сердце!» — И, не кончивъ молитвы, скорымъ шагомъ вышелъ вонъ изъ церкви. Далеко за балкой, за прудами, насквозь, какъ фонарь, свѣтился богатый домъ въ помѣстьѣ. Какъ хозяинъ поднялся гоцъ на крыльцо того дома, разогналъ собакъ плетью и какъ хозяинъ вступилъ въ свѣтлые господскіе покои, а что было дальше, ты и самъ можешь догадаться.

Въ ту Христову полночь та бѣдная молдавка, что ни слова не сказала гоцу въ церкви, долго не рѣшалась войти въ свою хату: возвращаясь къ своей хатѣ, не разъ проходила она мимо, думая, что это не ея хата — такъ свѣтло было отъ господскихъ свѣчей въ ея окнахъ, такъ богато былъ убранъ столъ господской трапезой. И сидѣлъ за тѣмъ столомъ высокій и могучій воинъ и держалъ въ своихъ сильныхъ рукахъ ея слабаго младенца. Въ ту Христову полночь стала вдова-молдавка возлюбленной гоца, его милой, братцей. И три года любила она

гоца горячо и вѣрно. А на четвертый годъ,— мало въ людяхъ и ума и чести! — подкупилъ ее вамишъ, исправникъ, и предала она, Іуда, гоца въ его руки. Тутъ чауши, пандуры и армаши окружили ея хату, когда гоцъ отдыхалъ отъ далекой дороги, и хотѣли взять его живого. Онъ проснулся, схватился за пистоли, вышибъ ногой дверь хаты, сказалъ свое тайное слово, напустилъ на враговъ своихъ туману, свистнулъ коня Ройбу,— конь примчался отъ яслей веселый! — вскочилъ въ сѣдло, гикнулъ — и полетѣлъ скорѣй мысли, держа въ зубахъ поводъ и стрѣляя назадъ изъ пистолей. Да и враги отъ него не отставали. Вплавь переплылъ конь рѣку, переплылъ другую, переплылъ и третью, и ужъ близки были лѣса, Кодри, гдѣ бы гоцъ укрылся. Да арнаутъ, сыщикъ, — чтобъ его земля поглотила!—забилъ карабинъ не пулей, —не брала гоца пуля,—а серебряной монетой и пробилъ гоцу спину, а коню его —ногу. Конь спотыкнулся, гоцъ упалъ на землю—тутъ его туго связали, каблукомъ проломили ему темя и въ оковахъ повезли на телѣгѣ въ Яссы... Добрые христовы люди, было это тоже въ Свѣтлый Христовъ праздникъ!

Вотъ тянутъ на высокую гору телѣгу, обитую желѣзомъ, волы голубые. На телѣгѣ лежитъ войникъ съ кровавою раной, рядомъ идетъ майкулица, старая мать гоца, отираетъ кровь съ его раны, молитъ воловъ крyторогихъ: — «Вы потише, волы, везите, прошу васъ о томъ со слезами, — не трясите телѣгу, въ ней мой сынъ умираетъ!» — И, какъ вода, тихо-тихо качается телѣга, и говоритъ войникъ: — «Уходи, родная, съ сво-

имъ счастьемъ, а меня оставь съ моимъ огнемъ-раной!» — Да нѣтъ, это такъ поется въ пѣснѣ. Родная мать гоца тогда еще не слыхала, что везутъ ея сына въ ясскую темницу. И не знала она долго, какъ онъ тамъ томился, какъ его тамъ пытали стражи. Судъ людской не скорый, и опять прошло три года, и опять пришелъ праздникъ. Тутъ сказалъ гоцъ стражамъ: — «Добрые Христовы люди, есть у меня на душѣ мука, взялъ я у господина большой кошель съ деньгами и не видѣлъ, что въ деньгахъ тѣхъ — мѣдный образокъ на голубой лентѣ; это образокъ младенца, дайте мнѣ вернуть его господину; укажу вамъ за услугу мѣсто великаго клада и обѣщаюсь самимъ Богомъ воротиться въ темницу; снилось мнѣ, что боеръ тотъ пріѣхалъ въ Яссы, торгуетъ коней на базарѣ, — отдамъ ему образъ и опять приду въ оковы».

Ты думаешь, что гоцъ не вернулся, что свистнулъ онъ Ройбу, на свободѣ гулявшаго въ Кодряхъ? Нѣтъ, гоцъ не разбойникъ, слово его твердо. Онъ нашелъ на базарѣ господина, онъ отдалъ образокъ младенца въ хозяйскія руки. А когда сдѣлалъ дѣло и вернулся въ темницу, повели его на судъ къ князю. Во дворцѣ было войско, много народу и начальниковъ много. А самъ князь въ чалмѣ и кафтанѣ, сѣлъ на золотомъ тронѣ и спросилъ гоца: — «Гдѣ тѣ деньги, что ты накралъ, награбилъ?» — И ни слова ему гоцъ не отвѣтилъ, — молча стоялъ передъ трономъ, величавый и грозный. Тогда князь понялъ, что спрашивалъ дерзко, и спросилъ иначе: — «Гдѣ тѣ деньги, что ты отнялъ у богатыхъ?» — И отвѣтилъ гоцъ князю: — «Господарь, ва-

ше высочество, вотъ и всегда говори такъ съ народомъ: умно и учтиво. А гдѣ деньги, что отнялъ я у богатыхъ, про то знаетъ только конь Ройбу. И не тебѣ и не твоимъ слугамъ я отдамъ ихъ: вы все равно проиграсте ихъ въ карты, на винѣ пропьете!»—И ударилъ князь связаннаго гоца въ щеку, крѣпко ударилъ.— «Такъ и Христа Бога били на судѣ Пилата»,—сказалъ ему гоцъ, отъ гнѣва тихо. И князь грозно крикнулъ: — «Молчать, талгарь, разбойникъ!»—И сказалъ гоцъ князю: — «На крестѣ, ваше высочество, простилъ разбойника Сынъ Божій!» — И ударилъ князь гоца еще злѣе и велѣлъ предать его казни.

Ты, зеленый листъ дикой яблони, вы, весенніе Кодри, и вы, быстрыя рѣки! Никогда бы вамъ не видѣть больше гоца, если бы не Божья защита! Ни сила, ни хитрость, ни талисманы, ни заговоры не спасли бы его отъ позора. Ужъ стучали топорами на площади въ Яссахъ, ужъ вострилъ палачъ на бѣлую шею гоца свою тяжкую сѣкиру. Да дошла, долетѣла вѣсть о близкой казни гоца до его родного дома. Встань, Божій войникъ, слушай: вотъ заплакала старшая сестра твоя, съ черной косой по колѣна,— и безсильны ея слезы; вотъ заплакала средняя твоя сестра, съ рыжей косой ниже стана,—и она помочь не въ силахъ; вотъ заплакала твоя младшая сестра, ребенокъ, — разступаются отъ слезъ ея Кодри, разливаются рѣки, раскрываются ущелья. А теперь, гоцъ, крѣпче схватись за темничную рѣшетку, — чуешь, чей это голосъ вступаетъ? Это голосъ тебя породившей!

Какъ заплакала мать гоца, задрожала его тѣсная темница, зашатались ея стѣны, затрещала ржавая рѣшетка.

Какъ заплакала мать гоца, въ прахъ разсыпались его оковы, вышелъ онъ на вольное поле и ударилъ сильною ногою въ землю:

— Гей, гей, добрые люди! Попомню я вамъ вашъ Христовъ праздникъ!

1916.

Сынъ.

Г-жа Маро родилась и выросла въ Лозаннѣ, въ строгой, честной и трудолюбивой семьѣ. Замужъ она вышла не рано, но по любви. Въ мартѣ 1876 года, среди пассажировъ стараго французскаго парохода «Овернь», шедшаго изъ Марселя въ Италію, оказалась чета новобрачныхъ. Дни стояли тихіе, прохладные, море серебристыми зеркалами терялось въ туманныхъ весеннихъ даляхъ, новобрачные не сходили съ палубы. И всѣ любовались ими, всѣ глядѣли на ихъ счастье съ дружелюбными улыбками: у него это счастье сказалось въ бодромъ, рѣзкомъ взглядѣ, въ потребности движенія, въ оживленной привѣтливости съ окружающими, у нея — въ томъ радостномъ интересѣ, съ которымъ она воспринимала всякую мелочь... Новобрачные эти были Маро.

Онъ былъ старше ея лѣтъ на десять; ростомъ онъ былъ невеликъ, лицомъ смуглъ, волосомъ курчавъ; рука у него была сухая, голосъ звучный. А въ ней чувствовалась примѣсь какой-то иной, не романской крови; она казалась чуть-чуть высока, — хотя талія ея была прелестна, — при темныхъ волосахъ глаза у нея были сѣро-синіе. Черезъ Неаполь, Палермо и Тунисъ они проѣ-

хали въ алжирскій городъ Константину, гдѣ г. Маро получилъ довольно видное мѣсто. И жизнь въ Константинѣ, тѣ четырнадцать лѣтъ, что прошли съ этой счастливой весны, дали имъ все, чѣмъ обычно довольствуются люди: достатокъ, семейный ладъ, здоровыхъ и красивыхъ дѣтей.

За четырнадцать лѣтъ Маро очень измѣнились по внѣшности: онъ сталъ черенъ лицомъ, какъ арабъ, посѣдѣлъ и подсохъ отъ работы, разъѣздовъ, табаку и солнца, — многіе принимали его за уроженца Алжиріи; никто не узналъ бы и въ ней ту, что когда-то плыла на пароходѣ «Овернь»: тогда даже въ ботинкахъ ея, выставленныхъ за дверь на ночь, было очарованіе молодости; теперь и у нея въ волосахъ серебрилось, тоньше и золотистѣй стала кожа, похудѣли руки, и въ уходѣ за ними, въ прическѣ, въ бѣльѣ, въ одеждѣ уже проявляла она какую-то излишнюю опрятность. Измѣнились, конечно, и отношенія ихъ, хотя никто бы не сказалъ, что къ худшему. А жили они каждый по-своему: у него время было наполнено работой, — онъ оставался все тѣмъ же страстнымъ и вмѣстѣ трезвымъ человѣкомъ, какимъ былъ и прежде, у нея — заботами о немъ, о дѣтяхъ, о двухъ хорошенькихъ дѣвочкахъ, изъ которыхъ старшая была уже почти барышня; и въ одинъ голосъ говорили всѣ, что нѣтъ въ Константинѣ лучшей хозяйки, лучшей матери и болѣе милой собесѣдницы въ гостиной, чѣмъ г-жа Маро.

Домъ ихъ стоялъ въ тихомъ и чистомъ кварталѣ. Со второго этажа, изъ парадныхъ комнатъ, всегда полутемныхъ отъ закры-

тыхъ жалюзи, была видна Константина, славная на весь міръ своей живописностью: на косыхъ скалахъ лежитъ эта древняя арабская крѣпость, ставшая французскимъ городомъ. Окна семейныхъ покоевъ, тѣнистыхъ и прохладныхъ, смотрѣли въ садъ, — тамъ, въ вѣчномъ зноѣ и блескѣ, дремали вѣковые эвкалипты, сикоморы, пальмы, обнесенные высокими стѣнами. Хозяинъ часто отсутствовалъ по службѣ. А хозяйка вела то замкнутое существованіе, на которое обрѣчены въ колоніяхъ жены всѣхъ европейцевъ. По воскресеньямъ она неизмѣнно бывала въ цекрви. Въ будни выѣзжала рѣдко и держалась небольшого избраннаго кружка. Она читала, занималась рукодѣліемъ, болтала или училась съ дѣтьми; иногда, посадивъ къ себѣ на колѣни черноглазую Мари, свою меньшую дочку, и одной рукой играя на фортепіано, пѣла старинныя французскія пѣсни, коротая долгій африканскій день, межъ тѣмъ какъ горячій вѣтеръ широко входилъ изъ сада въ открытыя окна... Константина, затворившая всѣ свои ставни и нещадно палимая солнцемъ, казалась въ эти часы мертвымъ городомъ: только вскрикивали скворонки за стѣнами садовъ да меланхолически, тоской колоніальныхъ странъ, звучали рожки горнистовъ по загороднымъ холмамъ, гдѣ порою глухимъ стукомъ сотрясали землю пушки и мелькали бѣлые солдатскіе шлемы.

Дни въ Константинѣ шли однообразно, но никто не замѣчалъ, чтобы госпожа Маро тяготилась этимъ. Въ характерѣ ея, тонкомъ и цѣломудренномъ, не проявлялось ни

повышенной чувствительности, ни излишней нервности. Здоровье ея нельзя было назвать крѣпкимъ, но оно не доставляло тревогъ г-ну Маро. Поразилъ его только одинъ случай: однажды, въ Тунисѣ, арабъ-фокусникъ такъ быстро и глубоко усыпилъ ее, что она насилу пришла въ себя. Но это было еще во время переѣзда изъ Франціи; съ тѣхъ поръ такихъ рѣзкихъ паденій воли, такой болѣзненной воспріимчивости она не испытывала. И г. Маро былъ счастливъ, спокоенъ и убѣжденъ, что душа ея безмятежна и открыта для него. Да такъ оно и было, даже и въ послѣдній, четырнадцатый годъ его семейной жизни... Но вотъ появился въ Константинѣ нѣкто Эмиль Дю-Бюи.

Эмилю Дю-Бюи, сыну г-жи Боннэ, давней и хорошей знакомой Маро, было всего девятнадцать лѣтъ. Г-жа Боннэ, вдова инженера, кромѣ Эмиля, рожденнаго ею въ первомъ бракѣ, выросшаго въ Парижѣ и уже изучавшаго право, болѣе всего же занятаго сочиненіемъ только одному ему понятныхъ стиховъ и причислявшаго себя къ несуществующей поэтической школѣ «Искателей», имѣла еще дочь Элизу. Въ маѣ восемьдесятъ девятаго года Элиза готовилась къ вѣнцу, но заболѣла и черезъ нѣсколько дней умерла. Эмиль, дотолѣ никогда не бывшій въ Константинѣ, пріѣхалъ на похороны. Легко понять, какъ тронула г-жу Маро эта смерть, смерть дѣвушки, уже примѣрявшей вѣнчальную фату; извѣстно и то, какъ просто устанавливается при такихъ обстоятельствахъ близость между людьми, даже едва узнавшими другъ друга. Къ тому же Эмиль и въ самомъ

дѣлѣ былъ для г-жи Маро только мальчикомъ. Вскорѣ послѣ похоронъ г-жа Боннэ уѣхала къ роднымъ, во Францію. Эмиль остался въ Константинѣ, на загородной дачѣ своего покойнаго отчима, на виллѣ Хашимъ, какъ называли ее въ городѣ, и сталъ почти ежедневно бывать у Маро. Каковъ бы онъ ни былъ, чѣмъ бы онъ ни притворялся, все же онъ былъ очень молодъ, очень чувствителенъ и нуждался въ людяхъ, къ которымъ могъ бы прибиться на время. — «И не странно ли, — говорили нѣкоторые, — г-жа Маро стала неузнаваема! Какъ оживилась она, какъ похорошѣла!»

Однако эти иносказанія были неосновательны. Вначалѣ только всего и было, что немного веселѣе стала ея жизнь да игривѣе и кокетливѣе стали ея дѣвочки, ибо Эмиль, поминутно забывая о своемъ горѣ и о томъ ядѣ, которымъ, какъ онъ думалъ, отравилъ его «конецъ вѣка», иногда по цѣлымъ часамъ возился съ Мари и Луизой совсѣмъ какъ равный. Правда, онъ все же былъ мужчина, парижанинъ и не совсѣмъ дюжинная натура; онъ участвовалъ въ той недоступной для простыхъ смертныхъ жизни, которой жили парижскіе писатели, онъ часто, съ какой-то сомнамбулической выразительностью, читалъ странные, но звучные стихи; и, можетъ быть, благодаря именно ему, легче и быстрѣе стала походка г-жи Маро, чуть-чуть нарядцѣе ея домашніе туалеты, ласковѣй и насмѣшливѣй оттѣнки голоса; можетъ быть, и была въ ея душѣ капля чисто женской радости, что вотъ есть человѣкъ, которымъ можно слегка повелѣвать, съ которымъ мож-

но говорить съ полушутливой наставительностью, съ той свободой, что такъ естественно допускалась разницей въ лѣтахъ, и который такъ преданъ всему ея дому, гдѣ, однако, первымъ лицомъ, — это, конечно, обнаружилось очень скоро,—была для него все-таки она. Но вѣдь какъ обычно все это! А главное чаще всего онъ былъ только жалокъ ей.

Онъ, искренно почитавшій себя прирожденнымъ поэтомъ, хотѣлъ и по наружности походить на поэта; онъ носилъ длинные, закинутые назадъ волосы, одѣвался съ артистической скромностью; волосы у него были красивые, коричневые и шли къ его блѣдному лицу, равно какъ и черная одежда; но блѣдность эта была слишкомъ безкровная, съ желтымъ налетомъ; глаза у него постоянно блестѣли, но отъ изможденнаго лица казались лихорадочными; и такъ суха и плоска была его грудь, такъ тонки ноги, такъ худы руки, что становилось какъ-то неловко, когда онъ не въ мѣру оживлялся и бѣжалъ по улицѣ или по саду, немного подавшись впередъ, какъ бы скользя, чтобы скрыть свой недостатокъ, то, что одна нога была у него короче другой; въ обществѣ онъ бывалъ непріятенъ, надмененъ, старался быть загадочнымъ, небрежнымъ, порой изящно-дерзкимъ, порой презрительно-разсѣяннымъ и во всемъ независимымъ; но ужъ слишкомъ часто не доигрывалъ онъ ролей, срывался и начиналъ говорить съ какой-то наивной откровенностью и поспѣшностью. И, конечно, недолго сумѣлъ онъ таить свои чувства, притворяться не вѣрящимъ въ любовь и счастье на землѣ: вскорѣ о его влюбленно-

сти зналъ весь домъ. Онъ уже сталъ докучать хозяину своими посѣщеніями; сталъ каждый день привозить съ виллы букеты самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ, сидѣть съ утра до вечера, читать стихи все болѣе непонятные,— дѣти не разъ слышали, какъ заклиналъ онъ кого-то умереть вмѣстѣ съ нимъ, — а по ночамъ пропадать въ туземныхъ кварталахъ, въ тѣхъ притонахъ, гдѣ арабы, закутанные въ грязно-бѣлые бурнусы, жадно глядятъ на «танцы живота» и пьютъ самые острые ликеры... Короче сказать, не прошло и полутора мѣсяца, какъ влюбленность его перешла Богъ знаетъ во что.

Нервы его совсѣмъ перестали служить ему. Однажды чуть не цѣлый день сидѣлъ онъ молча, затѣмъ всталъ, поклонился, взялъ шляпу и вышелъ, — а черезъ полчаса былъ принесенъ съ улицы въ ужасномъ состояніи: онъ бился въ истерикѣ, онъ такъ страстно рыдалъ, что перепугалъ и дѣтей и прислугу. Но г-жа Маро, казалось, не придала особаго значенія и этому изступленію. Она сама приводила его въ чувство, торопливо развязывая ему галстукъ и уговаривая его быть мужчиной, и только усмѣхалась, когда онъ, безъ всякаго стѣсненія передъ мужемъ, хваталъ, покрывая поцѣлуями, ея руки и клялся въ своей безкорыстной преданности. Все же надо было положить конецъ всему этому. Когда, черезъ нѣсколько дней послѣ припадка, Эмиль, о которомъ дѣти скоро соскучались, явился уже успокоенный, хотя и похожій на человѣка, перенесшаго тяжелую болѣзнь, г-жа Маро мягко сказала ему все, что говорятъ въ такихъ случаяхъ.

— Другъ мой, вы вѣдь какъ сынъ для меня, — сказала она ему, впервые произнося это слово, — сынъ, — и въ самомъ дѣлѣ чувствуя почти материнскую нѣжность къ нему. — Не ставьте же меня въ смѣшное и мучительное положеніе.

— Но клянусь вамъ, что вы ошибаетесь! — воскликнулъ онъ съ искренней страстностью. — Я только преданъ вамъ, я только видѣть хочу васъ и ничего болѣе!

И вдругъ упалъ на колѣни, — они были въ саду, въ тихій и жаркій, сумрачный вечеръ, — порывисто охватилъ ея бедра, близкій отъ страсти къ обмороку... И глядя на его волосы, на его бѣлую тонкую шею, она, съ болью и восторгомъ, подумала:

— Ахъ, да, да, у меня могъ быть вотъ почти такой же сынъ!

Все-таки съ этихъ поръ до самаго отъѣзда во Францію онъ не сумасшествовалъ. По существу это было худо, это могло значить то, что страсть его стала глубже. Но наружно все измѣнилось къ лучшему, — только одинъ разъ снова не выдержалъ онъ. Какъ-то послѣ воскреснаго обѣда, за которымъ присутствовало нѣсколько постороннихъ, онъ, совсѣмъ не думая о томъ, что это можетъ быть всѣми замѣчено, сказалъ ей:

— Очень прошу васъ удѣлить мнѣ одну минуту...

Она встала и пошла за нимъ въ пустой полутемный залъ. Онъ подошелъ къ окну, въ которое продольными полосками проникалъ снаружи вечерній свѣтъ, и, глядя ей прямо въ лицо, сказалъ:

— Нынче день смерти моего отца. Я люблю васъ!

Она повернулась, чтобы уйти. Испуганный, онъ поспѣшно прибавилъ вслѣдъ ей:

— Простите меня, это первый и послѣдній разъ!

И точно, новыхъ признаній она отъ него не слыхала. — «Я очарованъ былъ ея смущеніемъ, — писалъ онъ въ этотъ вечеръ въ своемъ дневникѣ своимъ изысканнымъ и напыщеннымъ слогомъ. — Я поклялся не нарушать болѣе ея покоя: развѣ и безъ того не блаженъ я?» — Онъ продолжалъ ѣздить въ городъ, — только ночевалъ на виллѣ Хашимъ, — и велъ себя разно, но всегда болѣе или менѣе пристойно. Иногда онъ бывалъ по прежнему какъ-то не кстати рѣзвъ, наивенъ, бѣгалъ съ дѣтьми по саду; чаще же всего сидѣлъ возлѣ нея и «упивался ея присутствіемъ», читалъ ей газеты, романы и «счастливъ былъ, что она его слушаетъ». — «Дѣти не мѣшали намъ, — писалъ онъ объ этихъ дняхъ, — ихъ голоса, смѣхъ, возня, самыя существа ихъ служили какъ бы тончайшими проводниками нашихъ чувствъ, благодаря имъ, эти чувства были еще очаровательнѣе; мы вели самыя обыденныя бесѣды, но въ нихъ звучало другое, — наше счастье: да, да, и она была счастлива, я утверждаю это. Она любила, когда я декламировалъ; по вечерамъ, съ балкона, мы созерцали Константину, лежавшую у нашихъ ногъ въ голубомъ лунномъ сіяніи...» Наконецъ, въ августѣ, г-жа Маро настояла, чтобы онъ уѣхалъ, возвратился къ своимъ занятіямъ, и въ дорогѣ онъ записалъ: — »Я уѣзжаю! уѣзжаю,

отравленный горькой сладостью разлуки! Она подарила мнѣ на память бархатку, которую носила на шеѣ въ дѣвушкахъ. Она благославила меня въ послѣднюю минуту, и я видѣлъ влажный блескъ въ ея глазахъ, когда она сказала: «Прощайте, дорогой сынъ мой!..»

Правъ ли онъ былъ, что и г-жа Маро въ августѣ была счастлива, неизвѣстно. Но что его отъѣздъ оказался для нея тяжелымъ, — несомнѣнно. Это слово, — сынъ, — которое часто волновало ее и прежде, теперь стало звучать для нея уже такъ, что она не могла спокойно слышать его. И прежде, встрѣчая на пути въ церковь знакомыхъ, говорившихъ ей въ шутку: — «О чемъ вамъ молиться, г-жа Маро, вы и такъ безгрѣшны и счастливы!» — не разъ отвѣчала она съ грустной улыбкой: — «Я жалуюсь Богу, что онъ лишилъ меня сына...» Теперь мысль о сынѣ, о томъ счастьѣ, которое непрестанно давалъ бы онъ ей даже однимъ своимъ существованіемъ на свѣтѣ, не оставляла ее. И однажды, вскорѣ послѣ отъѣзда Эмиля, она сказала мужу:

— Теперь я все поняла! Я теперь твердо знаю, что каждая мать должна имѣть сына, что каждая женщина, у которой сына нѣтъ, если вдумается въ себя, провѣритъ всю свою жизнь, увидитъ, что она несчастна. Ты мужчина, ты не можешь чувствовать этого, но это такъ... О, какъ нѣжно и страстно можно любить сына!

Она была очень ласкова съ мужемъ въ эту осень. Случалось, что, оставшись съ нимъ наединѣ, она вдругъ застѣнчиво говорила ему:

— Гекторъ, послушай... Мнѣ уже совѣст-

но спрашивать тебя объ этомъ, но все-таки... Ты когда-нибудь вспоминаешь мартъ семьдесятъ шестого года? Ахъ, если бы у насъ съ тобой былъ сынъ!

«Все это очень меня смущало, — разсказывалъ впослѣдствіи г. Маро, — смущало тѣмъ болѣе, что она стала очень худѣть. Она слабѣла, дѣлалась все молчаливѣе и мягче характеромъ. У знакомыхъ она бывала все рѣже, въ городъ выѣзжать безъ нужды избѣгала... Я не сомнѣваюсь, что какой-то страшный и непонятный недугъ постепенно овладѣвалъ ея душой и тѣломъ!» — А бонна прибавляла, что, выѣзжая въ эту осень, г-жа Маро непремѣнно надѣвала бѣлую густую вуаль, чего прежде не дѣлала, что, возвратясь домой, она тотчасъ поднимала вуаль передъ зеркаломъ и пристально разглядывала свое усталое лицо. Излишне поясн ть, что совершалось въ душѣ ея за это время. Но хотѣла она ли видѣть Эмиля, писалъ ли онъ ей и отвѣчала ли она ему? Онъ представилъ суду двѣ депеши, будто бы отправленныя на его имя, въ отвѣтъ на его письма. Одна была отъ 10 ноября: — «Вы сводите меня съ ума. Успокойтесь. Немедленно дайте вѣсть о себѣ».—Другая отъ 23 декабря: — «Нѣтъ, нѣтъ, не пріѣзжайте, умоляю васъ. Думайте обо мнѣ, любите меня какъ мать».— Но достовѣрность того,что эти депеши были посланы ею, конечно, не могла быть доказана. Достовѣрно только то, что съ сентября по январь г-жа Маро жила тяжело, тревожно, болѣзненно.

Поздняя осень этого года была въ Константинѣ холодна и дождлива. Потомъ, какъ

всегда это бываетъ въ Алжиріи, сразу наступила восхитительная весна. И къ г-жѣ Маро снова стало возвращаться оживленіе, тотъ блаженный, тонкій хмель, который испытываютъ въ пору весенняго расцвѣта люди уже пережившіе молодость. Она снова стала выѣзжать, много каталась съ дѣтьми, бывала съ ними въ саду опустѣвшей виллы Хашимъ, собиралась проѣхать въ Алжиръ, показать дѣтямъ Блиду, возлѣ которой есть въ горахъ лѣсистое ущелье, излюбленное обезьянами... И такъ шло вплоть до семнадцатаго января девяностаго года. Семнадцатаго января она проснулась отъ какого-то необыкновенно счастливаго и нѣжнаго чувства, волновавшаго ее, какъ казалось, всю ночь. Въ большой комнатѣ, гдѣ, за отсутствіемъ мужа, надолго уѣхавшаго по дѣламъ службы, она спала одна, было почти темно отъ жалюзи и гардинъ. Все же по той голубой блѣдности, что проникала изъ-за нихъ, можно было понять, что еще рано. И точно, часики на ночномъ столикѣ показывали шесть. Съ наслажденіемъ ощущая утреннюю свѣжесть, входившую изъ сада, она закуталась въ легкое одѣяло, повернулась къ стѣнѣ... «Почему мнѣ такъ хорошо?» — подумала она, забываясь. И смутными, прекрасными видѣніями стали представляться ей картины Италіи, Сициліи, картины той далекой весны, когда плыла она въ каютѣ съ окнами на палубу, на холодное серебристое море, съ портьерами изъ высохшаго отъ времени и поблекшаго краснаго шелка, съ высокимъ порогомъ, сіявшимъ стертой отъ долголѣтней чистки мѣдью... Потомъ увидѣла она безграничные

морскіе заливы, лагуны, низменности, большой арабскій городъ, весь бѣлый, съ плоскими крышами, и волнистые тумано-голубые холмы и предгорія за нимъ. Это былъ Тунисъ, въ которомъ она была только разъ, въ ту же весну, что и въ Неаполѣ, Палермо... Но тутъ точно холодъ волной прошелъ по ней — и, вдрогнувъ, она открыла глаза. Былъ уже девятый часъ, слышались голоса дѣтей, голосъ ихъ бонны. Она встала, накинула пеньюаръ и, выйдя на балконъ, спустилась въ садъ и сѣла въ качалку, стоявшую на пескѣ возлѣ круглаго стола, подъ цвѣтущей мимозой, раскинувшей надъ нимъ свой золотой наметъ, тяжело благоухавшій на припекѣ. Горничная принесла ей кофе. Она опять стала думать о Тунисѣ — и вспомнила то странное, что было тамъ съ нею, тотъ сладкій страхъ и то блаженное безволіе какъ бы предсмертныхъ минутъ, что испытала она въ этомъ блѣдно-голубомъ городѣ въ теплыя розовыя сумерки, полулежа въ качалкѣ на крышѣ отеля, слабо видя темное лицо араба, гипнотизера и фокусника, сидѣвшаго на корточкахъ передъ нею, усыплявшаго ее своими чуть слышными, однотонными напѣвами и медленными движеніями худыхъ рукъ. И вдругъ, думая и машинально глядя широко раскрытыми глазами на яркую серебряную искру, которой горѣла на солнцѣ ложечка въ стаканѣ съ водой, потеряла сознаніе. Когда же внезапно очнулась, — надъ ней стоялъ Эмиль.

Все то, что совершилось вслѣдъ за этой нежданной встрѣчей, извѣстно со словъ самого Эмиля, по его разсказу, по его отвѣ-

тамъ на допросахъ. — Да, я точно съ неба упалъ въ Константину!—разсказы алъонъ.— Я пріѣхалъ потому, что понялъ, что сами силы небесныя не могутъ остановить меня. Утромъ семнадцатаго января я прямо съ вокзала, безъ всякаго предупрежденія, явился въ домъ г. Маро и вбѣжалъ въ садъ. Я былъ ошеломленъ тѣмъ, что представилось моимъ глазамъ, но едва сдѣлалъ шагъ, какъ она очнулась. Она, казалось, тоже была изумлена и неожиданностью моего появленія и тѣмъ, что было съ нею, но даже не издала восклицанія. Поглядѣвъ на меня, какъ человѣкъ, только что очнувшійся отъ крѣпкаго сна, она поднялась съ мѣста, оправляя волосы.

— Вотъ такъ я и предчувствовала, — какъ то невыразительно сказала она. — Вы не послушались меня!

И привычнымъ жестомъ застегнувъ на груди пенюаръ, взяла мою голову обѣими руками и два раза поцѣловала меня въ лобъ.

Я потерялся отъ восторга и страсти, но она тихо отстранила меня и сказала:

— Идемъ, я не одѣта, я сейчасъ вернусь, идите къ дѣтямъ...

— Но ради Бога, что такое было съ вами? — спросилъ я, всходя за нею на балконъ.

— О, пустякъ, легкое оцѣпенѣніе, я засмотрѣлась на блестѣвшую ложечку, — отвѣчала она, овладѣвая собой и начиная говорить оживленнѣе. — Но что вы сдѣлали, что вы сдѣлали!

Дѣтей я нигдѣ не нашелъ, въ домѣ было пусто и тихо, я сѣлъ въ столовой, слышалъ, какъ она вдругъ запѣла въ дальней комнатѣ

сильнымъ, звучнымъ голосомъ, но тогда не понялъ всего ужаса этого звука, потому что весь дрожалъ нервной дрожью. Я не спалъ всю ночь, я считалъ минуты, пока поѣздъ мчалъ меня къ Константинѣ, я вскочилъ въ первый попавшійся фіакръ, выбѣжавъ изъ вокзала, я не чаялъ подняться въ городъ... Я зналъ, я тоже предчувствовалъ, что мой пріѣздъ будетъ роковымъ для насъ; но все же того, что я увидѣлъ въ саду, этой мистической встрѣчи и столь рѣзкаго перелома въ ея обращеніи со мной, я не могъ ожидать! Черезъ десять минутъ она вышла причесанная, въ легкомъ свѣтло-сѣромъ платьѣ съ оттѣнкомъ ириса.

— Ахъ, — сказала она, пока я цѣловалъ ея руку, — я и забыла, сегодня воскресенье, дѣти въ церкви, а я проспала... Дѣти послѣ церкви пойдутъ въ сосновую рощу, — вы бывали тамъ?

И, не ожидая моего отвѣта, позвонила, приказала подать мнѣ кофе и сѣла, стала пристально глядѣть на меня и, не слушая, распрашивать, какъ я жилъ, что дѣлалъ, стала говорить о себѣ, о томъ, что послѣ двухъ или трехъ очень дурныхъ для нея мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ она «ужасно постарѣла», — эти слова были произнесены съ какой-то непонятной улыбкой, — она чувствуетъ себя такъ хорошо, такъ молодо, какъ никогда... Я отвѣчалъ, слушалъ, но многаго не понималъ; мы оба говорили не то, у меня холодѣли руки отъ близости иного, страшнаго и неотвратимаго часа. Я не отрицаю, что меня точно молнія ослѣпила, когда она сказала: «Я постарѣла...» Я вдругъ

увидѣлъ, что она права: въ худобѣ ея рукъ и поблекшаго, хотя и впрямь помолодѣвшаго лица, въ сухости нѣкоторыхъ очертаній тѣла я уловилъ первые знаки того, что заставляетъ такъ больно и даже какъ-то неловко, — но тѣмъ страстнѣе! — сжиматься наше сердце при видѣ старѣющей женщины. Ахъ, да, какъ быстро и рѣзко измѣнилась она! — подумалъ я. Но все же она была прекрасна, я пьянѣлъ, глядя на нее. Я привыкъ безъ конца мечтать о ней, я не забылъ того мига, когда вечеромъ одинадцатаго іюля впервые обнялъ ея колѣни. Слегка дрожали и ея руки, когда она поправляла прическу, улыбаясь и глядя на меня, — и вдругъ — вы поймете всю катастрофическую силу этого мгновенія! — вдругъ эта улыбка какъ-то исказились, и она съ трудомъ, но твердо выговорила:

— Вамъ все же надо поѣхать къ себѣ, отдохнуть съ дороги, — на васъ лица нѣтъ, у васъ такіе страдальческіе, ужасные глаза и горящія губы, что я не въ силахъ больше видѣть этого... Хотите, я поѣду съ вами, провожу васъ?

И, не давъ мнѣ отвѣтить, встала и пошла, чтобы взять шляпу и мантилью...

Мы быстро пріѣхали на виллу Хашимъ. Я задержался у крыльца, чтобы нарвать цвѣтовъ. Она не стала ждать меня, сама отворила дверь. Прислуги у меня не было, былъ только сторожъ, онъ не видѣлъ насъ. Когда я вступилъ въ жаркую и полутемную отъ закрытыхъ жалюзи переднюю и подалъ ей цвѣты, она поцѣловала ихъ, потомъ, обнявъ меня одной рукой, поцѣловала меня. Отъ

волненія губы ея были сухи, но голосъ ясенъ.

— Но послушай... какъ же мы... есть что-нибудь съ тобой? — спросила она.

Я сперва не понялъ ея, такъ потрясъ меня этотъ первый поцѣлуй, это первое «ты», и пробормоталъ:

— Что ты хочешь сказать?

Она отступила назадъ.

— Какъ? — сказала она съ изумленіемъ, почти строго. — Неужели ты думалъ, что я... что мы можемъ жить послѣ этого? Есть ли у тебя что-нибудь, чтобъ умереть?

Я спохватился и поспѣшилъ показать ей заряженный пятью пулями револьверъ, съ которымъ никогда не разставался.

Она быстро пошла впередъ, изъ комнаты въ комнату. Всюду была полутьма. Я слѣдовалъ за ней съ тѣмъ помутнѣніемъ всѣхъ чувствъ, съ которымъ раздѣтый человѣкъ идетъ въ знойный день въ море, — слыша только шелестъ ея шелковыхъ юбокъ. Наконецъ мы пришли; она сбросила мантилью и стала развязывать ленты шляпы. Руки ея еще дрожали, и я еще разъ замѣтилъ сквозь сумракъ что-то жалкое и усталое въ ея лицѣ...

Но умерла она твердо. Въ послѣднія мгновенія она преобразилась. Цѣлуя меня и отстраняясь, что бы видѣть мое лицо, она сказала мнѣ шопотомъ нѣсколько столь нѣжныхъ и трогательныхъ словъ, что я не въ силахъ повторить ихъ.

Я хотѣлъ пойти нарвать еще цвѣтовъ, чтобы осыпать ими наше погребальное ложе. Она не пустила меня, она торопилась, она

говорила: — «Нѣтъ, нѣтъ, не надо... цвѣты есть... вотъ твои цвѣты» — и все повторяла:

— Итакъ, заклинаю тебя всѣмъ для тебя священнымъ, что ты убьешь меня!

— Да, а затѣмъ себя,—сказалъ я, ни секунды не сомнѣваясь въ своей рѣшимости.

— О, я вѣрю, вѣрю, — отвѣчала она уже какъ бы въ забытьѣ...

За минуту до смерти она сказала очень тихо, но просто:

— Боже мой, этому имени нѣтъ!

И еще:

— Гдѣ цвѣты, что ты далъ мнѣ? Поцѣлуй меня — въ послѣдній разъ.

Она сама приставила дуло къ виску. Я хотѣлъ выстрѣлить, она остановила меня:

— Нѣтъ, нехорошо, дай я поправлю. Вотъ такъ, дитя мое... А *потомъ* перекрести меня и положи мнѣ цвѣты на грудь...

Когда я выстрѣлилъ, она сдѣлала легкое движеніе губами. Я выстрѣлилъ еще разъ...

Она лежала спокойная, въ ея потухшемъ взглядѣ было какое-то горькое блаженство. Волосы ея были распущены, черепаховый гребень валялся на полу. Я, шатаясь, всталъ, чтобъ покончить съ собой. Но въ комнатѣ, несмотря на жалюзи, было свѣтло, я рѣзко видѣлъ въ этомъ свѣтѣ и въ тишинѣ, внезапно воцарившейся вокругъ меня, ея уже поблѣднѣвшее лицо... И тутъ мной вдругъ овладѣло безуміе, я бросился къ окну, раскидалъ, распахнулъ ставни, рамы, сталъ кричать и стрѣлять въ воздухъ... Остальное вы знаете...

Весной, пять лѣтъ тому назадъ, странствуя по Алжиріи, пишущій эти строки посѣтилъ Константину. Теперь часто вспоминаются ему тѣ дождливые, холодные, но все же весенніе вечера, что проводилъ онъ у камина въ читальнѣ одной старой и домовитой французской гостиницы. На тяжелыхъ затѣйливыхъ этажеркахъ тамъ лежали истрепанные иллюстрированные журналы—въ нихъ можно было найти поблекшіе портреты г-жи Маро, разныхъ годовъ, между прочимъ, дѣвическій, лозанскій... Повѣсть ея расказана здѣсь еще разъ въ силу потребности разсказать ее по своему.

1916.

Грамматика любви.

Нѣкто Ивлевъ ѣхалъ однажды въ началѣ іюня въ дальній край своего уѣзда.

Тарантасъ съ кривымъ пыльнымъ верхомъ далъ ему шуринъ, въ имѣніи котораго онъ проводилъ лѣто. Тройку лошадей, мелкихъ, но справныхъ, съ густыми сбитыми гривами, нанялъ онъ на деревнѣ, у богатаго мужика. Правилъ ими сынъ этого мужика, малый лѣтъ восемнадцати, тупой, хозяйственный. Онъ все о чемъ-то недовольно думалъ, былъ какъ будто чѣмъ-то обиженъ, не понималъ шутокъ. И, убѣдившись, что съ нимъ не разговоришься, Ивлевъ отдался той спокойной и безцѣльной наблюдательности, которая такъ идетъ къ ладу копытъ и громыханію бубенчиковъ.

Ѣхать сначала было очень пріятно: теплый, тусклый день, хорошо накатанная дорога, въ поляхъ множество цвѣтовъ и жаворонковъ; съ хлѣбовъ, съ невысокихъ сизыхъ ржей, простиравшихся насколько глазъ хватитъ, дулъ сладкій вѣтерокъ, несъ по ихъ косякамъ цвѣточную пыль, мѣстами дымилъ ею, и вдали отъ нея было даже туманно. Малый, въ новомъ картузѣ и неуклюжемъ люстриновомъ пиджакѣ, сидѣлъ прямо; то, что лошади были всецѣло ввѣрены ему и что

онъ былъ наряженъ, дѣлало его особенно серьезнымъ. А лошади кашляли и не спѣша бѣжали, валекъ пристяжки порою скребъ по колесу, порою натягивался, и все время мелькала подъ нимъ бѣлой сталью стертая подкова.

— Къ графу будемъ заѣзжать? — спросилъ малый, не оборачиваясь, когда впереди показалась деревня, замыкавшая горизонтъ своими лозинами и садомъ.

— А зачѣмъ? — сказалъ Ивлевъ.

Малый помолчалъ и, сбивъ кнутомъ прилипшаго къ лошади крупнаго овода, сумрачно отвѣтилъ:

— Да чай пить...

— Не чай у тебя въ головѣ, — сказалъ Ивлевъ. — Все лошадей жалѣешь.

— Лошадь ѣзды не боится, она корму боится, — отвѣтилъ малый положительно.

Ивлевъ поглядѣлъ кругомъ: погода поскучнѣла, со всѣхъ сторонъ натянуло линючихъ тучъ, и уже накрапывало — эти скромные деньки всегда оканчиваются окладными дождями... Старикъ въ очкахъ, пахавшій возлѣ деревни, сказалъ, что дома одна молодая графиня, но все-таки заѣхали. Малый натянулъ на плечи армякъ и, довольный тѣмъ, что лошади отдыхаютъ, спокойно мокъ подъ дождемъ на козлахъ тарантаса, остановившагося среди грязнаго двора, возлѣ каменнаго корыта, вросшаго въ землю, истыканную копытами скота. Онъ оглядывалъ свои сапоги, поправлялъ кнутовищемъ шлею на кореннику; а Ивлевъ сидѣлъ въ темнѣющей отъ дождя гостиной, болталъ съ графиней и ждалъ чая; уже пахло горящей лучиной, гу-

сто плылъ мимо открытыхъ оконъ зеленый дымъ самовара, который босая дѣвка набивала на крыльцѣ пуками ярко пылающихъ щепокъ, обливая ихъ керосиномъ. Графиня была въ широкомъ розовомъ капотѣ, съ открытой напудренной грудью; она курила, глубоко затягиваясь, часто поправляла волосы, до плечей обнажая свои тугія и круглыя руки; затягиваясь и смѣясь, она все сводила разговоръ на любовь, и между прочимъ разсказывала про своего близкаго сосѣда, помѣщика Хвощинскаго, который, какъ зналъ Ивлевъ еще съ дѣтства, всю жизнь былъ помѣшанъ на любви къ своей горничной Лушкѣ, умершей въ ранней молодости.—«Ахъ, эта легендарная Лушка! — замѣтилъ Ивлевъ шутливо, слегка конфузясь своего признанія.— Оттого, что этотъ чудакъ обоготворилъ ее, всю жизнь посвятилъ сума шедшимъ мечтамъ о ней, я въ молодости былъ почти влюбленъ въ нее, воображалъ, думая о ней, Богъ знаетъ что, хотя она, говорятъ, совсѣмъ нехороша была собой». — «Да? — сказала графиня, не слушая. — Онъ вѣдь, знаете умеръ нынѣшней зимой. И Писаревъ, единственный, кого онъ иногда допускалъ къ себѣ по старой дружбѣ, утверждаетъ, что во всемъ остальномъ онъ нисколько не былъ помѣшанъ, и я вполнѣ вѣрю этому—просто онъ былъ не теперешнимъ чета...» Наконецъ босая дѣвка съ необыкновенной осторожностью подала на старомъ серебряномъ подносѣ стаканъ крѣпкаго сиваго чая изъ прудовки и корзиночку съ печеньемъ, засиженнымъ мухами.

Когда поѣхали дальше, дождь разошелся уже по настоящему. Пришлось поднять верхъ,

закрыться калянымъ, ссохшимся фартукомъ, сидѣть согнувшись. Громыхали глухарями лошади, по ихъ темнымъ и блестящимъ ляжкамъ бѣжали струйки, подъ колесами сочно шуршали травы какого-то рубежа среди хлѣбовъ, гдѣ малый поѣхалъ въ надеждѣ сократить путь, подъ верхъ наб рался теплый ржаной духъ, мѣшавшійся съ запахомъ стараго тарантаса... —«Такъ вотъ оно что, Хвощинскій умеръ, — думалъ Ивлевъ. — Надо непремѣнно заѣхать, хоть взглянуть на это опустѣвшее святилище таинственной Лушки... Но что за человѣкъ былъ этотъ Хвощинскій? Сума шедшій или просто какая-то ошеломленная, вся на одномъ сосредоточенная душа?» По разсказамъ стариковъ-помѣщиковъ, сверстниковъ Хвощинскаго, онъ когда-то слылъ въ уѣздѣ за рѣдкаго умницу. И вдругъ свалилась на него эта любовь, эта Лушка, потомъ неожиданная смерть ея, — и все пошло прахомъ: онъ затворился въ домѣ, въ той комнатѣ, гдѣ жила и умерла Лушка, и больше двадцати лѣтъ просидѣлъ на ея кровати — не. только никуда не выѣзжалъ, а даже у себя въ усадьбѣ не показывался никому, насквозь просидѣлъ матрацъ на Лушкиной кровати и Лушкиному вліянію приписывалъ буквально все, что совершалось въ мірѣ: гроза заходитъ — это Лушка насылаетъ грозу, объявлена война — значитъ такъ Лушка рѣшила, неурожай случился, — не угодили мужики Лушкѣ...

— Ты на Хвощинское, что ли ѣдешь? — крикнулъ Ивлевъ, высовываясь подъ дождь.

— На Хвощинское, — невнятно отозвался сквозь шумъ дождя малый, съ обвисшаго кар-

туза котораго уже текла вода. — На Писаревъ верхъ...

Такого пути Ивлевъ не зналъ. Мѣста становились все бѣднѣе и глуше. Кончился рубежъ, лошади пошли шагомъ и спустили покосившійся тарантасъ размытой колдобиной подъ горку, въ какіе-то еще некошенные луга, зеленые скаты которыхъ грустно выдѣлялись на низкихъ тучахъ. Потомъ дорога, то пропадая, то возобновляясь, стала переходить съ одного бока на другой по днищамъ овраговъ, по буеракамъ въ ольховыхъ кустахъ и верболозахъ... Была чья-то маленькая пасѣка, нѣсколько колодокъ, стоявшихъ на скатѣ въ высокой травѣ, краснѣющей земляникой... Объѣхали какую-то старую плотину, потонувшую въ крапивѣ, и давно высохшій прудъ — глубокую лругу, заросшую бурьяномъ выше человѣческаго роста... Пара черныхъ куличковъ съ плачемъ метнулась изъ нихъ въ дождливое небо... А на плотинѣ, среди крапивы, мелкими блѣдно-розовыми цвѣточками цвѣлъ большой старый кустъ, то милое деревцо, которое зовутъ «Божьимъ деревомъ», — и вдругъ Ивлевъ вспомнилъ мѣста, вспомнилъ, что не разъ ѣздилъ тутъ въ молодости верхомъ, съ ружьемъ за плечами...

— Говорятъ, она тутъ утопилась-то, — неожиданно сказалъ малый.

— Ты про любовницу Хвощинскаго, что ли? — спросилъ Ивлевъ. — Это неправда, она и не думала топиться.

— Нѣтъ, утопилась, — сказалъ малый. — Ну, только думается, онъ скорѣй всего отъ бѣдности отъ своей сшелъ съ ума, а не отъ ней...

И, помолчавъ, грубо прибавилъ:

— А намъ опять надо заѣзжать... въ это, въ Хвощино-то... Ишь, какъ лошади-то уморились!

— Сдѣлай милость, — сказалъ Ивлевъ.

На бугрѣ, куда вела оловянная отъ дождевой воды дорога, на мѣстѣ сведеннаго лѣса, среди мокрой, гніющей щепы и листвы, среди пней и молодой осиновой поросли, горько и свѣжо пахнущей, одиноко стояла изба. Ни души не было кругомъ,—только овсянки, сидя подъ дождемъ на высокихъ цвѣтахъ, звенѣли на весь рѣдкій лѣсъ, поднимавшійся за избою, но, когда тройка, шлепая по грязи, поровнялась съ ея порогомъ, откуда-то вырвалась цѣлая орава громадныхъ собакъ, черныхъ, шоколадныхъ, дымчатыхъ, и съ яростнымъ лаемъ закипѣла вокругъ лошадей, взвиваясь къ самымъ ихъ мордамъ, на лету перевертываясь и прядая даже подъ верхъ тарантаса. Въ то же время и столь же неожиданно небо надъ тарантасомъ раскололось отъ оглушительнаго удара грома, ни разу не гремѣвшаго за весь день, а малый съ остервѣненіемъ кинулся драть собакъ кнутомъ, и лошади вскачь понесли среди замелькавшихъ передъ глазами осиновыхъ стволовъ...

За лѣсомъ уже видно было Хвощинское. Собаки отстали и сразу смолкли, дѣловито побѣжали назадъ, лѣсъ разступился, и впереди опять открылись поля. Вечерѣло, и тучи не то расходились, не то заходили теперь съ трехъ сторонъ: слѣва почти черная, съ голубыми просвѣтами, справа — сѣдая, грохочущая непрерывнымъ громомъ, а съ запада,

изъ-за хвощинской усадьбы, изъ-за косогоровъ надъ рѣчной долиной, — мутно-синяя, въ пыльныхъ полосахъ дождя, сквозь которыя розовѣли горы дальнихъ облаковъ. Но надъ тарантасомъ дождь рѣдѣлъ, и, приподнявшись, Ивлевъ, весь закиданный грязью, съ удовольствіемъ завалилъ назадъ отяжелѣвшій верхъ и свободно вздохнулъ пахучей сыростью поля.

Онъ глядѣлъ на приближающуюся усадьбу, видѣлъ, наконецъ, то, о чемъ слышалъ такъ много, но по прежнему казалось, что жила и умерла Лушка не двадцать лѣтъ тому назадъ, а чуть ли не во времена незапамятныя. По долинѣ терялся въ кугѣ слѣдъ мелкой рѣчки, и надъ ней летала бѣлая рыбалка. Дальше, на полугорѣ, лежали ряды сѣна, потемнѣвшіе отъ дождя; среди нихъ, далеко другъ отъ друга, раскидывались старые серебристые тополи. Домъ, довольно большой, когда-то бѣленый, съ блестящей, мокрой крышей, стоялъ на совершенно голомъ мѣстѣ. Не было кругомъ ни сада, ни построекъ, — только два кирпичныхъ столба на мѣстѣ воротъ да лопухи по канавамъ. Когда лошади въ бродъ перешли рѣчку и поднялись на гору, какая-то женщина въ лѣтнемъ мужскомъ пальто, съ обвисшими карманами, гнала по лопухамъ индюшекъ. Фасадъ дома былъ необыкновенно скученъ: оконъ въ немъ было мало, и всѣ они были невелики, сидѣли въ толстыхъ стѣнахъ. Зато огромны были мрачныя крыльца. Съ одного изъ нихъ удивленно глядѣлъ на подъѣзжающихъ молодой человѣкъ въ сѣрой гимназической блузѣ, подпоясанной широкимъ ремнемъ, черный, съ красивыми гла-

зами и очень миловидный, хотя лицо его было блѣдно и отъ веснушекъ пестро, какъ птичье яйцо.

Нужно было чѣмъ-нибудь объяснить свой заѣздъ. Поднявшись на крыльцо и назвавъ себя, Ивлевъ сказалъ, что хочетъ посмотрѣть и, можетъ быть, купить библіотеку, которая, какъ говорила графиня, осталась отъ покойнаго. И молодой человѣкъ, густо покраснѣвъ и одергивая сзади свою блузу, тотчасъ повелъ его въ домъ.—«Такъ вотъ это и есть сынъ знаменитой Лушки!»—подумалъ Ивлевъ, окидывая глазами все, что было на пути, и часто оглядываясь и говоря что попало, лишь бы лишній разъ взглянуть на хозяина, который казался слишкомъ моложавъ для своихъ лѣтъ. Тотъ отвѣчалъ поспѣшно, но односложно, путался, видимо, и отъ застѣнчивости и отъ жадности; что онъ страшно обрадовался возможн сти продать книги и вообразилъ, что сбудетъ ихъ недешево, сказалось въ первыхъ же его словахъ, въ той неловкой торопливости, съ которой онъ заявилъ, что такихъ книгъ, какъ у него, ни за какія деньги нельзя достать. Черезъ полутемныя сѣни, гдѣ была настлана красная отъ сырости солома, онъ ввелъ Ивлева въ большую переднюю.

— Тутъ вотъ и жилъ вашъ батюшка? — спросилъ Ивлевъ, входя и снимая шляпу.

— Да, да, тутъ, — поспѣшилъ отвѣтить молодой человѣкъ. — То-есть, конечно, не тутъ... они вѣдь больше всего въ спальнѣ сидѣли... но, конечно, и тутъ бывали...

— Да, я знаю, онъ вѣдь былъ боленъ, — сказалъ Ивлевъ.

Молодой человѣкъ вспыхнулъ.

— То-есть чѣмъ боленъ? — сказалъ онъ, и въ голосѣ его послышались болѣе мужественныя ноты. — Это все сплетни, они умственно нисколько не были больны... Они только все читали и никуда не выходили, вотъ и все... Да нѣтъ, вы, пожалуйста, не снимайте шляпу, тутъ очень холодно, мы вѣдь не живемъ въ этой половинѣ...

Правда, въ домѣ было гораздо холоднѣе, чѣмъ на воздухѣ. Въ непривѣтливой передней, оклеенной газетами, на подоконникѣ печальнаго отъ тучъ окна стояла лубяная перепелиная клѣтка. По полу самъ собою прыгалъ сѣрый мѣшочекъ. Наклонившись, молодой человѣкъ поймалъ его и положилъ на лавку, и Ивлевъ понялъ, что въ мѣшочкѣ сидитъ перепелъ; затѣмъ вошли въ залъ. Эта комната, окнами на западъ и на сѣверъ, занимала чуть ли не половину всего дома. Въ одно окно, на золотѣ разчищающейся за тучами зари, видна была столѣтняя, вся черная плакучая береза, въ остальныя — высокій засыхающій акатникъ. Передній уголъ весь былъ занятъ божницей безъ стеколъ, уставленной и увѣшанной образами; среди нихъ выдѣлялся и величиной и древностью образъ въ серебряной ризѣ, и на немъ, желтѣя воскомъ, какъ мертвымъ тѣломъ, лежали вѣнчальныя свѣчи въ блѣдно-зеленыхъ бантахъ.

— Простите, пожалуйста, — началъ-было Ивлевъ, превозмогая стыдъ, — развѣ вашъ батюшка...

— Нѣтъ, это такъ, — проборматалъ молодой человѣкъ, мгновенно понявъ его. —

Они уже послѣ ея смерти купили эти свѣчи... и даже обручальное кольцо всегда носили...

Мебель въ залѣ была топорная. Зато въ простѣнкахъ стояли прекрасныя горки, полныя съ верху до низу фарфоровыми вещицами, хрусталемъ, чайной посудой и бокалами въ золотыхъ ободкахъ. А полъ весь былъ усѣянъ колѣлыми пчелами, которыя щелкали подъ ногами. Пчелами была усыпана и гостиная, совершенно пустая. Пройдя ее и еще какую-то сумрачную комнату съ лежанкой, молодой человѣкъ остановился возлѣ низенькой двери и вынулъ изъ кармана брюкъ большой ключъ. Съ трудомъ повернувъ его въ ржавой замочной скважинѣ, онъ распахнулъ дверь, что-то пробормоталъ, — и Ивлевъ увидѣлъ каморку въ два окна; у одной стѣны ея стояла желѣзная голая койка, у другой — два книжныхъ шкапчика изъ корельской березы.

— Это и есть библіотека?—спросилъ Ивлевъ, подходя къ одному изъ нихъ.

И молодой человѣкъ, поспѣшивъ отвѣтить утвердительно, помогъ ему растворить шкапчикъ и жадно сталъ слѣдить за его руками.

Престранныя книги составляли эту библіотеку! Раскрывалъ Ивлевъ толстые переплеты, отворачивалъ шершавую сѣрую страницу и читалъ: «Заклятое урочище»... «Утренняя звѣзда и ночные демоны»... «Размышленія о таинствахъ міозданія»... «Чудесное путешествіе въ волшебный край»... «Новѣйшій сонникъ»... А руки все-таки слегка дрожали. Такъ вотъ чѣмъ питалась та одинокая душа, что навсегда затворилась отъ міра въ этой каморкѣ и еще такъ недавно ушла изъ нея... Но, можетъ быть, она, эта душа, и

впрямь не совсѣмъ была безумна? — «Есть бытіе, — вспомнилъ Ивлевъ стихи Баратынскаго, — есть бытіе, но именемъ какимъ его назвать? Ни сонъ оно, ни бдѣнье, —межъ нихъ оно, и въ человѣкѣ имъ съ безуміемъ граничитъ разумѣнье...» Расчистило на западѣ, золото глядѣло оттуда изъ-за красивыхъ лиловатыхъ облаковъ и странно озаряло этотъ бѣдный пріютъ любви, любви непонятной, въ какое-то экстатическое житіе превратившей цѣлую человѣческую жизнь, которой, можетъ, надлежало быть самой обыденной жизнью, не случись какой-то загадочной въ своемъ обаяніи Лушки...

Взявъ изъ-подъ койки скамеечку, Ивлевъ сѣлъ передъ шкапомъ и вынулъ папиросы, незамѣтно оглядывая и запоминая комнату.

— Вы курите? — спросилъ онъ молодого человѣка, стоявшаго надъ нимъ.

Тотъ опять покраснѣлъ.

— Курю, — пробормоталъ онъ и попытался улыбнуться. — То-есть не то что курю, скорѣе балуюсь... А, впрочемъ, позвольте, очень благодаренъ вамъ...

И, неловко взявъ папиросу, закурилъ дрожащими руками, отошелъ къ подоконнику и сѣлъ на него, загораживая желтый свѣтъ зари.

— А это что? — спросилъ Ивлевъ, наклоняясь къ средней полкѣ, на которой лежала только одна очень маленькая книжечка, похожая на молитвенникъ, и стояла шкатулка, углы которой были обдѣланы въ серебро, потемнѣвшее отъ времени.

— Это такъ... ожерелье покойной матуш-

ки, — запнувшись, но стараясь говорить небрежно, отвѣтилъ молодой человѣкъ.

— Можно взглянуть?

— Пожалуйста... хотя оно вѣдь очень простое... вамъ не можетъ быть интересно...

И, открывъ шкатулку, Ивлевъ увидѣлъ заношенный шнурокъ, снизку очень дешевенькихъ голубыхъ шариковъ, похожихъ на каменные. И такое волненіе овладѣло имъ при взглядѣ на эти шарики, нѣкогда лежавшіе на шеѣ той, которой суждено было быть столь любимой и чей смутный образъ уже не могъ не быть прекраснымъ, что зарябило въ глазахъ отъ сердцебіенія... Насмотрѣвшись, Ивлевъ осторожно поставилъ шкатулку на мѣсто; потомъ взялся за книжечку. Это была крохотная, прелестно изданная почти сто лѣтъ тому назадъ «Грамматика любви, или искусство любить и быть взаимно любимымъ».

— Эту книжку я, къ сожалѣнію, не могу продать, —съ трудомъ проговорилъ молодой человѣкъ. — Она очень дорогая... они даже подъ подушку ее себѣ клали...

— Но, можетъ быть, вы позволите хоть посмотрѣть ее?—сказалъ Ивлевъ.

— Пожалуйста, — прошепталъ молодой человѣкъ.

И, превозмогая неловкость, смутно томясь его пристальнымъ взглядомъ, Ивлевъ сталъ медленно перелистывать «Грамматику любви». Она вся дѣлилась на маленькія главы: «О красотѣ, о сердцѣ, объ умѣ, объ обращеніи, о знакахъ любовныхъ, о нападеніи и защищеніи, о размолвкѣ и примиреніи, о любви платонической»... Каждая глава состояла изъ коротенькихъ, изящныхъ, порою

очень тонкихъ сентенцій, и нѣкоторыя изъ нихъ были деликатно отмѣчены перомъ, красными чернилами. — «Любовь не есть простая эпизода въ нашей жизни, — читалъ Ивлевъ. Разумъ нашъ противорѣчитъ сердцу и не убѣждаетъ онаго. — Женщины никогда не бываютъ такъ сильны, какъ когда онѣ вооружаются слабостью. — Женщину мы обожаемъ за то, что она владычествуетъ надъ нашей мечтой идеальной. —Тщеславіе выбираетъ, истинная любовь не выбираетъ. — Женщина прекрасная должна занимать вторую ступень; первая принадлежитъ женщинѣ милой. Сія-то дѣлается владычицей нашего сердца: прежде нежели мы отдадимъ о ней отчетъ сами себѣ, сердце наше дѣлается невольникомъ любви навѣки»... Затѣмъ шло «изъясненіе языка цвѣтовъ», и опять кое-что было отмѣчено: «Дикій макъ — печаль. — Верескледъ — твоя прелесть запечатлѣна въ моемъ сердцѣ. — Могильница — сладостныя воспоминанія. — Печальный гераній — меланхолія. —Полынь — вѣчная горесть»... А на чистой страничкѣ въ самомъ концѣ было мелко, бисерно написано тѣми же красными чернилами восьмистишіе. Молодой человѣкъ вытянулъ шею, заглядывая въ «Грамматику любви», и сказалъ съ дѣланной усмѣшкой:

— Это они сами сочинили...

Черезъ полчаса Ивлевъ съ облегченіемъ простился съ нимъ. Изъ всѣхъ книгъ онъ за дорогую цѣну купилъ только эту книжечку. Мутно-золотая заря блекла въ облакахъ за полями, желто отсвѣчивала въ лужахъ, мокро и зелено было въ поляхъ. Малый не спѣшилъ, но Ивлевъ не понукалъ его.

Малый разсказывалъ, что та женщина, которая давеча гнала по лопухамъ индюшекъ, — жена дьякона, что молодой Хвощинскій уже давно живетъ съ нею, что у него уже есть дѣти. Ивлевъ не слушалъ. Онъ все думалъ о Лушкѣ, о ея ожерельѣ, которое оставило въ немъ чувство сложное, похожее на то, какое испыталъ онъ когда-то въ одномъ итальянскомъ городкѣ при взглядѣ на реликвіи одной святой. «Вошла она навсегда въ мою жизнь!» — подумалъ онъ. И, вынувъ изъ кармана «Грамматику любви», медленно перечиталъ при свѣтѣ зари стихи, написанные на ея послѣдней страницѣ:

Обрѣчены съ тобой мы оба
На грусть въ семъ мірѣ лжи и зла!
Моя любовь была до гроба,
Она со мною умерла.

Но ей сердца любившихъ скажутъ:
«Въ преданьяхъ сладостныхъ живи!»
И правнукамъ своимъ покажутъ
Сію Грамматику Любви.

1915.

Клаша.

Клаша Смирнова кончала въ уѣздномъ городѣ Быковѣ гимназію, когда неожиданно умерла тетка, воспитавшая ее, Любовь Лукьяновна Жемчужникова, кружевница и содержательница постоялаго двора на Монастырской площади. Ивана Ивановича Жемчужникова въ живыхъ давно не было, Клаша осталась въ эту весну круглой сиротой. Однако, по природѣ тихая и нѣжная, выросшая въ полномъ повиновеніи теткѣ, она ничуть не растерялась. Справивъ похороны и поминальный обѣдъ, она посовѣтовалась съ Павломъ Ивановичемъ Жемчужниковымъ, дьякономъ, и обстоятельно написала въ губернскій городъ Алексѣю Лукьяновичу Нефедову, брату умершей, ея единственному наслѣднику. Но Нефедовъ не отозвался, отвѣтомъ медлилъ, и мѣсяца два Клашѣ было трудно.

Всегда странно было ея положеніе. Всѣ подруги ея по гимназіи хорошо знали, что живетъ она, сирота, дочь неизвѣстнаго отца, изъ милости, среди пріѣзжающихъ и уѣзжающихъ мужиковъ и прасоловъ, ѣстъ съ деревяннаго круга требуху съ хрѣномъ, почуетъ при лампадкѣ и отворенныхъ дверяхъ въ кухню, гдѣ спятъ постояльцы и кухарка, гдѣ тараканы и лахань съ помоями, въ которую всю ночь медлительно каплетъ вода изъ

мѣднаго рукомойника; всѣ знали это и дивились: живетъ въ такомъ грубомъ быту, а нѣжна, хороша собой, ходитъ въ гимназію въ аккуратномъ коричневомъ платьицѣ и бѣлыхъ воротничкахъ, учится французскому языку, дѣлаетъ реверансы начальницѣ, которая всегда привѣтлива съ ней, но неизмѣнно провожаетъ ее долгимъ непріятно-внимательнымъ взглядомъ и втайнѣ раздражается на нее даже за то, въ чемъ она ни сномъ, ни духомъ не повинна, — за то, что второй годъ влюбленъ въ нее молодой законоучитель, застѣнчивый батюшка съ каштановыми вьющимися волосами и большими пугливыми рѣсницами...Теперь положеніе стало еще страннѣе: нужно было и въ гимназію ходить, разсуждать тамъ о древне-русской письменности или о типѣ Онѣгина и въ то же время, пользуясь только кое-какими совѣтами дьякона, человѣка очень осторожнаго и уклончиваго, уже самостоятельно править постоялымъ дворомъ: толковать съ кухаркой объ обѣдахъ и ужинахъ для цѣлой артели мужиковъ, спорить съ этими мужиками о цѣнѣ на халуй, на овесъ, на сѣно, мучительно долго разсчитываться съ ними, провѣрять хромого дворника и думать, напоили ли корову, сыты ли свиньи...

Къ іюню она рѣшила остаться съ осени при гимназіи, а пока кончить дѣла и переселиться къ дьякону нахлѣбницей. Но тутъ Нефедовъ, два мѣсяца не отвѣчавшій на ея письмо, неожиданно явился въ Быковъ самолично, явился затѣмъ, чтобы вести ее къ себѣ, и какъ то такъ вышло, что она даже не заикнулась ему о своемъ рѣшеніи.

Былъ жаркій день; уже давно купались и купали лошадей въ рѣкѣ мѣщане, разъѣхались гимназисты на каникулы, отцвѣла сирень въ монастырскомъ саду и цвѣла рожь въ поляхъ за монастыремъ; постоялый дворъ былъ тихъ и пустъ, исхудавшія безъ призора свиньи ревѣли съ голоду въ своей жаркой закутѣ, съ ногами лѣзли въ пустое, измазанное засохшимъ тѣстомъ корыто; Клаша, гремя отъ скуки коклюшками, сидѣла въ тѣни у раскрытаго окна, въ которое горячо дышала сушью и зноемъ безлюдная и пыльная Монастырская площадь, — какъ вдругъ возлѣ воротъ остановилась новая, съ рѣзнымъ передкомъ телѣга, и съ ея грядки неловко слѣзъ невысокій сѣдой старикъ въ картузѣ и поддевкѣ, немного схожій съ Толстымъ: завиваются изъ подъ картуза матово-серебряные волосы, супятся подъ козырькомъ бугристыя брови, еще густыя, но уже сѣрыя, велики мясистыя и блѣдныя уши, старчески худа шея и суха, обтрепана, легка сухая раскидистая борода.

— А я за тобой, за тобой, — сказалъ онъ, даже не поздоровавшись, только мелькомъ вглянувъ на Клашу маленькими водянистыми, но внимательными глазками. — Будетъ, поучилась, пора въ свѣтъ выѣзжать, кальеру дѣлать, — сказалъ онъ съ полушутливой родственной грубоватостью, привыкнувъ, какъ это сразу было видно, всю жизнь играть, кому-то подражать, и повелъ загремѣвшую по камнямъ телѣгу во дворъ, неуклюже ступая растоптанными сапогами. И Клаша, никогда не видавшая его, только много о немъ слышавшая, знавшая, что онъ столь же лю-

билъ ея несчастную мать, сколь не любилъ счастливую Любовь, вдругъ вся вспыхнула отъ радости, отъ нѣжности къ этому старику, къ его бородѣ, худой шеѣ и слабой старческой груди подъ розовой косовороткой, живо вскочила съ мѣста и выбѣжала къ нему на жаркое крыльцо.

Въ числѣ привычекъ Нефедова была привычка удивлять неожиданными поступками, неожиданными словами, была манера уѣзжать изъ дома внезапно. Куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ, онъ домашнимъ никогда не говорилъ, а спрашивать его не спрашивали, — остался страхъ отъ прежняго времени. Когда то онъ свято вѣрилъ, что распросы — гибель для задуманнаго дѣла: «закудакали — добра не будетъ». Подъ старость онъ не вѣрилъ ни во что, и власть его къ этому времени совсѣмъ ослабѣла, — своей волей стали жить и жена его Раиса Матвѣевна, и сынъ Ефремъ, и дочь Мариша, а онъ свою волю проявлялъ рѣдко. Но когда проявлялъ, то, опять-таки по привычкѣ, проявлялъ твердо, и ему ужъ не перечили. Такъ было и на этотъ разъ: никому ни слова ни говоря, Нефедовъ, послѣ двухмѣсячнаго раздумья, рѣшилъ ѣхать въ Быковъ на лошадяхъ, чтобы взять Клашу къ себѣ, и такъ и поступилъ, уѣхалъ внезапно и никѣмъ не спрошенный, въ ночь,—и всю дорогу зачѣмъ-то шелъ пѣшкомъ, притворялся жаднымъ старикомъ-мужикомъ.

Въ Быковѣ онъ, человѣкъ вообще нерѣшительный, расправился, какъ онъ самъ выразился, по-наполеоновски, въ два дня: расчелъ дворника, кухарку, за безцѣнокъ продалъ на сальни свиней, за безцѣнокъ

уступилъ дьякону весь домашній скарбъ, закрылъ окна, заперъ на рыжій громадный замокъ ворота, прилѣпивъ къ нимъ билетикъ: «Сей постоялый дворъ продается», взялъ съ собой только клѣтку съ цыплятами и, перекрестясь, тронулся домой.

— А вы мнѣ, дядечка, очень нравитесь, — сказала, садясь въ телѣгу, Клаша, удивившая его за эти дни своимъ спокойствіемъ, соединеннымъ съ наивными вспышками радости.

— Ага!—отвѣтилъ польщенный Нефедовъ. — Старая кобыла борозды никогда не испортитъ, — похвастался онъ, хотя Клаша много разъ слышала отъ покойной тетки, что давно испорчена вся жизнь его, что онъ, весь вѣкъ норовившій жить по хорошему, установленному, устроиться возможно прочнѣе, по своимъ собственнымъ, сто разъ продуманнымъ предначертаніямъ, прожилъ какъ попало, по чьей-то чужой волѣ, что семейный ладъ его, при самомъ своемъ началѣ, былъ разбитъ измѣной Раисы Матвѣевны, жившей съ бариномъ, у котораго онъ былъ крѣпостнымъ человѣкомъ.

Выѣхали по холодку, когда звонили ко всенощной, на блескъ низкаго солнца, и, оглянувшись на пыльный городъ, на его каланчу, чувствуя, что видитъ его въ послѣдній разъ, Клаша перекрестилась, по-дѣтски вздохнула и оправила платье, усаживаясь получше. Пока не стемнѣло, кой о чемъ разговаривали, потомъ стали дремать. Ночью разразился ливень съ грозой, — еще въ сумеркахъ все сверкало въ тучахъ на востокѣ, — по дорогамъ образовалась страшная грязь, и крѣп-

кая лошадь Нефедова едва тащила тяжелую, хотя и съ излишкомъ подмазанную телѣгу. Телѣга поскрипывала, качалась и укачивала Клашу, спавшую подъ кожей, возлѣ прикрытой веретьемъ клѣтки съ цыплятами. А Нефедовъ, одолѣвая сонъ и старость, всю ночь крѣпился, игралъ въ прежняго, хозяйственнаго и упрямаго Нефедова: сидѣлъ, въ мокрой чуйкѣ, въ мокромъ картузѣ, на краюшкѣ грядки, на изволокъ бѣжалъ возлѣ колеса, закатавшагося въ жирную грязь и въ травы, поспѣшалъ за надувавшейся, мокрой и потной лошадью, на бѣгу подвязывалъ ей узломъ хвостъ... Возлѣ города стало свѣтать, дождь пересталъ. Клаша очнулась и, выглянувъ изъ-подъ отяжелѣвшей кожи, вздохнула сладкой полевой сыростью, услышала шорохъ колесъ, воды и грязи, увидала сквозь рѣдѣвшій влажный сумракъ блѣдную, холодную на видъ зелень прилегшихъ къ землѣ хлѣбовъ, втулку вертящагося колеса, всю осыпанную жемчугомъ — крупными каплями воды, свертывавшейся на маслянистомъ дегтѣ...

— Это вика? — спросила она, разумѣя гороховое поле, мимо котораго ѣхали.

— Вика — трава для скотинѣ, — сказалъ Нефедовъ, шагавшій возлѣ ея головы. — Это, сударыня моя, горохъ. А тебѣ-то что?

Но Клаша не отозвалась — она опять крѣпко заснула. А когда въѣхали въ городъ и опять потемнѣло, опять пошелъ сильный дождь и сталъ громыхать громъ, да еще страшнѣй, раскатистѣй, какъ всегда на разсвѣтѣ, надъ камнемъ, надъ городомъ, она накрывшись кожей, спала уже сидя, но,

хотя и спала, все видѣла какъ неживая, — видѣла предразсвѣтныя блѣдно-фіолетовыя молніи, освѣщавшія черныя крыши домовъ, на которыхъ младенчески кричали отъ страха кошки, высокую колокольню, мелькавшую своей бѣлизной при молніяхъ, галокъ, кружившихся надъ крестомъ, а потомъ улицу, выходящую въ поле, какіе-то заборы и шумящія за ними липы. Циплята пищали, всѣ проснулись, лѣзли другъ на друга, а Клаша сидѣла и спала. Нефедовъ долго вглядывался сумрачными отъ усталости глазами въ ея лицо, сперва съ удивленіемъ, потомъ даже съ нѣкоторымъ страхомъ и наконецъ несмѣло пробормоталъ:

— Да что-й-то ты, Господи, я такихъ и съ роду не видывалъ! Ты спишь, что-ли?

Клаша, блѣдная и странно тихая, слабо улыбнулась, но какъ-то такъ, что выраженіе ея неподвижныхъ глазъ ничуть не измѣнилось, и тупо сказала:

— Вы не бойтесь. Это у меня, когда я разосплюсь, бываетъ.

Сонная, она видѣла немощенную широкую улицу, выходящую въ поле, старыя усадьбы, похожія на деревенскія, изъ которыхъ самая большая принадлежала помѣщику Страхову, — «прежнему нашему господину», сказалъ Нефедовъ, кнутомъ указывая на высокій черный садъ и на большой бревенчатый домъ дикаго цвѣта, глядѣвшій на улицу чистыми стеклами. Проѣхавъ этотъ домъ, телѣга остановилась возлѣ маленькаго помѣстья, возлѣ тесовыхъ воротъ. Надъ ними вился на шестѣ бѣлый конскій хвостъ, — въ этомъ было что-то степное, азіатское, — а къ нимъ при-

мыкалъ тоже бревенчатый, но странный какой-то домикъ: его стѣна, та, что выходила на улицу, была глухая, безъ оконъ. Нефедовъ ушелъ въ калитку, потомъ отворилъ изнутри ворота, и телѣга въѣхала во дворъ, устланый навозомъ, по которому со степной яростью носилась по рыскалу, гремѣла цѣпью желтая широкогрудая собака. Клаша слѣзла по колесу съ телѣги, поднялась на длинное деревянное крыльцо, на которое глядѣли изъ-подъ навѣса три окна. На порогѣ стояла высокая женщина съ черной и, какъ показалось Клашѣ, красивой головой. Клаша ласково и тихо, какъ неживая, поздоровалась съ ней и, пройдя по еще темному, теплому дому туда, куда ей указали, легла на постель и опять заснула.

Въ одинадцатомъ часу вся нефедовская семья, уже сходившая по случаю воскресенья къ обѣднѣ, сидѣла на крыльцѣ за самоваромъ, слушая Нефедова, который, въ круглыхъ серебряныхъ очкахъ, какъ-то очень хорошо умѣщавшихся въ его большихъ глазныхъ впадинахъ, пилъ чай съ молокомъ и разсказывалъ о своей поѣздкѣ, а Клаша все еще спала, и въ открытомъ окнѣ ея комнаты медленно дулась отъ вѣтра бѣлая занавѣска. Нефедовъ въ церкви не былъ, — онъ, очень набожный, но не любившій духовенства, всегда осуждавшій его за корыстолюбіе и поспѣшность при исполненіи службъ, читалъ обѣдню дома, въ своемъ чистомъ полутемномъ зальцѣ, гдѣ было много церковныхъ книгъ, образовъ стараго письма, мѣдныхъ складней и стоялъ аналой. Утомленный безсонной ночью и чтеніемъ вслухъ, онъ раз-

сказывалъ подробно, невыразительно, и путемъ слушала его только дочь, скромная на видъ, стройная и небольшая, съ твердыми ушками, полуприкрытыми сухими каштановыми волосами. Сынъ, высокій, гнутый, лѣпилъ бумажнаго змѣя, и его стоячіе, близко другъ къ другу посаженные глаза ничего не выражали, кромѣ вниманія къ своему дѣлу: онъ, преданный матери, всегда цѣловавшій по утрамъ ея руку, ходившій съ ней къ обѣднѣ, за покупками, дѣлавшій ей бумажные цвѣты на образа и на лампы, къ отцу былъ всегда невнимателенъ. А Раиса Матвѣевна, — крупная, худая, съ черно-глянцевитой головой, съ длинными, рѣдкими зубами, — мыла чашки и смотрѣла своими непріятно-смѣлыми глазами на самоваръ: она уже съ раздраженіемъ думала о заспавшейся Клашѣ.. И вдругъ щеколда въ калиткѣ стукнула, и какъ разъ въ ту минуту самую, когда на крыльцо вышла Клаша, уже проснувшаяся и безшумно умывшаяся за бѣлой занавѣской своего окна, во дворъ вошелъ Модестъ Страховъ.

Онъ тоже заспался въ это утро, какъ всегда, впрочемъ: покоенъ былъ его большой домъ, тихъ кабинетъ, выходившій окнами во дворъ, широка кровать краснаго дерева, стоявшая подъ старинной, чуть не всю стѣну занимавшей картиной, излюбленной дворянами, — подъ смуглой нагой Сусанной, съ миловиднымъ овальнымъ лицомъ, стыдливо и граціозно выходившей изъ мрамарнаго водоема: Страховъ, старый вдовецъ, жившій въ имѣніи, верстахъ въ пяти отъ города, никогда ни въ чемъ не стѣснялъ Модеста, давалъ

ему во всемъ полную свободу, и Модестъ пользовался ею. Кое-какъ одолѣлъ онъ гимназію, университета не кончилъ, хотя и не вышелъ изъ него, а просто забылъ о немъ, пріѣхавъ на святки изъ Москвы и увлекшись каткомъ, любительскими спектаклями и дочерьми вице-губернатора. Теперь онъ часто ходилъ къ Нефедовымъ, и всѣ дивились, зачѣмъ онъ бываетъ въ этомъ скучномъ домѣ, въ семьѣ своего бывшаго крѣпостного. Онъ былъ средняго роста, держался прямо, носилъ черную визитку, сѣрыя панталоны, лакированные ботинки съ пуговками и въ одеждѣ соблюдалъ крайнюю опрятность: визитка всегда точно съ иголочки, панталоны крѣпко заглажены, бѣлье и галстуки мѣняются каждый день; чесался онъ на прямой рядъ и тоже очень тщательно, — ровно проложенъ былъ пыльный проборъ въ его черныхъ крупныхъ волосахъ, тускло блестѣвшихъ отъ фиксатуара; брился по-актерски, и щеки у него были всегда голубыя. Безпокойны были его коричневые глаза, но правильныя, даже черезъ чуръ правильныя черты лица оживлялись рѣдко: тогда у него слегка дрожали руки, дрожали тонкіе пальцы, которыми онъ всегда поправлялъ батистовый траурный платочекъ, угломъ торчавшій изъ кармана его визитки на лѣвой сторонѣ груди. Втайнѣ гордясь знатностью своего рода, онъ занимался геральдикой и до смѣшного былъ свѣдущъ въ ней. Старикъ Нефедовъ его боялся, но проще всего Модестъ велъ себя именно у него въ домѣ. Онъ былъ на «ты» съ Ефремомъ и Маришей, которую, однако, всегда стѣсняло это. Съ напускной непри-

нужденностью обращалась съ нимъ одна Раиса Матвѣевна.

Подойдя къ крыльцу, онъ приподнялъ котелокъ:

— Можно? — спросилъ онъ.

И вся семья встала, подобострастно улыбаясь его шутливой вѣжливости.

Онъ поднялся на крыльцо, всѣмъ пожалъ руки, обернулся къ Клашѣ, держа котелокъ у груди...

— А это, позвольте вамъ представить, моя племянница, — сказала Раиса Матвѣевна не то насмѣшливо, не то церемонно.

И онъ особенно вѣжливо наклонилъ передъ Клашей свой напомаженный проборъ и слабо коснулся ея прохладной отъ воды руки. Потомъ твердо взглянулъ ей въ глаза, быстро окинулъ всю ея фигуру: пополнѣвшая со сна, съ темнымъ румянцемъ на щекахъ и темнымъ блескомъ глазъ, въ бѣленькой кофточкѣ, такой легкой, что въ рукавахъ розово сквозили предплечья, она была свѣжа, хороша, — онъ живо почувствовалъ это. И она чуть смѣшалась и сбѣжала по ступенькамъ на густой навозъ двора. Онъ поспѣшилъ заговорить съ Ефремомъ, а она, щурясь, подняла глаза на небо и радостно сказала, ни къ кому не обращаясь:

— Ахъ Боже мой, какъ уже поздно!

Погода разгуливалась; тепло солнца, скрытаго за облаками, доходило до лица, до рукъ. Въ небѣ пѣли невидимые жаворонки, сѣро-жемчужныя облака высоко плыли надъ улицей, по которой тянуло легкимъ, влажнымъ воздухомъ и запахомъ цвѣтовъ съ поля, а въ страховскомъ саду, глядѣвшемъ изъ-за

забора, ровно лепетала серебристая листва осинъ. И великъ, живописенъ показался Клашѣ этотъ садъ, темный, сырой внутри, въ глубинѣ, гдѣ на столѣтнихъ липахъ вили гнѣзда ястреба, а подъ мшистыми елями зеленѣли и гнили скамьи, на которыхъ уже давно не сидѣлъ никто...

1915.

Легкое дыханіе.

На кладбищѣ, надъ свѣжей глиняной насыпью, стоитъ новый крестъ изъ дуба, крѣпкій, тяжелый, гладкій, такой, что на него пріятно смотрѣть.

Апрѣль, но дни сѣрые; памятники кладбища, просторнаго, настоящаго уѣзднаго, еще далеко видны сквозь голыя деревья, и холодный вѣтеръ звенитъ и звенитъ фарфоровымъ вѣнкомъ у подножія креста.

Въ самый же крестъ вдѣланъ довольно большой бронзовый медальонъ, а въ медальонѣ — фотографическій портретъ нарядной и прелестной гимназистки съ радостными, поразительно живыми глазами.

Это Оля Мещерская.

Дѣвочкой она ничѣмъ не выдѣлялась въ той шумной толпѣ коричневыхъ платьицъ, которая такъ нестройно и молодо гудитъ въ коридорахъ и классахъ; что можно было сказать о ней, кромѣ того, что она изъ числа хорошенькихъ, богатыхъ и счастливыхъ дѣвочекъ, что она способна, но шаловлива и очень безпечна къ тѣмъ наставленіямъ, которыя дѣлаетъ ей классная дама? Затѣмъ она стала расцвѣтать, развиваться не по днямъ, а по часамъ. Въ четырнадцать

лѣтъ у нея, при тонкой таліи и стройныхъ ножкахъ, уже хорошо обрисовались груди и всѣ тѣ формы, очарованіе которыхъ еще никогда не выразило человѣческое слово; въ пятнадцать она слыла красавицей. Какъ тщательно причесывались нѣкоторыя ея подруги, какъ чистоплотны были, какъ слѣдили за своими сдержанными движеніями! А она ничего не боялась — ни чернильныхъ пятенъ на пальцахъ, ни раскраснѣвшагося лица, ни растрепанныхъ волосъ, ни заголившагося при паденіи на бѣгу колѣна. Безъ всякихъ ея заботъ и усилій и какъ-то незамѣтно пришло къ ней все то, что такъ отличало ее въ послѣдніе два года изъ всей гимназіи, — изящество, нарядность, ловкость, ясный, но смѣтливый блескъ глазъ. Никто не танцовалъ такъ, какъ Оля Мещерская, никто не бѣгалъ такъ на конькахъ, какъ она, ни за кѣмъ на балахъ не ухаживали столько, сколько за ней, и почему-то никого не любили такъ младшіе классы, какъ ее. Незамѣтно стала она дѣвушкой, и незамѣтно упрочилась ея гимназическая слава, и уже пошли толки, что она вѣтрена, что она не можетъ жить безъ поклонниковъ, что въ нее безумно влюбленъ гимназистъ Шеншинъ, что будто бы и она его любитъ, но такъ измѣнчива въ обращеніи съ нимъ, что онъ покушался на самоубійство...

Послѣднюю свою зиму Оля Мещерская совсѣмъ сошла съ ума отъ веселья, какъ говорили въ гимназіи. Зима была снѣжная, солнечная, морозная, рано опускалось солнце за высокій ельникъ снѣжнаго гимназическаго сада, но неизмѣнно погожее, лучи-

стое, обѣщающее и на завтра морозъ и солнце, гулянье на Соборной улицѣ, катокъ въ городскомъ саду, розовый вечеръ, музыку и эту во всѣ стороны скользящую толпу, въ которой Оля Мещерская казалась самой нарядной, самой беззаботной, самой счастливой. И вотъ однажды, на большой перемѣнѣ, когда она вихремъ носилась по сборному залу отъ гонявшихся за ней и блаженно визжавшихъ первокласницъ, ее неожиданно позвали къ начальницѣ. Она съ разбѣгу остановилась, сдѣлала только одинъ глубокій вздохъ, быстрымъ и уже привычнымъ движеніемъ оправила волосы, дернула уголки передника къ плечамъ, и, сіяя глазами, побѣжала наверхъ. Начальница, небольшая, моложавая, но сѣдая, спокойно сидѣла съ вязан емъ въ рукахъ за письменнымъ столомъ, подъ царскимъ портретомъ.

— Здравствуйте m-lle Мещерская, — сказала она по французски, не поднимая глазъ отъ вязанья. — Я, къ сожалѣнію, уже не первый разъ принуждена призывать васъ сюда, чтобы говорить съ вами относительно вашего поведенія.

— Я слушаю, madame, — отвѣтила Мещерская, подходя къ столу, глядя на нее ясно и живо, но безъ всякаго выраженія на лицѣ, и присѣла такъ легко и граціозно, какъ только она одна умѣла.

— Слушать вы меня будете плохо, я, къ сожалѣнію, убѣдилась въ этомъ, — сказала начальница и, потянувъ нитку и завертѣвъ на лакированномъ полу клубокъ, на который съ любопытствомъ посмотрѣла Мещерская, подняла глаза: — Я не буду по-

вторяться, не буду говорить пространно, — сказала она.

Мещерской очень нравился этотъ необыкновенно чистый и большой кабинетъ, такъ хорошо дышавшій въ морозные дни тепломъ блестящей голландки и свѣжестью ландышей на письменномъ столѣ. Она посмотрѣла на молодого Царя, во весь ростъ написаннаго среди какой-то блистательной залы, на ровный проборъ въ молочныхъ, аккуратно гофрированныхъ волосахъ начальницы и выжидательно молчала.

— Вы уже не дѣвочка, — многозначительно сказала начальница, втайнѣ начиная раздражаться.

— Да, madame, — просто, почти весело отвѣтила Мещерская.

— Но и не женщина, — еще многозначительнѣе сказала начальница, и ея матовое лицо слегка заалѣло. — Прежде всего, — что это за прическа? Это женская прическа!

— Я не виновата, madame, что у меня хорошіе волосы, — отвѣтила Мещерская и чуть тронула обѣими руками свою красиво убранную голову.

— Ахъ, вотъ какъ, вы не виноваты! — сказала начальница. — Вы не виноваты въ прическѣ, не виноваты въ этихъ дорогихъ гребняхъ, не виноваты, что разоряете своихъ родителей на туфельки въ двадцать рублей! Но, повторяю вамъ, вы совершенно упускаете изъ виду, что вы пока только гимназистка...

И тутъ Мещерская не теряя простоты и спокойствія, вдругъ вѣжливо перебила ее:

— Простите, madame, вы ошибаетесь: я

женщина. И виноватъ въ этомъ —знаете кто? Другъ и сосѣдъ папы, а вашъ братъ, Алексѣй Михайловичъ Малютинъ. Это случилось прошлымъ лѣтомъ въ деревнѣ...

А черезъ мѣсяцъ послѣ этого разговора казачій офицеръ, некрасивый и плебейскаго вида, не имѣвшій ровно ничего общаго съ тѣмъ кругомъ, къ которому принадлежала Оля Мещерская, застрѣлилъ ее на платформѣ вокзала, среди большой толпы народа, только что прибывшей съ поѣздомъ. И невѣроятное, ошеломившее начальницу признаніе Оли Мещерской совершенно подтвердилось: офицеръ заявилъ судебному слѣдователю, что Мещерская завлекла его, была съ нимъ въ связи, поклялась быть его женой, а на вокзалѣ, въ день убійства, провожая его въ Новочеркасскъ, вдругъ сказала ему, что она и не думала никогда любить его, что всѣ эти разговоры о бракѣ — одно ея издѣвательство надъ нимъ, и дала ему прочесть ту страничку своего дневника, гдѣ говорилось о Малютинѣ.

— Я пробѣжалъ эти строки, вышелъ на платформу, гдѣ она гуляла, поджидая, пока я кончу читать, и выстрѣлилъ въ нее, — сказалъ офицеръ. — Дневникъ остался въ карманѣ моей шинели, взгляните, что было написано въ немъ десятаго іюля прошлаго года.

И слѣдователь прочелъ приблизительно слѣдующее:

«Сейчасъ второй часъ ночи. Я крѣпко заснула, но тотчасъ же проснулась... Нынче я стала женщиной! Папа, мама и Толя, всѣ уѣхали въ городъ, я осталась одна. Я была такъ счастлива, что одна, что не умѣю сказать!

Я утромъ гуляла одна въ саду, въ полѣ, была въ лѣсу, мнѣ казалось, что я одна во всемъ мірѣ, и я думала такъ хорошо, какъ никогда въ жизни. Я и обѣдала одна, потомъ цѣлый часъ играла, подъ музыку у меня было такое чувство, что я буду жить безъ конца и буду такъ счастлива, какъ никогда́! Потомъ заснула у папы въ кабинетѣ, а въ четыре часа меня разбудила Катя, сказала, что пріѣхалъ Алексѣй Михайловичъ. Я ему очень обрадовалась, мнѣ было такъ пріятно принять его и занимать. Онъ пріѣхалъ на парѣ своихъ вятокъ, очень красивыхъ, и онѣ все время стояли у крыльца, но онъ остался, потому что былъ дождь и ему хотѣлось, чтобы къ вечеру просохло. Онъ очень жалѣлъ, что не засталъ папу, былъ очень оживленъ и держалъ себя со мной кавалеромъ, много шутилъ, что онъ давно влюбленъ въ меня. Когда мы гуляли передъ чаемъ по саду, была опять прелестная погода, солнце блестѣло черезъ весь мокрый садъ, хотя стало совсѣмъ холодно, и онъ велъ меня подъ руку и говорилъ, что онъ Фаустъ съ Маргаритой. Ему пятьдесятъ шесть лѣтъ, но онъ еще очень красивъ и очень всегда хорошо одѣтъ — мнѣ не понравилось только, что онъ пріѣхалъ въ крылаткѣ, — весь пахнетъ англійскимъ одеколономъ, и глаза совсѣмъ молодые, черные, а борода изящно раздѣлена на двѣ длинныя части и совершенно серебряная. За чаемъ мы сидѣли на стеклянной верандѣ, я почувствовала себя какъ будто нездоровой и прилегла на тахту, а онъ курилъ, потомъ пересѣлъ ко мнѣ, сталъ опять говорить какія-то любезности, потомъ разсматривать

и цѣловать мою руку. Я закрыла лицо шелковымъ платкомъ, и онъ нѣсколько разъ поцѣловалъ меня въ губы черезъ платокъ... Я не понимаю, какъ это могло случиться, я сошла съ ума, я никогда не думала, что я такая! Теперь мнѣ одинъ выходъ... Я чувствую къ нему такое отвращеніе, что не могу пережить этого!..»

Городъ за эти апрѣльскіе дни сталъ чистъ, сухъ, камни его побѣлѣли, и по нимъ легко, пріятно итти. Каждое воскресенье, послѣ обѣдни, по Соборной улицѣ, ведущей къ выѣзду изъ города, направляется маленькая женщина въ траурѣ, въ черныхъ лайковыхъ перчаткахъ, съ зонтикомъ изъ чернаго дерева. Она минуетъ пожарный дворъ, переходитъ по шоссе грязную площадь, гдѣ много закопченныхъ кузницъ и свѣжѣй дуетъ полевой воздухъ; дальше, между мужскимъ монастыремъ и острогомъ, бѣлѣетъ облачный склонъ неба и сѣрѣетъ весеннее поле, а потомъ, когда проберешься среди лужъ подъ стѣной монастыря и повернешь налѣво, увидишь какъ бы большой низкій садъ, обнесенный бѣлой оградой, надъ воротами которой написано Успеніе Божіей Матери. Маленькая женщина мелко крестится и привычно идетъ по главной аллеѣ. Дойдя до скамьи противъ дубоваго креста, она сидитъ, на вѣтру и на весеннемъ холодѣ, часъ, два, пока совсѣмъ не зазябнутъ ея ноги въ легкихъ ботинкахъ и рука въ узкой лайкѣ. Слушая весеннихъ птицъ, сладко поющихъ и въ холодъ, слушая звонъ вѣтра въ фарфоровомъ вѣнкѣ, она думаетъ иногда, что отдала бы полжизни, лишь бы не было передъ ея глазами этого

мертваго вѣнка. Мысль о томъ, что это Олю Мещерскую зарыли вотъ въ этой самой глинѣ, повергаетъ ее въ изумленіе, граничащее съ тупостью: какъ связать съ этой шестнадцатилѣтней гимназисткой, которая всего два-три мѣсяца тому назадъ такъ полна была жизни, прелести, веселья, этотъ глиняный бугоръ и этотъ дубовый крестъ? Возможно ли, что подъ нимъ та самая, чьи глаза такъ безсмертно сіяютъ изъ этого бронзоваго медальона, и какъ совмѣстить съ этимъ чистымъ взглядомъ то ужасное, что соединено теперь съ именемъ Оли Мещерской? — Но въ глубинѣ души маленькая женщина счастлива, какъ всѣ влюбленные или вообще преданные какой нибудь страстной мечтѣ люди.

Женщина эта — классная дама Оли Мещерской, дѣвушка за тридцать лѣтъ, давно живущая какой-нибудь выдумкой, замѣняющей ей дѣйствительную жизнь. Сперва такой выдумкой былъ ея братъ, бѣдный и ничѣмъ не замѣчательный прапорщикъ, — она связывала всю свою душу съ нимъ, съ его будущностью, которая почему-то представлялась ей блестящей, и жила въ странномъ ожиданіи, что ея судьба какъ-то сказочно измѣнится благодаря ему. Затѣмъ, когда его убили подъ Мукденомъ, она убѣждала себя, что она, къ великому будто бы ея счастью, не такова, какъ прочія, что красоту и женственность ей замѣняютъ умъ и высшіе интересы, что она—идейная труженница. Смерть Оли Мещерской плѣнила ее новой мечтой. Теперь Оля Мещерская — предметъ ея неотступныхъ думъ, восхищенія, радости. Она ходитъ на ея могилу каждый праздникъ,—

привычка ходить на кладбище и носить трауръ образовалась у нея со смерти брата, — по часамъ не спускаетъ глазъ съ дубоваго креста, вспоминаетъ блѣдное личико Оли Мещерской въ гробу, среди цвѣтовъ — и то, что однажды подслушала: однажды, на большой перемѣнѣ, гуляя по гимназическому саду, Оля Мещерская быстро, быстро говорила своей любимой подругѣ, полной, высокой Субботиной:

— Я въ одной папиной книгѣ, — у него много старинныхъ, смѣшныхъ книгъ, — прочла, какая красота должна быть у женщины... Тамъ, понимаешь, столько насказано, что всего не упомнишь: ну, конечно, черные, кипящіе смолой глаза, — ей-Богу, такъ и написано: кипящіе смолой! — черныя, какъ ночь, рѣсницы, нѣжно играющій румянецъ, тонкій станъ, длиннѣе обыкновеннаго рука, — понимаешь, длиннѣе обыкновеннаго! — маленькая ножка, въ мѣру большая грудь, правильно округленная икра, колѣно цвѣта раковины, покатыя, но высокія плечи, — я многое почти наизусть выучила, такъ все это вѣрно! — но главное, знаешь ли что? — Легкое дыханіе! А вѣдь оно у меня есть, — ты послушай, какъ я вздыхаю, — вѣдь, правда, есть?

Теперь это легкое дыханіе снова разсѣялось въ мірѣ, въ этомъ облачномъ небѣ, въ этомъ холодномъ весеннемъ вѣтрѣ...

1916.

II.

Слово.

Молчатъ гробницы, мумiи и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Изъ древней тьмы, на мiровомъ погостѣ,
Звучатъ лишь Письмена.

И нѣтъ у насъ иного достоянья!
Умѣйте же беречь
Хоть въ мѣру силъ, въ дни злобы и страданья,
Нашъ даръ безсмертный — рѣчь.

Поэту.

Въ глубокихъ колодцахъ вода холодна,
И чѣмъ холоднѣе, тѣмъ чище она.
Пастухъ нерадивый напьется изъ лужи
И въ лужѣ напоитъ отару свою,
Но добрый опуститъ въ колодецъ бадью,
Веревку къ веревкѣ привяжетъ потуже.

Безцѣнный алмазъ, оброненный въ ночи,
Рабъ ищетъ при свѣтѣ грошовой свѣчи,
Но зорко онъ смотритъ по пыльнымъ дорогамъ,
Онъ ковшикомъ держитъ сухую ладонь,
Отъ вѣтра и тьмы ограждая огонь,
И знай: онъ съ алмазомъ вернется къ чертогамъ.

Кадильница.

Въ горахъ Сициліи, въ монастырѣ забытомъ,
По храму темному, по выщербленнымъ
плитамъ,
Въ разрушенный алтарь пастухъ меня привелъ,
И увидалъ я тамъ: стоитъ нагой престолъ,
А передъ нимъ, въ пыли, могильно-золотая,
Давно потухшая, давнымъ-давно пустая,
Лежитъ кадильница — вся черная внутри
Отъ угля и смолы, пылавшихъ въ ней когда-то...

Ты, сердце, полное огня и аромата,
Не забывай о ней. До черноты сгори.

Парусъ.

Звѣздами вышитъ парусъ мой,
Высокій, бѣлый и тугой,
Ликъ Богоматери межъ нихъ
Сіяетъ, благостенъ и тихъ.

И что мнѣ въ томъ, что берега
Уже уходятъ отъ меня!
Душа полна, душа строга —
И тонко свѣтятся рога
Младой луны въ закатѣ дня.

На исходѣ.

Ходили въ мірѣ лже-Мессіи,—
Я не прельстился, угадалъ,
Что блудъ и срамъ ихъ литургіи
И рѣчь бряцающій кимвалъ.

Своекорыстные пророки,
Лжецы и скудные умы!
Звѣзда, что будетъ на востокѣ,
Еще среди глубокой тьмы.

Но на исходѣ сроки ваши:
Вновь проклятъ старый міръ—и вновь
Пьетъ Сатана изъ полной чаши
Идоложертвенную кровь!

Конь Аѳины-Паллады.

Запѣли жрецы, распахнулись врата—восхищенный
Палъ на колѣни народъ:
Чудовищный конь, съ расписной головой, золоченый,
Въ солнечномъ блескѣ грядетъ.

Горе тебѣ, Иліонъ! Многолюдный, могучій, великій,
Горе тебѣ, Иліонъ!
Ревомъ жрецовъ и народными кликами дикій
Голосъ Кассандры—пророческій вопль—заглушенъ!

Бѣгство въ Египетъ.

По лѣсамъ бѣжала Божья Мать
Куньей шубкой запахнувъ Младенца.
Стлалось въ небѣ Божье Полотенце,
Чтобы Ей не сбиться, не плутать.

Холодна, морозна ночь была,
Дива дивьи въ эту ночь творились:
Волчьи очи зеленью дымились,
По кустамъ сверкали безъ числа.

Двѣ сѣдыхъ медвѣдицы въ лугу
На дыбахъ боролись въ ярой злобѣ,
Грызлись, бились и мотались обѣ,
Тяжело топтались на снѣгу.

А въ дремучихъ заросляхъ, впотьмахъ,
Жались, табунились и дрожали,
Бѣлымъ паромъ изъ вѣтвей дышали
Звѣри съ бородами и въ рогахъ.

И огнемъ вставалъ за лѣсомъ Мечъ
Ангела, летѣвшаго къ Сіону,
Къ золотому Иродову трону,
Чтобъ главу на Иродѣ отсѣчь.

Орда.

За степью, въ приволжскихъ пескахъ,
Широкое, алое солнце тонуло.
Ребенокъ уснулъ у тебя на рукахъ.
Ты вышла изъ душной кибитки, взглянула
На кровь, что въ зеркальныя соли текла,
На солнце, лежавшее точно на блюдѣ, —
И сладкой отрадой степного, сухого тепла
Подуло въ лицо твое, въ потныя смуглыя груди.
Великій былъ станъ за тобой:
Скрипѣли колеса, верблюды ревѣли,
Костры, разгораясь, въ дыму пламенѣли
И пыль, какъ туманъ, поднималась надъ шумной, несмѣтной толпой.
Ты, дѣвочка, тихая сердцемъ и взоромъ,
Ты знала ль въ тотъ вечеръ, садясь на песокъ,
Что сонный ребенокъ, державшій твой темный сосокъ,
Тотъ самый Моголъ, о которомъ
Во вѣки вѣковъ не забудетъ земля?
Ты знала ли, Мать, что и я
Возславлю его,—что не надо мнѣ рая,
Христа, Галилеи и лилій ея полевыхъ,
Что я не смиреннѣе ихъ,—
Атиллы, Тимура, Мамая,

Что я ихъ достоинъ, когда,
Наскучивъ таиться за ложью,
Рву древнюю хартію Божью,
Насилую, рѣжу, и граблю, и жгу города?
— Погасла за степью слюда,
Дрожащее солнце въ пескахъ потонуло.
Ты скучно въ померкшее небо взглянула
И, тихо вздохнувши, опять опустила глаза...
Несмѣтною ратью чернѣли воза,
Въ синѣющей ночи прохладой и горечью дуло.

Архистратигъ.

Архистратигъ средневѣковый,
Написанный сто лѣтъ тому назадъ
На церковкѣ одноголовой,
Былъ тонконогъ, весь въ стали и крылатъ;
Кругомъ чернѣлъ холмистый боръ сосновый,
На озерѣ, внизу, стоялъ посадъ.
Текли года. Посадскіе мѣщане
Къ нему ходили на поклонъ,
Питались тѣмъ, чѣмъ при царѣ Иванѣ,—
Поставкой въ городъ древка для иконъ,
Корытъ, латковъ,—и правилъ Рыцарь строгій
Работой ихъ, заботой ихъ убогой,
Да хмурилъ брови тонкія свои
На пѣсни и кулачные бои.
Онъ говорилъ всей этой жизни бренной,
Глухой, однообразной, неизмѣнной,
Про дивный міръ Небеснаго Царя,
И освѣщала съ грустью сокровенной
Его съ заката блѣдная заря.

Кто зналъ его? Но вотъ, совсѣмъ недавно,
Открытъ и онъ, по прихоти тщеславной
Столичныхъ модъ,—въ журналѣ дорогомъ
Изображенъ на диво—и о немъ
Теперь толкуютъ мистики, эстеты,

Богоискатели, дѣвицы и поэты.
Ихъ сытыя, болтливыя уста
Пророчатъ Руси быть Архистратигомъ,
Кощунствуютъ о рубицѣ Христа
И умиляются,—по книгамъ,—
Какъ Русь смиренна и проста.

Святогоръ и Илья.

На гривастыхъ коняхъ на косматыхъ,
На златыхъ стременахъ на разлатыхъ,
Ѣдутъ братья, меньшой и старшой,
Ѣдутъ сутки и двое и трое,
Видятъ въ поле корыто простое,
Наѣзжаютъ—анъ гробъ, да большой:

Гробъ глубокій, изъ дуба долбленый,
Съ черной крышей, тяжелой, томленой,
Вотъ и сдвинулъ ее Святогоръ,
Легъ, накрылся и шутитъ: «А впору!
Помоги-ка, Илья, Святогору
Снова выйти на Божій просторъ!»

Обнялъ крышу Илья, усмѣхнулся,
Во всю грузную печень надулся,
Двинулъ срыву—да нѣтъ, погоди!
«Ты мечемъ!»—слышенъ голосъ изъ гроба.
Онъ за мечъ,—занимается злоба,
Загорается сердце въ груди,—

Нѣтъ, и мечъ не беретъ! Съ виду рубитъ,
Да не дѣлаетъ дѣла, а губитъ:
Гдѣ ударитъ—тамъ обручъ готовъ,
Нарастаетъ желѣзная скрѣпа,—
Не подняться изъ гробнаго склепа
Святогору во вѣки вѣковъ.

Кинулъ биться Илья—Божья воля!
Ѣдетъ прочь вдоль широкаго поля,
Утираетъ слезу... Отняла
Русской силы Земля половину:
Выѣзжай на иную путину,
На иныя дѣла!

Шестикрылый.

Мозаика въ соборѣ.

Алѣлъ ты въ заревѣ Батыя—
И потемнѣлъ твой жуткій взоръ.
Ты крылья рыже-золотыя
Въ священномъ трепетѣ простеръ.

Узрѣлъ ты Грознаго юрода
Монашескій истертый шлыкъ—
И навсегда въ изгибахъ свода
Застылъ твой большеглазый ликъ.

Св. Прокопій.

Бысть нѣкая зима
Всѣхъ зимъ иныхъ лютѣйша паче.
Бысть нестерпимый мразъ и бурный вѣтръ,
И снѣгъ спаде на землю превеликій,
И храмины засыпа, и не токмо
Въ путѣхъ, но и во градѣ померзаху
Скоты и человѣцы безъ числа,
И птицы мертвы падаху на кровли.
Бысть въ оны дни:
Святый своимъ наготствующимъ тѣломъ
Отъ той зимы безмѣрно пострада.
Единожды онъ нощію пріиде
Ко храминамъ убогихъ и хоте
Согрѣтися у нихъ; но ощутивше
Приходъ его, иніи затворяху
Дверь передъ нимъ, иніи же его
Біяху и кричаще:—Прочь отсюду,
Отыде прочь, Юроде!—Онъ въ углѣ
Псовъ обрѣте на снѣгѣ и соломѣ,
И ляже посредѣ ихъ, но бѣгоша
Тѣ пси его. И возвратися паки
Святый въ притворъ церковный и сѣде,
Согнуся и трясыйся и отчаявъ
Спасеніе себѣ.—Благославенно
Господне имя! Пси и человѣцы—
Единое въ свирѣпствѣ и умѣ.

Скоморохи.

Веселые скоморохи,
Люди смѣтливые,
Поломайтесь, позабавьте
Свѣтъ боярина!
Скучно ему во палатѣ!
Днемъ онъ выспался,
Шашки, сказки да побаски
Ужъ пріѣлися.
На лежаночкѣ въ павлинахъ
Сѣлъ онъ, батюшка,
Въ желтомъ стеганномъ халатѣ,
Въ ярь-мурмулочкѣ.
Шибче, шибче, скоморохи!
Ишь, какъ ожилъ онъ!
Глаза узкіе, косые
Засвѣтилися,
Все лицо его тугое
Смѣхомъ сморщилося,
Корешки зубовъ изъ рота
Зачернѣлися...
Ахъ, недаромъ вы, собаки,
Виды видывали!
Шибче, шибче! Чтобъ сосѣди
Намъ завидывали!

Казнь.

Туманно утро красное, туманно,
Да все свѣтлѣй, бѣлѣе на восходѣ,
За темными, за синими лѣсами,
За дымными болотами, лугами...
Вставайте, подымайтесь, псковичи!

Роса дождемъ легла на пыль,
На крыши избъ, на торгъ пустой,
На золото церковныхъ главъ,
На мой помостъ средь площади...
Точите ножъ, мочите солью кнутъ!

Туманно солнце красное, туманно,
Крававое не свѣтитъ и не грѣетъ
Надъ мутными, надъ бѣлыми лѣсами,
Надъ росными болотами, лугами...
Орите позвончѣе, бирючи!

Давай, мужикъ, лицо умыть,
Сапогъ обуть, кафтанъ надѣть,
Веди меня, вали подъ ножъ
Въ единый махъ—не то держись:
Зубами всѣхъ заѣмъ, не оторвутъ!

Святитель.

Твой гробъ, дубовая колода,
Стоялъ открытый, и къ нему
Все шли и шли толпы народа
Въ душистомъ голубомъ дыму.

А на доскѣ, тяжелой, черной,
Былъ смуглый золотой окладъ,
Блисталъ Твой образъ чудотворный
Въ огняхъ малиновыхъ лампадъ.

И, осѣняя міръ десницей
И въ шуйцу взявъ завѣтъ Христа,
Какъ горько Ты, о темнолицый,
Изсохшія смыкалъ уста!

Князь Всеславъ.

Князь Всеславъ въ желѣзы былъ закованъ,
Въ яму брошенъ братскою рукой:
Князю былъ жестокій уготованъ
Жребій по жестокости людской.
Русь его, призвавъ къ великой чести,
Въ Кіевъ изъ темницы извела.
Да не въ часъ онъ сѣлъ на княжемъ мѣстѣ,
Лишь копьемъ дотронулся Стола.
Что жъ теперь, дорогами глухими,
Воровскими въ Полоцкъ убѣжавъ,—
Что теперь, вдали отъ міра, въ схимѣ,
Вспоминаетъ темный князь Всеславъ?
Только звонъ твой утренній, Софія,
Голосъ твой серебряный!—Долга
Ночь зимою въ Полоцкѣ; другіе
Избы въ немъ, и церкви, и снѣга.
Далеко до свѣта, чуть сѣрѣютъ
Мерзлыя окошечки... Но вотъ
Слышитъ онъ сквозь сонъ—зовутъ и млѣютъ
Звоны райскихъ, ангельскихъ высотъ.
Въ Полоцкѣ звонятъ, а онъ иное
Слышитъ въ тонкой грезѣ... Что года,
Что позоръ, темница! Неземное
Сердцемъ онъ запомнилъ навсегда!

Чернецъ.

Въ ризы черныя одѣли,
Какъ усопшую отпѣли
Юную княжну.
Ангелъ келью затворилъ ей,
Старецъ схимникъ подарилъ ей
Гробъ и пелену.

Дни идутъ. Вдали отъ свѣта
Подвигъ труднаго обѣта
Завершенъ княжной.
Вотъ она въ соборѣ, въ ракѣ,
При лампадкахъ, въ полумракѣ,
Въ тишинѣ ночной.

Смутны своды золотые,
Тайно воинства святыя
Свѣтятъ на стѣнахъ,
И стоитъ, у кипарисной
Дивной раки, съ рукописной
Книгою монахъ.

Синій бархатъ гробно вышитъ
Серебромъ... Она не дышитъ,
Ликъ ея сокрытъ...
Но блѣднѣетъ онъ, читая,
И скользитъ слеза, блистая
Вдоль сухихъ ланитъ.

Сонъ.

По снѣжной полянѣ,
При мглистой и быстрой лунѣ,
Въ безлюдной лѣсной сторонѣ,
Несутъ меня сани.

Лежу, какъ мертвецъ,
Зырянинъ мой гонитъ и востъ,
И ликъ свой то кажетъ, то кроетъ
Небесный бѣглецъ.

И мчатся олени,
Глубоко и жарко дыша,
Въ далекія тундры спѣша,
И мчатся ихъ тѣни,—

Туда, гдѣ конецъ
Страны этой бѣдной, суровой,
Гдѣ блещетъ алмазной подковой
Полярный Вѣнецъ,—

И мерзлый кочкарникъ
Вижзитъ и стучитъ подо мной,
И Богъ озаряетъ луной
Снѣга и кустарникъ.

Матѳей Прозорливый.

Матѳей.

Ночь и могильный мракъ пещеры...
Бушуетъ буря на рѣкѣ,
Шумятъ лѣса... Кто это сѣрый
Входъ заслоняетъ вдалекѣ?
Опять ты, низкій Искуситель?

Дьяволъ.

Я, прозорливецъ, снова я!
Чернѣй трубы твоя обитель,
Да ты вѣдь зорокъ какъ змѣя,—
Тотчасъ замѣтишь!

Матѳей.

Гнусъ презрѣнный,
Тебѣ-ль смѣяться? Нѣтъ лютѣй
Врага для васъ во всей вселенной,
Чѣмъ я, нижайшій изъ людей.

Дьяволъ.

Ахъ, прозорливецъ! Этимъ людямъ
Ты врагъ не менѣе, чѣмъ намъ.
Давай ужъ лучше вмѣстѣ будемъ
Ходить за ними по пятамъ.
Ты мастеръ зрѣть ихъ помышленья,
Внѣдряться въ тайну ихъ сердецъ,
Не вовсе чуждъ, святой отецъ,
И я порядочнаго зрѣнья:
Зачѣмъ же бѣсамъ враждовать?
Ты развѣ хуже бѣсъ, чѣмъ всѣ мы?

Матөей.

Молчи, завистливая тать.
Тебѣ пути мои невѣмы.

Дьяволъ.

Ну да, ужъ гдѣ мнѣ! Ты пророкъ!
Ты разрушаешь наши козни,
Ты топчешь сѣмя зла и розни,
Ты крѣпко правишь свой оброкъ!
Ты и стоокій и стоухій!
Спроси тебя: «ты почему
Изслѣдуешь такъ жадно тьму?»—
Ты тотчасъ скажешь: «тамъ, какъ мухи,
Какъ червь на падали, кишатъ
Исчадія земли и ада—
Я не могу терпѣть ихъ смрада,
Я на борьбу спускаюсь въ адъ.»
О ненасытная въ гордынѣ
И безпощадная душа!
Нѣтъ въ мірѣ для тебя святыни,
Нѣтъ заповѣднаго ковша,
Нѣтъ сокровеннаго потока:
Во всѣхъ ключахъ ты воду пилъ
И всѣ хулилъ: «Вотъ въ этомъ илъ,
А въ томъ—гніющая осока...»

Матөей.

Что отвѣчать мнѣ твари сей,
Столь непотребной, скудоумной?
Мой скорбный рокъ, мой подвигъ трудный
Онъ мѣритъ мѣрою своей.
И тьма и хладъ въ моей пещерѣ...
Одежды ветхи... Сплю въ гробу...
О, Боже! Дай опору вѣрѣ
И укрѣпи мя на борьбу!

Бѣлый цвѣтъ.

Пустынникъ намъ сказалъ: «Благославенъ
Господь!
Когда я изнурялъ бунтующую плоть,
Когда я жилъ въ бору надъ Малымъ Танаисомъ,
Я такъ скорбѣлъ порой, что жаловался крысамъ,
Сбѣгавшимся изъ норъ на скудный мой обѣдъ,
Да спасъ меня Господь отъ вражескихъ побѣдъ!
И знаете ли чѣмъ, какой утѣхой сладкой?
Я забавлялъ себя своею сирой хаткой,
Я мѣлъ въ горахъ нашелъ—и за годъ раза три
Бѣлилъ ее, друзья, снаружи и внутри...
Ахъ, теменъ, теменъ міръ, и чувствуютъ
лишь дѣти,
Какая тишина и радость въ бѣломъ цвѣтѣ!»

Кончина.

И скрылось солнце жаркое въ лѣсахъ,
И звѣздная пороша забѣлѣла.
И понялъ онъ: достигнувшій предѣла,
Исчисленный, онъ взвѣшенъ на вѣсахъ.

Вотъ точно дуновенье въ волосахъ,
Вотъ снова сердце пало и сомлѣло:
Какъ стынетъ лѣсъ, что мигъ хладѣетъ тѣло,
И блещетъ снѣгомъ пропасть въ небесахъ.

Въ епитрахили, въ поручахъ, съ Распятьемъ,
Отъ скуднаго, послѣдняго тепла,
Навстрѣчу чьимъ-то ледянымъ объятьямъ,
Выходитъ онъ изъ темнаго дупла.

Трава въ росѣ. Болото дымомъ млечнымъ
Лежитъ въ лѣсу. Онъ на колѣняхъ. Съ Вѣч-
 нымъ.

Пѣсня.

Мнѣ вечоръ, младой, скученъ теремъ былъ,
Теменъ свѣтъ-ночникъ, страшенъ Спасовъ
Ликъ.
Вотчимъ-батюшка самоцвѣтъ укрылъ
Въ кипарисовый дорогой тайникъ!

А любезный другъ далеко, въ торгу,
Похваляется для другой конемъ,
Шубу длинную волочитъ въ снѣгу,
Свѣтитъ ей огнемъ, золотымъ перстнёмъ.

Мутный мѣсяцъ.

Что ты мутный, свѣтелъ-мѣсяцъ?
Что ты низко въ небѣ ходишь,
Не попрежнему сіяешь
На серебряные снѣги?

Не впервой мнѣ, мѣсяцъ, видѣть,
Что окно ея высоко,
Что краснѣетъ тамъ лампадка
За шелковой занавѣской.

Не впервой я ворочаюсь
Изъ кружала наглый, пьяный
И всю ночь сижу отъ скуки
Подъ Кремлемъ съ блаженнымъ Ваней.

И когда онъ спитъ—дивуюсь!
А вѣдь кволый да и голый...
Все смѣется, все бормочетъ,
Что башка моя на плахѣ
Такъ-то весело подскочитъ!

Русланъ.

Гранитный крестъ межъ сосенъ, на песча-
номъ
Крутомъ курганѣ. Дальше—золотой
Горячій блескъ: тамъ море, тамъ, въ стек-
лянномъ
Просторѣ водъ—міръ дивный и пустой...
А крестъ надъ кѣмъ? Да баютъ, надъ Русла-
номъ.

И сходятъ на-земь съ сѣделъ псковичи,
Сымаютъ съ плечъ тяжелые мечи
И преклоняютъ шлемы предъ курганомъ,
И зоркая сорока подъ крестомъ
Качаетъ длиннымъ траурнымъ хвостомъ,
Вдоль по песку на блескѣ моря скачетъ—
И что-то прячетъ, прячетъ...

Морской просторъ—въ доспѣхѣ золотомъ.

Безъ исторіи.

Край безъ исторіи... Все лѣсъ да лѣсъ, болота,
Трясины, заводи въ ольхѣ и тростникахъ,
Въ столѣтнихъ яворахъ... На дальнихъ облакахъ—
Заката лѣтняго краса и позолота,
Вокругъ тепло и блескъ... А на низахъ ужъ тѣнь,
Холодный сивый дымъ... Стою, рублю кремень,
Курю, стираю потъ... Жаръ стынетъ—остро, сыро
И пряно пахнетъ глушь. Невидимаго клира
Тончайшіе поютъ и поютъ голоса,
Столбомъ толчется гнусъ, таинственно и слабо
Свистятъ въ кугѣ ужи... Вотъ гаснетъ полоса
Чуть грѣющихъ лучей, вотъ заквохтала жаба
Въ дымящейся водѣ... Колтунный край древлянъ,
Русь кіевскихъ князей, медвѣдей, лосей, туровъ,
Полѣсье бортниковъ и черныхъ смолокуровъ—
И теплыхъ сумерекъ краснѣющій шафранъ.

Аленушка.

Аленушка въ лѣсу жила,
Аленушка смугла была,
Глаза у ней горячіе,
Блескучіе, стоячіе,
Мала, мала Аленушка,
А пьетъ съ отцомъ—до донушка.
Пошла она въ лѣса гулять,—
Желалося любовь понять,—
Да кто въ лѣсу встрѣчается?
Одна сосна качается!
Аленушка соскучилась,
Лѣсной жарой измучилась,
Зажгла она большой костеръ,
А въ сушь огонь—куда востеръ!
Сожгла лѣса Аленушка
На тыщу верстъ, до пенушка,
И гдѣ сама дѣвалася—
Донынѣ не узналося!

Колотушка.

Свѣтитъ, сѣти ткетъ паукъ...
Сумракъ, жаркія подушки,
Костяной бѣгущій стукъ
Залихватской колотушки.
Свѣтитъ, меркнетъ поплавокъ—
Въ золотистой паутинѣ
Весь лампадный уголокъ...
Горячо мнѣ на перинѣ,
Высока моя постель...
Убаюкиваетъ, тая,
Убѣгающая трель,
Костяная и пустая.

Молодой король.

То не красный голубь метнулся
Темной ночью надъ черной горою—
Въ черной тучѣ метнулась зарница,
Освѣтила плетни и хаты,
Громомъ гремитъ далекимъ.

— Ваша королевская милость,—
Говоритъ королю Елена,
А король на коня садится,
Пробуетъ, крѣпки-ль подпруги,
И лица Елены не видитъ,—
Ваша королевская милость,
Пожалѣйте ваше королевство,
Не ѣздите ночью въ горы:
Вражій станъ, ваша милость, близко.

Король молчитъ, ни слова,
Пробуетъ, крѣпко ли стремя.

— Ваша королевская милость,—
Говоритъ королю Елена,—
Пожалѣйте дѣтей своихъ малыхъ,
Молодую жену пожалѣйте,
Жениха моего пошлите!

Король въ отвѣтъ ей ни слова,
Разбираетъ въ темнотѣ поводья,
Смотритъ, какъ свѣтитъ на горѣ зарница.

И заплакала Елена горько
И сказала королю тихо:
— Вы у насъ ночевали въ хатѣ,
Ваша королевская милость,
На бѣду мою ночевали,
На мое великое счастье...
Побудьте еще хоть до свѣта,
Отца моего пошлите!

Не пушки въ горахъ грохочутъ—
Громъ по горамъ ходитъ,
Проливной ливень въ лужахъ плещетъ,
Синяя зарница освѣщаетъ
Дождевыя длинныя иглы,
Вороненую черноту ночи,
Мокрыя соломенныя крыши,
Пѣтухи поютъ по деревнѣ—
То ли спросонья, съ испугу,
То ли къ веселой ночи...
Король сидитъ на крыльцѣ хаты.

Ахъ, хороша, высока Елена!
Смѣло шагаетъ она по навозу,
Ловко засыпаетъ коню корма.

Мулы.

Подъ сводомъ хмурыхъ тучъ, спокойствіемъ
объятыхъ,—
Ненастный день темнѣлъ и ночь была близка —
Грядой далекихъ горъ, молочно-синеватыхъ,
На грани мертвыхъ водъ лежали облака.

Я съ острова глядѣлъ на море и на тучи,
Остановясь въ пути—и горный путь, віясь
Въ обрывѣ сизыхъ скалъ, бѣлѣлъ по дикой
кручи,
Гдѣ шли и шли они, подъ ношею клонясь.

И звукъ ихъ бубенцовъ, размѣренный, печальный,
Мнѣ говорилъ о томъ, что я въ странѣ чужой,
И душу той страны, глухой, патріархальной,
Далекой для меня, я постигалъ душой...

Вотъ такъ же шли они при Цезаряхъ, при
Ремѣ,
И такъ же день темнѣлъ, и вдоль скалистыхъ
кручъ
Лѣпился городокъ, сырой, забытый всѣми,
И человѣкъ скорбѣлъ подъ сводомъ хмурыхъ
тучъ.

Въ Апеннинахъ.

Поэзія темна, въ словахъ невыразима.
Какъ взволновалъ меня вотъ вотъ этотъ
дикій скатъ,
Пустой кремнистый долъ, загонъ овечьихъ
стадъ,
Пастушескій костеръ и горькій запахъ дыма!

Тревогой странною и радостью томимо,
Мнѣ сердце говоритъ: «Вернись, вернись
назадъ!»
Дымъ на меня пахнулъ какъ сладкій ароматъ,
И съ завистью, съ тоской я проѣзжаю мимо.

Поэзія не въ томъ, совсѣмъ не въ томъ, что
свѣтъ
Поэзіей зоветъ. Она въ моемъ наслѣдствѣ.
Чѣмъ я богаче имъ, тѣмъ больше я поэтъ.

Я говорю себѣ, почуявъ темный слѣдъ
Того, что пращуръ мой воспринялъ въ древ-
немъ дѣтствѣ:
— Нѣтъ въ мірѣ разныхъ душъ и времени въ
немъ нѣтъ!

Сирокко.

Гулъ бури за горой и грохотъ отдаленныхъ
Полуночныхъ зыбей, бушующихъ въ бреду.
Звонъ, непрерывный звонъ кузнечиковъ безсонныхъ
И мутный лунный свѣтъ въ оливковомъ саду.

Какъ фосфоръ, свѣтляки мерцаютъ подъ ногами;
На тускломъ блескѣ волнъ, облитыхъ серебромъ,
Ныряетъ гробомъ челнъ... Господь смѣшался съ нами
И мчитъ куда-то въ міръ въ восторгѣ бредовомъ.

Калабрійскій пастухъ.

Лохмотья, ножъ—и цвѣта черной крови
Горящіе глаза.
Кругомъ, въ пустынѣ каменистой,
Желтѣетъ дрокъ. Вдали руины, храмъ.

Сонъ давнихъ дней на этой древней нови!
Поютъ дрозды. Пять-шесть овецъ, коза.
Вдали полдневныхъ горъ хребетъ лазурно-
мглистый
И тѣни облаковъ по выжженнымъ буграмъ.

Зимой.

Покрывало море свитками
Древней хартіи своей
Берегъ съ глупыми кибитками
Забавлявшихся людей.

Слава Богу — за туманами
Скрылось солнце. Дикъ и грубъ,
Океанъ гремитъ органами,
Гуломъ раковинныхъ трубъ.

Въ свистѣ бури крикъ мерещится,
И высокая луна
Ночью прыгаетъ и плещется
Тамъ, гдѣ мечется волна,

Помпея.

Помпея! Сколько разъ я проходилъ
По этимъ переулкамъ!—Но Помпея
Въ апрѣльскій день скучнѣй пустыхъ могилъ,
Мертвѣй и чище новаго музея.

Я-ль виноватъ, что все перезабылъ:
И гдѣ кто жилъ, и гдѣ какая фея
Въ нагихъ стѣнахъ, безъ крыши, безъ стропилъ,
Шла въ хороводъ, прозрачной тканью вѣя!

Я помню только грубые слѣды,
Протертые колесами въ воротахъ,
Туманъ долинъ, Везувій и сады.

Была весна. Какъ медъ въ незримыхъ сотахъ,
Я въ сердцѣ жадно, радостно копилъ
Избытокъ силъ—и только жизнь любилъ.

Цвѣты.

Проносились надъ островомъ зимніе шквалы
и бури
То во мглѣ и дождѣ, то въ сіяньи небесной
глазури,—
И качались, качались цвѣты за широкимъ
блестящимъ стекломъ,
За окномъ мастерской, въ блѣдно-розовыхъ
глиняныхъ вазахъ;
Отъ дождя на стеклѣ загорались рубины въ
алмазахъ
И свѣжѣе цвѣты рисовались на фонѣ морскомъ.
Вѣтеръ въ рамѣ свисталъ, раздувалъ сѣрый
пепелъ въ каминѣ,
Градомъ сѣкъ по стеклу—и опять были ярки
и сини
Средиземныя зыби, глядѣвшія въ домъ,
А за тонкимъ алмазнымъ стекломъ,
То на мглѣ дождевой, то на водной синѣвшей
пустынѣ,
Въ золотой пустотѣ голубой высоты,
Все качались, качались дышавшіе моремъ
цвѣты...
Проносились февральскіе шквалы. Свѣтлѣе
и жарче сіяли
Африканскія дали,
И утихли вѣтры, зацвѣли
Въ каменистыхъ садахъ миндали,

Появились туристы въ панамахъ и бѣлыхъ
ботинкахъ
На обрывахъ, на козьихъ тропинкахъ,—
И къ Сициліи, къ Греціи, къ лиліямъ Божьей
Земли,
Къ Палестинѣ
Потянуло меня... И остался лишь пепелъ въ
каминѣ
Въ опустѣвшей моей мастерской,
Гдѣ всю зиму качались цвѣты на синѣвшей
пустынѣ морской.

Среди звѣздъ.

Настала ночь, остылъ отъ звѣздъ песокъ.
Скользя въ пескѣ, я шелъ за караваномъ,
И Млечный путь, двоящійся потокъ,
Бѣлѣлъ надъ нимъ свѣтящимся туманомъ.

Онъ дымчатъ былъ, прозраченъ и высокъ.
Онъ пропадалъ въ горахъ за Іорданомъ,
Онъ ниспадалъ на сумрачный востокъ,
Къ инымъ звѣздамъ, къ забытымъ райскимъ странамъ.

Скользя въ пескѣ, шелъ за верблюдомъ я.
Верблюдъ чернѣлъ, его большое тѣло
На верховомъ несло дуло ружья.

Сѣдло сухое деревомъ скрипѣло,
И верховой кивалъ, какъ не живой,
Осыпанной звѣздами головой.

За Ассуаномъ.

У нубійскихъ черныхъ хижинъ
Мы въ пути коней поили.
Вечеръ теплый, тихій, темный
Чуть свѣтилъ шафраномъ въ Нилѣ.

У нубійскихъ черныхъ хижинъ
Кто-то пѣлъ, томясь безстрастно:
— Я тоскую, я печальна
Оттого, что я прекрасна.

Мыши рѣяли, дрожали,
Буйволъ спалъ въ пребрежномъ илѣ,
Пахло теплымъ прянымъ дымомъ
И свѣтили звѣзды въ Нилѣ.

У Пирамидъ.

Въ жаркомъ золотѣ заката Пирамиды,
Вдоль по Нилу, на утѣху иностранцамъ,
Шелкомъ въ воду свѣтятъ парусныя лодки
И бѣжитъ луксорскій бѣлый пароходъ.
Это часъ, когда за Ниломъ пальмы четки
И въ Каирѣ блещутъ стекла алымъ глянцемъ
И хедивъ въ ландо катается и гиды
По кофейнямъ отдыхаютъ отъ господъ.

А сиреневыя дали,—тамъ, на югѣ,
На нубійскомъ, дикомъ югѣ, — мутны, знойны
И все такъ же міру чужды, заповѣдны,
Какъ при Хуфу, при Камбизѣ... Я привезъ
Лукъ оттуда и колчанъ зелено-мѣдный,
Щитъ изъ кожи бегемота, дротикъ стройный,
Мѣхъ пантеры, сѣть заржавленной кольчуги,
Но какая мнѣ въ нихъ надобность—вопросъ!

Гора Алагалла.

Въ лѣсахъ кричитъ павлинъ, шумятъ и плещутъ ливни,
Въ болотистыхъ низахъ, въ долинахъ рѣкъ—потопъ.
Слоны залѣзли въ грязь, стоятъ, поднявши бивни,
Сырые хоботы закинувши на лобъ.

На тучахъ зелень пальмъ—безжизненнѣй металла,
И, тяжко заступивъ графитный горизонтъ,
Глядитъ изъ-за лѣсовъ нагая Алагалла,
Какъ сизый мастодонтъ.

Святилище.

Сверкала Ступа снѣжной бѣлизною
Межъ тонкихъ и нагихъ кокосовыхъ стволовъ
И Храмовое Дерево отъ зною
Молочный цвѣтъ роняло надо мною
На древній камень жертвенныхъ столовъ.

Подъ черепицей низкая вихара
Таила Господа въ святилищѣ своемъ,
И я вошелъ въ часъ солнечнаго жара
Въ его пріютъ, принесъ ему два дара—
Цвѣты и рисъ—и посвѣтилъ огнемъ:

Покоился онъ въ сумракѣ пахучемъ,
Расписанъ золотомъ и лаками, плѣненъ
Полдневнымъ сномъ, блаженнымъ и тягучимъ;
Къ его плечамъ, округлымъ и могучимъ,
Вдоль по груди всползалъ хамелеонъ:

Горѣлъ какъ ярь, сощуривъ глазъ кошачій,
Дулъ горло желтое и плетью опустилъ
Эмаль хвоста, а лапы раскарячилъ;
Зубчатый гребень, огненно-горячій,
Былъ ярче и острѣе адскихъ пилъ.

И адскими картинами блистала
Вся задняя стѣна,—на страхъ душѣ земной,
И сушью раскаленнаго металла
Вихара полутемная дышала—
И вышелъ я на вольный свѣтъ и зной.

И снова сѣлъ въ двуколку съ сингалесомъ,
И голый сингалесъ, коричневый Адамъ,
Погналъ бычка подъ вѣернымъ навѣсомъ
Высокихъ пальмъ, сквознымъ и жаркимъ лѣсомъ,
Къ священнымъ водоемамъ и прудамъ.

Отливъ.

Въ кипящей пѣнѣ валуны,
Волна, блистая, заходила—
Ее ужъ тянетъ, тянетъ Сила
Всходящей за моремъ луны.

Во тьмѣ кокосовыхъ лѣсовъ
Горятъ стволы, дробятся тѣни—
Луна глядитъ—и, въ блескѣ, въ пѣнѣ,
Спѣшитъ волна на тайный зовъ.

И будетъ часъ: луна въ зенитъ
Войдетъ и станетъ надо мною,
Лѣса́ затопитъ бѣлизною
И мертвый обнажитъ гранитъ,

И міръ застынетъ—на вѣсу,
И выйду я одинъ—и буду
Глядѣть на каменнаго Будду,
Сидящаго въ пустомъ лѣсу.

Богиня.

Навѣсъ кумирни, жертвенникъ въ жасминѣ—
И дѣвственницъ склоненныхъ бѣлый рядъ.
Тростинки благовонныя чадятъ
Передъ хрустальной статуей Богини,
Потупившей свой узкій, козій взглядъ.

Лѣсъ, утро, зной. То зелень изумруда,
То хризолиты свѣтятъ въ хрусталѣ.
На кованномъ изъ золота столѣ
Сидитъ она, спокойная, какъ Будда,
Пречистая въ раю и на землѣ.

И взглядъ ея, загадочный и зыбкій,
Мерцаетъ все безстрастнѣй и мертвѣй
Изъ-подъ косыхъ приподнятыхъ бровей,
И тонкою недоброю улыбкой
Чуть озаренъ блестящій ликъ у ней.

Малайская пѣсня.

L'éclair vibre sa flèche...
L. de Lisle

Чернѣетъ зыбкій горизонтъ,
Надъ бѣлымъ блескомъ острыхъ волнъ
Змѣится молній быстрый блескъ,
И бьетъ прибой мой узкій челнъ.
Сырой и теплый ураганъ
Проносится въ сыромъ лѣсу,
И сыплетъ изумрудный лѣсъ
Свою жемчужную красу.
Стою у хижины твоей:
Ты на цыновкѣ голубой,
На скользкихъ лыкахъ сладко спишь,
И вѣтеръ вѣетъ надъ тобой.
Ты спишь съ улыбкой, мой цвѣтокъ.
Пустая хижина твоя,
Въ ненастный вечеръ, на вѣтру,
Благоухаетъ отъ тебя
Рѣсницы смольныя смеживъ,
Закрывши длинные глаза,
Окутавъ бедра кисеей,
Ты изогнулась, какъ лоза.
Мала твоя тугая грудь
И кожа смуглая гладка
И влажная нѣжна ладонь
И крѣпкая кругла рука.
И золотые позвонки
Висятъ на щиколкахъ твоихъ,
Янтарныхъ, твердыхъ, какъ кокосъ,
И сонъ твой беззаботный тихъ.

Но черенъ, черенъ горизонтъ!
Зловѣще грому вторитъ громъ,
Темнѣетъ лѣсъ, и океанъ
Сверкаетъ острымъ серебромъ.
Твои уста—пчелиный медъ,
Твой смѣхъ счастливый—щебетъ птицъ,
Но, женщина! люби лишь разъ,
Не подымай для всѣхъ рѣсницъ!
Ты легче лани на бѣгу,
Но вотъ на лань, изъ тростниковъ,
Метнулся розовый огонь
Двухъ желтыхъ суженныхъ зрачковъ:
О, женщина! Люби лишь разъ!
Твой смѣхъ лукавъ и лгалъ твой ротъ—
Клинокъ мой мѣдный раскаленъ
Въ моей рукѣ—и мѣтко бьетъ.
Умри!—Вотъ пьяные глаза,
Вотъ побѣлѣвшія уста...
Вздуваетъ буря парусъ мой,
Во мракѣ вьется блескъ холста.
Ножомъ я голову отсѣкъ
Въ единый взмахъ отъ шеи прочь,
Косою къ мачтѣ привязалъ—
И снова въ путь, во мракъ и ночь!
Раскалываетъ небо громъ—
И озаряетъ надо мной
По мачтѣ льющуюся кровь
И ликъ, качаемый волной.

Въ темную ночь, въ штиль, подъ экваторомъ.

Le Temps, l'Etendue et le Nombre...
L. de Lisle.

Время, Пространство, Число
Съ черныхъ упали небесъ
Въ море, гдѣ мракъ и покой.

Саванъ молчанья и тьмы
Ихъ поглотилъ безъ слѣда—
Время, Пространство, Число.

Тяжкимъ обломкомъ, нѣмымъ,
Падаетъ Духъ въ пустоту,
Въ море, гдѣ мракъ и покой.

Съ нимъ, погруженнымъ во тьму,
Тонутъ, рожденныя имъ,
Время, Пространство, Число
Въ морѣ, гдѣ мракъ и покой.

Прокаженный.

Отъ кипарисовыхъ гробницъ
Взлетѣла стая черныхъ птицъ,—
Тюрбе разстрѣляно, разбито.
Вотъ грязный шелковый покровъ,
Вотъ книга съ оттискомъ подковъ...
Какъ грубо конское копыто!

Зачѣмъ ты, тихій садъ, зацвѣлъ?
Среди пожарищъ мой оселъ
Рыдающимъ томится ревомъ...
А я—я, прокаженный, радъ
Дышать весной сквозь этотъ смрадъ,
Что таетъ въ небѣ бирюзовомъ:

Пустой, разрушенный, нѣмой,
Отнынѣ этотъ городъ—мой,
Мой каждый спускъ и переулокъ,
Мои всѣ туфли мертвецовъ,
И рвы, и остовы дворцовъ,
Гдѣ моря шумъ такъ свѣжъ и гулокъ!

13

Заклинаніе.

Изъ тонкогорлаго фіала
Я золотое масло лью
На аравійскую жаровню,
На жертву тайную мою:

— «Приди ко мнѣ, завороженной!
Приди къ невѣнчанной женѣ,
Супругъ невѣнчанный, сраженный
Стрѣлой въ невѣдомой странѣ!»

И угли вспыхиваютъ длиннымъ
Зеленымъ пламенемъ—и дымъ,
Лазурный, теплый и угарный,
По бедрамъ стелется нагимъ.

И лобъ мой стынетъ, каменѣетъ,
Глаза мутятся, сердце въ высь
Томительная сила тянетъ,
И груди остро поднялись:

Я предаюсь Тебѣ, я чую
Твой ароматъ и наготу
И на предплечьяхъ золотые
Браслеты въ ледяномъ поту!

Цирцея.

На треножникъ богиня садится:
Блѣдно-рыжее золото косъ,
Зелень глазъ и трепещущій носъ—
Въ мѣдномъ зеркалѣ все отразится.

Тонко бархатомъ риса покрытъ
Нѣжный ликъ, розовато-тѣлесный,
Каплей нектара, влагой небесной,
Блещутъ серьги, скользя вдоль ланитъ.

И Улиссъ говоритъ: «О, Цирцея!
Все прекрасно въ тебѣ: и рука,
Что прически коснулась слегка,
И сіяющій локоть, и шея!»

А богиня съ улыбкой: «Улиссъ!
Я горжусь лишь плечами своими,
Да пушкомъ апельсиннымъ межъ ними,
По спинѣ убѣгающимъ внизъ!»

Засуха въ раю.

От пальмъ увядшихъ слабы тѣни.
Ища воды, кричатъ въ тоскѣ
Среброголосые олени
И пожираютъ змѣй въ пескѣ.

Въ сухомъ лазоревомъ туманѣ
Очерченъ солнца алый кругъ,
И самъ Алла сжимаетъ длани,
Таитъ тревогу и испугъ.

Снимая съ исхудѣвшихъ пальцевъ
Златые перстни съ бирюзой,
Онъ дальній вопль земныхъ рыдальцевъ
Внимаетъ съ гнѣвомъ и слезой.

Онъ говоритъ: «О родъ безсильный!
О племя жалкое невѣждъ!» —
И жарко вѣетъ вѣтеръ пыльный
Подъ легкій шелкъ его одеждъ.

Аркадія.

Ключъ гремитъ на днѣ тѣснины,
Тѣнь широкая сползла
Отъ горы до половины
Бѣлознойнаго русла.
Истекаютъ, таютъ сосны
Разогрѣтою смолой,
И Зиждитель скиптроносный
Дышитъ сладостною мглой.
Пастухи его видали:
Онъ покоится въ тѣни,
И раскинуты сандалій
Запыленные ремни.
Золотою скользкой броней,
Хвоей, устлана гора—
И тяжка отъ благовоній
Сосенъ темная жара.

Вечерній жукъ.

На лиловомъ небѣ
Желтая луна.
Путается въ хлѣбѣ
Мрачная струна.

Шорохъ жесткокрылый—
И дремотный жукъ
Потянулъ унылый,
Но спокойный звукъ.

Я на мигъ забылся,
Оглянулся—свѣтъ
Лунный воцарился,
Вечера ужъ нѣтъ:

Лишь луна да небо
Да блѣднѣе льна
Зрѣющаго хлѣба
Мертвая страна.

Дѣдушка въ молодости.

Вотъ этотъ домъ, сто лѣтъ тому назадъ,
Былъ полонъ предками моими,
И было утро, солнце, зелень, садъ,
Роса, цвѣты, а онъ глядѣлъ живыми,
Сплошь темными глазами въ зеркала
Богатой спальни деревенской
На свой камзолъ, на красоту чела,
Изысканно, съ заботливостью женской
Напудренъ рисомъ, надушенъ,
Межъ тѣмъ какъ пахло жаркою крапивой
Изъ-подъ окна открытаго, и звонъ,
Торжественный и празднично-счастливый,
Напоминалъ, что въ должный срокъ
Пойдетъ онъ по аллеямъ, гдѣ струится
Съ полей нагрѣтый солнцемъ вѣтерокъ
И золотистый свѣтъ дробится
Въ тѣни раскидистыхъ березъ,
Гдѣ на куртинахъ дикихъ розъ,
Въ блаженствѣ ослѣпительнаго блеска,
Впиваютъ пчелы теплый медъ,
Гдѣ иволга то вскрикиваетъ рѣзко,
То окариною поетъ,
А вдалекѣ, за валомъ сада,
Спѣшитъ народъ, и краше всѣхъ—она,
Стройна, нарядна и скромна,
Съ огнемъ потупленнаго взгляда.

Игроки.

Овальный столъ, огромный. Вдоль по залу
Проходятъ дамы, слуги—на столѣ
Огни свѣчей, горящихъ въ хрусталѣ,
Колеблются. Но скупо внемлетъ балу,
Гремящему въ банкетной, и рѣчамъ
Мелькающихъ по залу милыхъ дамъ
Кругъ игроковъ. Всѣ курятъ. Бѣглымъ свѣ-
томъ
Блестятъ огни по жирнымъ эполетамъ.

Залъ, бѣлый весь, прохладенъ и великъ.
Подъ люстрой тѣнь. Межъ золотисто-смуг-
лыхъ
Большихъ колоннъ, межъ оконъ полукруг-
лыхъ—
Портретный рядъ: вонъ Павла плоскій ликъ,
Вонъ шелкъ и груди важной Катерины,
Вонъ Александра узкіе лосины...
За окнами—старинная Москва
И звѣздной зимней ночи синева.

Задумчивая женщина прижала
Платокъ къ губамъ; у мерзлаго окна
Сидитъ она, спокойна и блѣдна,
Взоръ устремивъ на тусклый сумракъ зала,—
На одного изъ штатскихъ игроковъ,
И чувствуетъ онъ тьму ея зрачковъ,
Ея очей недвижныхъ и печальныхъ
Подъ топотъ паръ и громъ мазурокъ бальныхъ.

Немолодъ онъ и на рукѣ кольцо.
Весь выбритый, худой, костлявый, стройный,
Онъ мечетъ зло, со страстью безспокойной.
Вотъ поднимаетъ желчное лицо,—
Скользитъ подъ красновато-чернымъ кокомъ
Лоскъ костяной на лбу его высокомъ,—
И говоритъ: «Ну что же, генералъ,
Я, кажется довольно проигралъ?—

Не будетъ ли? И въ картахъ и въ любови
Мнѣ не везетъ, а вы счастливый мужъ,
Васъ ждетъ жена...» — «Нѣтъ, Стоцкій, почему-жъ?
Порой и я люблю волненье крови»,
Съ усмѣшкой отвѣчаетъ генералъ.
И длится штосъ и длится свѣтлый балъ.
Предъ ужиномъ, въ часъ ночи, генерала
Жена домой увозитъ: «Я устала».

Въ пустомъ прохладномъ залѣ только дымъ,
Въ столовыхъ шумно, говоръ и распросы,
Обносятъ слуги тяжкіе подносы,
Князь говоритъ: «А Стоцкій гдѣ? Что съ нимъ?»
Мужъ и жена—тѣ въ темной колымагѣ,
Спѣшатъ домой. Промезлыя сермяги,
Въ заиндивѣвшихъ шапкахъ и лаптяхъ,
Трясутся на переднихъ лошадяхъ.

Москва темна, глуха, пустынна,—поздно.
Визжатъ, стучатъ въ ухабахъ подрѣза,
Возокъ скрѣпитъ. Она во всѣ глаза
Глядитъ въ стекло — тамъ, въ синей тьмѣ морозной,
Кудрявится деревьевъ сѣрыхъ мгла
И мелкіе блистаютъ купола...
Онъ хмурится съ усмѣшкой: «Да, вотъ чудо!
Нѣтъ Стоцкому удачи ни откуда!»

Ириса.

Свѣтло въ свѣтлицѣ отъ окна,
Красавицѣ не спится.
За чернымъ деревомъ луна,
Какъ зеркальце, дробится.

Комаръ тоскуетъ въ полутьмѣ,
Въ пуху лебяжьемъ знойно,
А что порою на умѣ —
И молвить непристойно.

Ириса дышитъ горячо,
Встаетъ... А ножки босы,
Открыто бѣлое плечо,
Смолой чернѣютъ косы.

Ступаетъ на коверъ она
И на софу садится...
За чернымъ деревомъ луна,
Склоняясь, золотится.

Людмила.

На западѣ весною подъ вечеръ тучи сини,
Сырой землею пахнетъ, бальзамомъ тополей.
Я бросилъ фортопьяны, пошелъ гулять въ долинѣ,
Среди своихъ спокойныхъ селеній и полей.

Сосѣдскій садъ сквозится по скатамъ за рѣкою,
Оливковый и сѣрый, онъ грустенъ, какъ всегда.
Вонъ голая аллея съ завѣтною скамьею,
Стволы березъ поникшихъ бѣлѣютъ въ два ряда.

И видѣлъ я, какъ тихо ты по саду бродила,
Въ весеннемъ легкомъ платьѣ...Простудишься, дружокъ!
Отъ тучи садъ печаленъ, а ты, моя Людмила?
Отъ нѣжныхъ думъ и счастья? Отъ чьихъ-то милыхъ строкъ?

Ночной весенній ливень, съ какимъ онъ шумомъ хлынулъ!
Какъ сладко въ черномъ мракѣ его земля пила!
Зажгли мнѣ восемь свѣчекъ, и я пасьянсъ раскинулъ,
И свѣчки длились блескомъ въ зеркальности стола.

Молодость.

Въ сухомъ лѣсу стрѣляетъ длинный кнутъ,
Въ кустарникѣ трещатъ коровы,
И синіе подснѣжники цвѣтутъ,
И подъ ногою листъ шуршитъ дубовый.

И ходятъ дождевыя облака,
И свѣжимъ вѣтромъ въ сѣромъ полѣ дуетъ,
И сердце въ тайной радости тоскуетъ,
Что жизнь, какъ степь, пуста и велика.

Въ пустомъ домѣ.

Синіе обои полиняли,
Образа, дагерротипы сняли —
Только тамъ остался синій цвѣтъ,
Гдѣ они висѣли много лѣтъ.

Позабыло сердце, позабыло
Многое, что нѣкогда любило!
Только тѣхъ, кого ужъ больше нѣтъ,
Сохранился незабвенный слѣдъ.

На Невскомъ.

Колеса острый снѣгъ взрывали и скрипѣли,
Два вороныхъ надменно пролетѣли,
Каретный кузовъ быстро промелькнулъ,
Блеснувъ уютомъ стеколъ незамерзлыхъ,
Слуга, сидѣвшій съ кучеромъ на козлахъ,
Отъ вихрей голову нагнулъ,
Поджалъ губу, синѣвшую щетиной,—
И вѣтеръ вѣялъ красной пелериной
Въ орлахъ на позументѣ золотомъ...
Что видѣлъ я? Таинственную раму
Зеркальнаго убѣжища—и даму
Съ красивымъ и заплаканнымъ лицомъ
Да ландыши на столикѣ въ бокалѣ...
Все пронеслось и скрылось за дворцомъ,
Въ темнѣющемъ буранѣ... Зажигали
Огни въ несмѣтныхъ окнахъ вкругъ меня,
Чернѣли грубо баржи на каналѣ,
И на мосту, съ дыбящаго коня
И съ бронзоваго юноши нагого,
Повисшаго у дикихъ конскихъ ногъ,
Дымились клочья праха снѣгового...
Я молодъ былъ, безвѣстенъ, одинокъ
Въ чужомъ мнѣ мірѣ, сложномъ и огромномъ.
Я долго позабыть не могъ
Объ этомъ вечерѣ бездомномъ.

Райское Древо.

Въ старой книгѣ картинка: свивается зыбко
по Древу,
Водитъ, тянется въ воздухѣ плоской голов-
кой своей,
Ищетъ жаломъ дрожащимъ нагую прекрасную
Еву
Искушающій Змѣй.

А какіе на Древѣ цвѣты и плоды наливные!
А какіе кусты, кипарисы и пальмы вдали!
Спитъ Адамъ у ручья. Носороги, медвѣди руч-
ные,
Лани, тигры и барсы въ тѣни полегли.

И стройна, высока волосами прикрытая Ева,
И къ ногѣ ея круглой склоняется гривою левъ,
И въ коронѣ павлинъ громко кличетъ съ цвѣ-
тущаго Древа
О блаженномъ стыдѣ искушаемыхъ дѣвъ.

Дурманъ.

Дурману дѣвочка наѣлась,
Тошнитъ, головка разболѣлась,
Пылаютъ щечки, клонитъ въ сонъ,
Но сердцу сладко, сладко, сладко:
Все непонятно, все загадка,
Какой-то звонъ со всѣхъ сторонъ:

Звонъ дивный—слышный и не слышный,
Міръ и невидимый и пышный,
Она глядитъ на садъ, на дворъ,
Идетъ къ избѣ и понимаетъ,
Куда идетъ,—дорогу знаетъ,
Но очарованъ слухъ и взоръ:

Не видя, видитъ взоръ иное,
Чудесное и неземное,
Не слыша, ясно ловитъ слухъ
Восторгъ гармоніи небесной—
И невѣсомой, безтѣлесной
Ее довелъ домой пастухъ.

На утро губки почернѣли,
Лобъ посинѣлъ... Ее одѣли,
Принарядили—и отецъ
Прикрылъ ее сосновой крышкой
И на погостъ отнесъ подмышкой...
Ужели сказочкѣ конецъ?

Псалтирь.

Блѣдносиній загадочный ликъ
На увядшія розы поникъ,

И свѣтильники гробъ золотятъ
И прозрачно струится ихъ чадъ...

— Дни мои отошли, отцвѣли,
Я бездомный и чуждый земли:

Да возрадуетъ духъ мой Господь,
Въ свѣтъ и жизнь облечетъ мою плоть!

Если крылья, какъ птица, возьму
И низринусь въ подземную тьму,

Если горнихъ достигну глубинъ,—
Всюду Ты, и всегда, и Единъ:

Укажи мнѣ прямые пути
И въ какую мнѣ тварь низойти.

Зеркало.

Темнѣетъ зимній день, спокойствіе и мракъ
Нисходятъ на душу—и все, что отражалось,
Что было въ зеркалѣ, померкло, потерялось...
Вотъ такъ и смерть, да, можетъ быть, вотъ такъ.

Въ могильной темнотѣ одна моя сигара
Краснѣетъ вдалекѣ, какъ дивный самоцвѣтъ.
Погаснетъ и она, развѣется и слѣдъ
Ея душистаго и тонкаго угара...

Кто это заигралъ? Чьи милые персты.
Чьи кольца яркія вдоль клавишъ побѣжали?
Душа моя полна восторга и печали—
Я не боюсь могильной темноты.

Послѣдній шмель.

Черный бархатный шмель, золотое оплечье,
Заунывно гудящій пѣвучей струной,
Ты зачѣмъ залетаешь въ жилье человѣчье
И какъ будто тоскуешь со мной?

За окномъ свѣтъ и зной, подоконники ярки,
Безмятежны и жарки послѣдніе дни,
Полетай, погуди—и въ засохшей татаркѣ,
На подушечкѣ красной усни.

Не дано тебѣ знать человѣческой думы,
Что давно опустѣли поля,
Что ужъ скоро въ бурьянъ сдуетъ вѣтеръ угрюмый
Золотого сухого шмеля.

Безъ меня.

Настанетъ день—исчезну я,
А въ этой комнатѣ пустой
Все то же будетъ: столъ, скамья
Да образъ, древній и простой.

И также будетъ залетать
Цвѣтная бабочка въ шелку,
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку.

И также будетъ небо дно
Смотрѣть въ открытое окно,
И море ровной синевой
Манить въ просторъ пустынный свой.

Компасъ.

Качка слабыхъ мучитъ и пьянитъ,
Круглое окошко поминутно
Гаситъ, заливаетъ хлябью мутной—
И трепещетъ, мечется магнитъ.

Но откуда-бъ, въ вѣтрѣ и туманѣ,
Не швыряло пѣной черезъ бортъ,
Вѣрю—онъ опять поймаетъ Nord,
Крѣпко сплю, мотаясь на диванѣ.

Не собьетъ съ пути меня никто.
Нѣкій Nord моей душою правитъ,
Онъ меня въ скитаньяхъ не оставитъ,
Онъ мнѣ скажетъ, если что: не то!

Пора.

Когда-то, надъ тяжелой баркой
Съ широкодонною кормой,
Не мало дней въ лазури яркой
Качались снасти надо мной.

Пора, пора мнѣ кинуть сушу,
Вздохнуть свободнѣй и полнѣй—
И вновь крестить нагую душу
Въ купели неба и морей!

Пѣсенка.

Рыжими иголками
  Устланъ косогоръ,
Сладко пахнетъ елками
  Жаркій лѣтній боръ.

Сядь на эту скользкую
  Золотую сушь
Съ пѣсенкою польскою
  Про лѣсную глушь.

Темнота вѣтвистая
  Надъ тобой виситъ,
Красное, лучистое,
  Солнце чуть сквозитъ.

Дай твои лѣнивыя
  Дѣвичьи уста,
Грусть твоя счастливая,
  Пѣсенка проста!

Сладко пахнетъ елками
  Потаенный боръ,
Скользкими иголками
  Устланъ косогоръ.

Памяти друга.

... Шелъ сенъ-бернаръ вдоль свѣтлой водной
гладп
Песчаною прибрежной полосой,
Шелъ гимназистъ въ сандаліяхъ, а сзади,
Въ капотѣ красномъ, съ черною косой,
Шла барышня... Мы сѣли на оградѣ,
Надъ пыльной и засохшей дерезой,
Надъ полусгнившей лѣстницей къ купальнямъ
И облака слѣдили въ небѣ дальнемъ.

На горизонтѣ стыла ихъ гряда,
И золотисто-свѣтлыми столпами
Сіяла безграничная вода,
Какъ небеса лежавшая предъ нами...
И ты сказалъ: «Послушай, гдѣ, когда
Я прежде жилъ? Я странно боленъ—снами,
Тоской о томъ, что прежде былъ я Богъ...
О, если бъ вновь обнять весь міръ я могъ!»

Ты вѣрилъ, что откликнется мгновенно
Въ моей душѣ твой бредъ, твоя тоска...
Какъ помню я усмѣшку, неизмѣнно
Твои уста кривившую слегка,
Какъ эта скорбь и жажда—быть вселенной,
Собакой, моремъ, камнемъ—мнѣ близка!
Какъ остро мы любили міръ съ тобою
Любовью неразгаданной, слѣпою!

Тѣ радости и муки безъ причинъ,
Та сладостная боль соприкасанья
Душой со всѣмъ живущимъ, что одинъ
Ты раздѣлялъ со мною,—нѣтъ названья,
Нѣтъ имени для нихъ,—и до сѣдинъ
Я донесу порывы возсозданья
Своей любви, своихъ плѣненныхъ силъ...
А ты ихъ вольной смертью погасилъ!

И правъ ли ты, не превозмогшій тѣсной
Судьбы своей и жребія творца,
Лишеннаго гармоніи небесной,
И для чего я мучусь безъ конца
Въ стремленьи вновь дать нѣкій видъ тѣлесный
Чертамъ ужъ безтѣлеснаго лица,
Зачѣмъ я этотъ вечеръ вспоминаю,
Зачѣмъ ищу ничтожныхъ словъ, — не знаю.

У гробницы Виргилія, весной.

Дикій лавръ и плющъ и розы,
Дѣти, тряпки по дворамъ
И коричневыя козы
Въ сорныхъ травахъ по буграмъ,

Безъ границы и безъ края
Моря вольные края...
Вѣрю—зналъ ты, умирая,
Что твоя душа—моя.

Зналъ поэтъ: опять весною
Будетъ смертному дано
Жить отрадою земною,
А кому—не все ль равно!

Запахъ лавра, запахъ пыли,
Теплый вѣтеръ... Счастливъ я,
Что моя душа, Виргилій,
Не моя и не твоя.

СОДЕРЖАНІЕ

